

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ВЫПУСК
XXVI

ТАШКЕНТ
2012

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИЯ,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Редакционная коллегия

Главный редактор
Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор
Лия ШАХНАЗАРОВА

Верстка и дизайн
Александра АНОСОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Иерей Андрей ТУГУШЕВ

Светлана АСАНОВА

Алексей АХМЕДОВ

Валерий ГЕРМАНОВ

Роман ДОРОФЕЕВ

Виктор ДУБОВИЦКИЙ

Вадим МУРАТХАНОВ

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

На обложке:

Стр. 1: Звонари ташкентского Свято-Владимирского собора (с. 26).

Стр. 2: Служба митрополита Ташкентского и Узбекистанского Викентия в крипте в Базилике Святого Николая, слева от гробницы святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, Чудотворца, в Бари (с. 14).

Стр. 3: Музей Прикладного искусства Узбекистана – бывший дом Александра Половцова-Второго (с. 95).

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО МИТРОПОЛИТА

- Пасхальное Послание митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа ВИКЕНТИЯ
пастырям, монашествующим и всем верным чадам
Русской Православной Церкви в Средней Азии 5
- Приветственное слово митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа ВИКЕНТИЯ
на Пятых научно-просветительских чтениях памяти
святых равноапостольных Кирилла и Мефодия 8

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

- Календарные страницы *главного редактора*
«Чудотворец изящный, предивный и милостивый...»
(925 лет со дня перенесения мощей святителя НИКОЛАЯ,
архиепископа Мир Ликийских, Чудотворца, в Бари (9 мая 1087 года)) 14
- Новостные страницы *Виталия СТОЛЯРОВА*
О радостных датах – и печальных данных 19
- Церковная жизнь: страницы *Романа ДОРОФЕЕВА*
Зачем «Катехизис» крещенной вере? 22

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ УЗБЕКИСТАНА

- Ташкентский Свято-Владимирский храм.
Материал подготовлен при участии *Ирины СЕРЖАНОВОЙ*
и *игумена Григория (ПАЛЕХОВА)* 26

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

- Роман ДОРОФЕЕВ*. Протоиерей Андрей Малов: вымыслы и факты
о жизни знаменитого туркестанского священника 31

ПУТИ ХРИСТИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

- Сергей ЕПИФАНОВИЧ*. Преподобный Максим Исповедник
(Отрывок из неопубликованной диссертации).
Публикация *Д.С. Бирюкова* и *Ю.П. Черноморца* 53

ДИНАСТИЯ: К 400-ЛЕТИЮ ДОМА РОМАНОВЫХ

- НИКОЛАЙ II*. Дневники. Июнь 1905 года 63

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

- Людмила САРАСКИНА*. Ссылные русские писатели в Средней Азии:
Федор Достоевский, Александр Солженицын 71
- Эдвард РТВЕЛАДЗЕ*. Respite post te, или Академик Массон и другие
(Из новой книги воспоминаний) 85
- Валерий ГЕРМАНОВ*. «Туркестанский след» династии Половцовых.
Александр Половцов-Второй и Михаил Андреев 94

Содержание (окончание)

ORIENTALIA

Андрей ВОЛОС. Возвращение в Панчруд
(Главы из нового романа) 100

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Социальные страницы *Лилии КАЛАУС*
То, что сохраняет 135

Литературные страницы *Вадима МУРАТХАНОВА*
«Новый эпос» о Духе и Истине 137

Авторы номера 142

Информация для авторов 143

Пасхальное Послание
митрополита Ташкентского
и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского
митрополичьего округа
ВИКЕНТИЯ
пастырям, монашествующим
и всем верным чадам
Русской Православной Церкви
в Средней Азии

*Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает:
смерть уже не имеет над Ним власти.
Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха;
а что живет, то живет для Бога.
Так и вы почитайте себя мертвыми для греха,
живыми же для Бога во Христе Иисусе Господе нашем.*
Рим. 6, 9-11.

Возлюбленные о Господе пастыри,
всечестные иноки и инокини,
дорогие братья и сестры!

Святая Пасха наполняет сердца всех верующих людей неизреченной радостью и ликованием. Отныне жизнь торжествует и смерть побеждена!

Воскрес Христос – и нам открылся иной мир, Царство невыразимой красоты и благодости. Божественная любовь разорвала сети ненависти, правда восторжествовала над ложью, и зло отступило, теснимое светом добра и созидательной милости.

Воскрес Христос – и все люди узнали, что смерти нет, что всякий верующий в Господа достоин свободной дороги к блаженной вечности Царства Небесного, что в силах каждого подвижника Христова достигнуть чести и славы Божией.

Воскрес Христос – и чудесным Воскресением Своим зовет всех верных вступить в пресветлый союз любимых и любящих, в благословенное Небесное родство, в семью Божию, пребывающую в незабвенном Горнем Отечестве.

«Праздником праздников и Торжеством из торжеств» называется Святая Пасха Христова, самый прекрасный и ликующий день для христиан. В Пресветлое Христово Воскресение мы спешим украсить наши души чистыми и высокими помыслами, святой самоотверженной любовью, исполнением заповедей Божиих, неприятием зла и насилия, отвержением всякого греха и беззакония. Ведь несомненной верой своей мы понимаем, что не на внешность и не на нарядность одежды взирает Возлюбленный Бог, а на истинную красоту душевную. Только ею мы можем порадовать Воскресшего Христа и сподобиться войти в сияние Его ликующей славы.

Нет в Царстве Божественной Любви места злобе и ненависти, вражде и клевете, зависти и гордыне. Всякая греховная нечистота предстоит далеко от Пречистых Небесных обителей. Если мы стремимся к Царству Божию, то зачем же омрачаем свою земную жизнь внутренней неправдой и нестроением, зачем позволяем греховным страстям обладать нами, ведь тем самым мы можем лишиться и главного – вечного спасения души?!

В дни Пасхальной радости и торжества о Воскресшем Господе нашем поспешим омыться от греха, сбросить груз скверных и нечистых помыслов. Потому что только очищение от грехов позволит нам обрести душевный мир и подлинную Небесную легкость, окрылит в праведности жизни до Ангельской святости. И ничто более не сможет у нас отнять благословенного сознания того, что Воскресение Христово есть подлинное предвестие нашего будущего воскресения и счастливой жизни в Царстве Небесном.

Воскрес Христос – и, став среди учеников Своих, сказал: *Мир вам* (Ин. 20, 19). Эти слова Господа имеют животворящую, творческую силу. Господь дарует мир всем верующим в Него. Но почему же мы, знающие Бога, зачастую не имеем мира в своей душе, что мешает нам пребывать в постоянной духовной радости? *Нет мира в костях моих от грехов моих* (Пс. 118, 165), – утверждал святой псалмопевец Давид. Пребывая в беззакониях, мы обретаем лишь душевную опустошенность. Тогда как Господь обещает мир лишь любящим закон Его.

Воскрес Христос – и само мироздание через Него сподобилось воскресения. То мироздание, которое претерпевало падение от совершенного первородного греха. То мироздание, которое пребывало во зле, грехах и страданиях, не зная иного выхода и окончания, кроме смерти и ада. Но вот Своею Кровью Божественный Сын искупил человечество от рабства греху. И теперь Воскресший Господь открыл путь верным в пресветлую вечность Пасхи Небесной, соделав всех исповедующих имя Христово родными Себе, почтив вдохновенным призывом: *Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48).

Да не отречемся вовек сего благословенного Небесного родства! Пребудем везде и всегда со Спасителем нашим в трудах благих и праведных, в милосердных делах и поступках, в чистых и высоких помыслах, в посте и молитвенном делании, в милости, кротости и взаимопонимании. Просвещенные Святой Пасхой Господней, станем такими, какими желает видеть нас Небесный Отец – не сомневающимися в вере, непреклонными в надежде, самоотверженными и преданными в любви.

Потрудимся над собой со всей ревностью, зная, что наши добрые чувства и дела – это чистейшее золото вечности.

Дорогие во Христе отцы, братья и сестры!

Возлюбленная среднеазиатская православная паства!

Встречая Святую Пасху Господню, отметим, как щедр и милостив к нам Небесный Отец! Явственное благословение Небес почивает на нашей епархии, отметившей в прошлом году свое 140-летие. И сегодня открыт простор для совершения добрых дел, создания православных приходов, воздвижения храмов и спасения человеческих душ. Перед нами стоит много важных и богоугодных задач, которые, по милости Божией, сподобимся осуществить в чередѣ христианской созидательной и милосердной деятельности.

Если все мы непрестанно станем укрепляться в благословенных добродетелях – вере, надежде, любви, стараясь помогать ближним, не грешить, не осуждать, не злословить, то Всещедрый Господь сподобит нас величайшего Своего дара – земного благоденствия и жизни вечной.

Архипастырски приветствуя вас с Пресветлым Христовым Воскресением, всем сердцем желаю каждому приобщиться Небесной благодати и ощутить в себе беззакатный, животворящий свет вечности. Познаем же сладость Любви Христовой, устремляясь за Спасителем нашим, Воскресением Своим указавшим нам путь к нескончаемому счастью и непрекращающейся духовной радости.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!

Пасха Христова 2012 года, Ташкент

Приветственное слово
митрополита Ташкентского
и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского
митрополичьего округа,
ВИКЕНТИЯ
на Пятых научно-просветительских
чтениях памяти святых
равноапостольных
Кирилла и Мефодия

Уважаемые господа!
Возлюбленные о Господе отцы, братья и сестры!

Милостью Божией, чтения, которые мы проводим сегодня, стали в Ташкенте традиционными и ежегодными. Мы посвящаем их вдохновенным просветителям славянских народов, равноапостольным Кириллу и Мефодию, благословенным учителям веры, принесшим Слово Божие на славянскую землю. Мы славим и воспеваем замечательных угодников Божиих, которые и ныне, столь же горячо и пламенно, возвеличенные в лике святых за понесенные труды веры, апостольского просвещения и благочестия, предстоят у Престола Всевышнего и молятся за весь род христианский, за каждого человека, прибегающего к их теплому молитвенному заступлению и предстательству.

Свет выдающейся просветительской деятельности равноапостольных Кирилла и Мефодия, учителей Словенских, и сегодня, как в древние, окутанные легендами и преданиями времена, несет благодатное тепло веры и христианской любви, рассеивает мрак человеческой ненависти и злобы, воспламеняет сердца людей истинным

призванием к познанию Божественной истины, к постижению главного предназначения на земле – воссоздания в человеке образа Божия, приготовления к блаженной вечности.

«Настоящая жизнь вся предоставлена трудам и подвигам, а будущая – венцам и наградам», – говорил святитель Василий Великий. Именно таковой выдалась земная жизнь богоугодных братьев, святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, состоявшая из непрестанных трудов во славу Божию и незабвенных подвигов веры христианской. На этих вдохновенных просветителях славян подлинно осуществились и прореклись слова Господа нашего Иисуса Христа, призывавшего: *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5, 16).

Задумаемся о том, кого же Господь избрал на подвиг апостольства среди славян? Кем были те, которые по плану Божественного промысления явились трудолюбивыми жнецами благословенной Христовой жатвы? Один из братьев – любомудрый богослов, никогда не расстающийся с книгами. Другой – подлинный аскет христианской веры, закаленный в земных сражениях и духовной брани. Удивительно, что таким несхожим явилось начало их святого поприща, сколь различными были и характеры этой *священной двоицы*. Но истинно волей Божией благочестивые братья были избраны на служение в единоравности апостолам Христовым, чтобы утвердить славянские народы в Православии и единомыслии, принести мир, надежду, любовь, спасти человеческие души познанием Божественной правды.

В македонском городе Солуни, просвещенном великим учителем язычников святым апостолом Павлом, некогда жил верный и праведный муж, именем Лев, человек уважаемый и довольно богатый, занимавший одну из первых должностей в порядке тогдашнего воинского чиновачалия. У него было семеро сыновей, в числе которых Бог послал будущих благовестников Святого Евангелия в земле славянской: старшего – Мефодия и младшего Константина (в иночестве Кирилла).

Мефодий, получив прекрасное образование, сначала служил, как и отец его, в военном звании. Царь, узнав о нем как о хорошем и добросовестном воине, поставил его воеводой в славянское княжество Славинию, бывшее под греческой державой. Так Мефодий стал мужем государственным. Вскоре, милостью Божией, открылось, что княжение его было не для славы мира, не для почестей и уважения человеческого. Будучи правителем, Мефодий хорошо изучил ту ниву, на которой в будущем призовется Господом сеять Слово Христово. Как апостолу славян ему жизненно необходимы были эти знания. А исполнение государственных обязанностей предоставляло для того поистине прекрасную возможность.

Через десять лет воеводского княжения, вкусив суету житейскую, Мефодий отказывается от всех привилегий власти, устремляя все свои мысли и чаяния к Небесному совершенству. Он идет на гору Олимп, дабы подвигами монашескими, непрестанными трудами веры и постничества всего себя посвятить Господу и в иночестве познать правду истинной христианской жизни. Не ведал в тот час, решающий час своего несомненного отказа от всех земных благ и удовольствий, святой равноапостольный Мефодий, что именно это новое смиренное поприще уготовит ему славу и почи-

тание гораздо большие, чем прежде – в мире власти, почестей, общественного возвышения и богатства.

Между тем, младший сын Льва, Константин, в иночестве Кирилл, шел своим путем к равноапостольской славе и святости, к просвещению славянских народов. Действия его благодатного призвания открылись очень рано, почти с рождения. Мать хотела отдать ребенка на вскармливание кормилице, но он воспротивился, не принял чужого молока. Благочестивые родители поняли по этому поступку несмысленного малыша, что Божиему Промыслу угодно возвращать необыкновенное дитя в чистоте и благодати физической. С той минуты и до конца жизни родители будущих просветителей жили и вели себя подобно непорочным девственникам.

Чем старше становился Константин, тем более являлась в нем сила и слава Божия. Божественная благодать просвещала его ум и очищала сердце.

В возрасте семи лет увидел мальчик удивительный сон, в котором велено было ему избрать из всех представленных девиц невесту. Константин выбрал самую прекрасную девушку в богатых украшениях, именем София. Родители, услышав о чудесном сне, поняли, что Господь дает отроку девицу Софию, то есть Премудрость Божию, возрадовались духом и со старанием продолжили учить Константина не только книжному чтению, но и богоугодному добронравию.

Однажды в жизни Константина произошел случай, который помог ему осознать намерение Божественного промысла о нем. У него был сокол, к которому мальчик весьма привязался. Как было в обычае у людей богатых, отрок отправился со своим соколом на охоту в поле. Но только он выпустил птицу, стихийный поток ветра схватил сокола и унес неведомо куда.

Двое суток Константин был безутешен, не вкушал пищи, не пил воды и ни с кем не разговаривал. Но потом, в молитвах сердца, благочестивый подросток просветился светом Божественной правды и окончательно понял, что все земные утехи непрочно и ненадежны, что нет смысла и чести прилепляться к ним душой. В поисках духовного преображения и совершенствования юный сподвижник Христов мысленно и молитвенно обратился к святителю Григорию Богослову, труды которого особенно знал и почитал, за наставничеством и учительством, просветительством веры. Он стал наизусть учить труды этого замечательного пастыря Церкви Христовой.

В это время малолетний греческий император Михаил III, сын благочестивой Феодоры, слушал уроки у знаменитых ученых того времени Льва и Фотия, впоследствии ставшего Патриархом Цареградским. Царственному питомцу понадобился соученик в освоении различных знаний, как пример усердия, трудолюбия и кроткого нрава. Выбор пал на четырнадцатилетнего Константина. Так Господь соделал будущего славянского просветителя царским совоспитанником.

С пылом восторженного сердца и неиссякаемой жаждой знаний предается будущий святой угодник Божий учению, не исключая никакой предложенной ему науки. При этом греховные развлечения царского двора совершенно не трогают его сердца. Константин и в царских покоях, по-прежнему, честен, чист, кроток и смиренен душой. Мудрый отрок, много по жизни имея, ничем земным не смущался и не прельщался

ся. Не принимал он и золота, которым щедро хотел наградить сотоварища в учении юный император-покровитель.

Не прельщали подросткового Константина ни выгодная женитьба на богатой красавице, ни предложенное княжение, ни престижная должность. Прошло некоторое время, и Константин тайно от всех ушел в монастырскую обитель. Полгода вельможи и слуги царские напрасно искали его. Только приняв усиленную просьбу царя, Константин вернулся в мир для особого служения – принял на себя обязанность учить философии соплеменников и иноземцев. Так святой угодник Божий вступил на путь просвещения, став известным общественным деятелем.

Целью моего выступления не является отражение жизни и трудов святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, учителей Словенских. Об этом написаны многие книги и трактаты, составлены многочисленные жития. Мне хочется сегодня, чтобы все мы, братья и сестры, ревнуя о современном образовании и просвещении, обратили внимание на то, *что и как* сеялось святыми угодниками в народе нашем, на земле славянской, с самой первой поры. Как семя веры принималось на этой благодатной почве, как возрастало, принося благословенный урожай православной веры?..

Премудрость Промысла Божия явно прослеживается в судьбах святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, предназначенных к подвигу просвещения славян. Фессалоники (или по-другому Солунь), где родились братья, был вторым по значению городом Византийской империи. Здесь среди греков жило немало славян. Можно предположить, что уже с раннего детства святые Кирилл и Мефодий слышали славянскую речь и сами научились свободно говорить по-славянски. Будучи воеводой в княжении своем, Мефодий еще до монашества проникся духом славянства, пребывая десять лет среди болгар, разделяя народные чаяния и нужды. Константин же и в Царьграде, участь и живя в царских палатах, часто беседовал со славянами, освежая в этих разговорах свое знание славянского языка.

Когда философ-христианин Константин просвещал светом Православной веры Хазарию, он имел огромную духовную поддержку в лице своего старшего брата Мефодия, убедив последнего отправиться вместе в дальние земли. Проповедь веры Христовой в Хазарии была столь убедительной, что по возвращении братьев в Царьград, восхищенный их деяниями и проповедническими трудами, народ провозгласил их равными апостолам Господним. Но, между тем, главный апостольский подвиг учителей Словенских был впереди.

Интересно, что по пути в Хазарию святые Константин и Мефодий остановились в Крыму. И там Бог послал им неизреченный дар. От некоего русича получили они многозначительную находку – Евангелие и Псалтырь на русском языке. Священная книга была записана так называемыми «резами» – письменами, крайне трудными для усвоения. Быстро освоив эту письменность, Константин стал разделять гласные и согласные, задумав создать для славян более доступную и удобную письменность.

Однако первый апостольский подвиг среди славян совершил не Константин, а святой Мефодий, которого по праву именуют крестителем Болгарии. Проповедь учения Христова за несколько лет распространилась по всему краю, и в 869 году, благодаря

просветительским усилиям и трудам равноапостольного Мефодия, Святое Крещение принял весь болгарский народ. Это событие явилось как бы прологом для всей дальнейшей деятельности учителей Словенских.

Господь призывает святых братьев в Моравию, народ которой был крещен, но не просвещен. Вместо живой веры людям здесь предлагалось извращенное западное миссионерство, делавшее уклон на обрядность. Священники-немцы, проповедовавшие в крае, не ведали и не желали знать славянских языков. Народ же погрязал в грехах и разврате.

Прежде чем отправиться на проповедь в Моравию, святой Константин (Кирилл) на сорок дней затворяется в своей келье, где строго постится и молится, взывая к Всещедрому Богу о премудрости создания славянской письменности. Так им была создана славянская азбука, которая несла на себе явную печать Божественной благодати. Каждая буква получила свое звучание и имя. Созданную и рожденную разумом святого угодника Божия глаголицу впоследствии усовершенствовал его ученик святитель Климент Охридский и назвал письмена кириллицей – в честь своего блаженного учителя.

Славянская письменность получила очень быстрое и всемерное распространение. Равноапостольные братья вместе с пятью учениками перевели на славянский язык Святое Евангелие и богослужебные книги. И так, во всеоружии, выступили на проповедь Слова Божия среди славян. Ревностью просвещенного народа повсеместно стали воздвигаться храмы Божии, где люди могли на родном им славянском языке славить и воспевать Господа.

Духовенство латинского обряда тут же воздвигло на равноапостольных братьев гонения, заявляя, что славянское богослужение противоречит церковным догматам. Они утверждали, что Бога должно славить только на трех языках: еврейском, греческом и латинском. Святых Константина и Мефодия по этому поводу вызывают в Рим к Папе Николаю II. Латиняне думали, что Папа жестоко накажет дерзких братьев за их славянскую пропаганду. Но Папа Николай II, внимательно выслушав славянских учителей, убедился в их непререкаемой верности Христову учению, освятил славянские богослужебные книги и рукоположил епископов-славян на служение в родных краях.

Утверждение основ славянских Церквей состоялось незадолго до кончины святого Константина. Перед преславным своим упокоением, за три дня до земного ухода, он принял схиму с именем Кирилл, которым и был прославлен навечно в истории Церкви Христовой.

Святому же Мефодию, старшему брату, предстояли еще многие суровые испытания и мучения. Но что бы с ним ни происходило, угодник Божий всегда оставался верен Православию, просвещая народы Чехии, Венгрии, Польши, наставляя и укрепляя славянское духовенство. Он переводит акафисты Триоди Постной, показав себя тонко чувствующим гармонию слова поэтом. Достаточно сказать, что такое поэтическое явление, как рифма, впервые было введено именно святым Мефодием.

Примечательно, что отошел ко Господу святой Мефодий на Светлой седмице, обретя блаженное упокоение, за три дня до которого принес во время Богослужения

пламенную молитву за все славянские народы. Живое слово святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и по сей день вдохновенно звучит в наших православных храмах.

Русская Православная Церковь является сегодня единственной хранительницей чистоты и духовности славянского языка. Духовные невежды то тут, то там выступают с нечестивыми предложениями осовременить язык церковных Богослужений. Особенно в этом смысле свирепствовали в свое время обновленцы. Но и сегодня можно услышать подобные высказывания и доводы. Однако возрождение современного русского языка, отягченного ныне иностранными словами и жаргонными выражениями, мы видим только в очищении и возрождении его в былой красоте, вдохновенном слоге духовности, нравственности и высоких человеческих чувств.

Будем же внимательны к тому, что мы пишем и произносим. Не будем надмеваться и кичиться скудным нашим земным рассудком, но обратимся к Господу Вседержителю в пламенной молитве Церкви Христовой, дабы через слушание и понимание Слова Божия Небесный Создатель истинно просветил нас мудростью, христианскими добродетелями и всяческими духовными благами. Аминь.

Ташкент, 17 мая 2012 года.

Календарные страницы *главного редактора*

«Чудотворец изящный, предивный и милостивый...»

*925 лет со дня перенесения мощей святителя НИКОЛАЯ,
архиепископа Мир Ликийских, Чудотворца, в Бари (9 мая 1087 года)*

История эта, особенно ее начало, выглядит как приключенческая повесть.

...Весной 1087 года несколько кораблей отплыли из италийского города Бари. Суда были по виду купеческими. Трюмы затоварены зерном, курс – на византийскую (пока еще) Антиохию. В маршруте не было ничего удивительного: торговые связи Бари с Антиохией были давними, отлаженными – Бари был греческим городом и лишь незадолго до этого завоеван норманнами.

Можно было, правда, заметить, что на барийских кораблях плывут не только купцы, но и священники, монахи. Но и это вряд ли могло вызвать подозрение: через Антиохию шел поток паломников на Святую Землю. Пассажирских рейсов в те времена не было, богомольцы добирались на торговых судах.

Продав зерно, корабли отплыли из Антиохии.

Путь их, однако, лежал не обратно в Бари, а в ликийский город Миры.

Трюмы с зерном, торговый вид кораблей – все это было для отвода глаз. Не ради византийских динаров, полученных за зерно, отправились в плавание баряне. Целью их были мощи святителя Николая Чудотворца, хранившиеся в Сионском храме города Миры.

Миры уже давно не были мирными. Город постоянно опустошался «сарацинами». (Под этим названием в хрониках могли подразумеваться и арабы, и турки-сельджуки. В арабских хрониках, в свою очередь, все европейцы именовались «фаранги» – франками). Миры опустели, по мертвым улицам гулял ветер. Жители переехали в другое место, в тридцати стадиях от прежнего города. Чем дальше от моря, тем спокойнее.

Жизнь в прежних Мирах теплилась только в Сионском храме, у мощей Святителя Николая. Туда, через улицы города-призрака, пробирались редкие паломники.

Но опасность того, что могила святителя будет осквернена, была немалой. За три столетия до этого, во время арабского вторжения, уже была взломана гробница, находившаяся рядом (ее приняли за гробницу святителя). Константинополь был далеко, сельджуки – под боком.

Предание гласит, что сам святитель явился во сне одному благочестивому священнику в Бари. «Поди и скажи клиру и народу, чтобы они взяли из Мир Ликийских мощи мои и перенесли в здешний город; ибо Господу не угодно, чтобы я оставался там в пустыне».

Сон был передан «клиру и народу», корабли снаряжены и отправлены. Баряне торопились, и торопились не напрасно. Как выяснилось уже во время их пребывания в Антиохии, такой же морской караван за мощами святителя снарядили и венецианцы.

Барийские корабли пришвартовались в Андриаке, пристани Мир. Двоих иерусалимских паломников, грека и француза, отрядили в разведку. Нет ли в городе сарацин? Сколько монахов охраняют гробницу? Не опередили ли барян расторопные венецианцы?

Паломники долго не возвращались (так казалось оставшимся на кораблях). Наконец вернулись. Нет, все тихо. Сарацин нет. Венецианцев – тоже. Гробницу охраняют четыре монаха.

Сорок семь барян берут оружие и сходят на берег. Оружие спрятано под одеждами. Вот они уже входят в Сионский храм, поклоняются святыням. Потом переглядываются. Открывают цель своего прихода монахам-стражникам. Вначале пытаются взять их подкупом, – хронист даже называет сумму «отступных», триста золотых. Вот сколько смогли собрать... Монахи с гневом отказываются. Пытаются вырваться, бежать за подмогой...

На этом приключенческая повесть обрывается. Дальше начинается то, что принято называть священной историей.

Вначале падает с высоты и не разбивается кувшин для мира, который принес с собой один из барян. Сосуд стеклянный, пол – мраморный. Сосуд не просто не разбивается. На нем, – прибежали на звук, подняли с пола, осмотрели, – ни одной трещинки.

Перенесение мощей угодно святителю.

Затем один из монахов-охранников признается, что год назад святитель Николай явился во сне трем жителям Мир и сообщил, что вскоре он переселится в другое место.

Перенесение мощей есть Воля Божия.

Тем временем один из барян разбивает крышку саркофага – и тот оказывается наполненным удивительной влагой. По всей церкви распространяется благоухание. Переливается через окна храма и растекается на многие стадии. Почувствовали его даже баряне, оставшиеся на кораблях. Все замерли. «Ибо показалось им, что они пребывают в раю».

Дальше было отплытие кораблей со священным грузом. Жители Мир толпами ринулись на пристань, бросались в воду, хватались за весла. Остальные, на берегу, рвали на себе одежды и простирали руки. Некоторые из барян, не выдержав этого зрелища, тоже стали рыдать и кричать тем, на берегу, чтобы простили их. Ибо перенесение мощей есть не их, но Божия воля.

День был ясным, море спокойным. Рыдания и стоны ликийцев были слышны даже когда ликийский берег исчез из вида.

Далее было триумфальное возвращение в Бари и более ста исцелений, последовавших от прикосновения к мощам святого. Были жаркие споры, где, в какой церкви

их поместить. Возникли даже стычки среди пылких барян, многие из которых схватились за оружие...

Вскоре 9 мая было установлено в Римской церкви вторым (после 6 декабря) днем совершения памяти угодника Божия.

Особенно торжественно праздновался этот день в Бари. Накануне праздника, «ночью с 8 на 9 число, – писал паломник Владимир Мордвинов в 1873 году, – весь город был в иллюминации, всюду взвивались ракеты, вспыхивали фейерверки, транспаранты, изображавшие сотворенные нетленными мощами чудеса; на террасах и бедных, и богатых домов зажигались бенгальские огни. ... Утром на пристани, богато украшенной в виде католического алтаря, появилось в полном облачении все духовенство Бари и его окрестностей; на особо отведенном месте располагались все гражданские и военные власти в мундирах. Диск солнца выплывал над растопленным золотом морской дали; и в этой дали, тоже с востока, выплывала целая эскадра небольших судов. Эти суда заранее с вечера отправлялись в море незаметно для жителей. Они возвращались утром торжественные, богато изукрашенные; на главном судне возвышалось изображение святого Николая Чудотворца, окруженное духовенством; раздавалось стройное церковное пение, на которое отзывались духовные певчие с берега...».

Так ежегодно воскрешается память о тех кораблях, на которых мощи святого Николая прибыли в Бари.

То, что Западной церковью день перенесения мощей угодника Божия отмечается так торжественно – не удивительно. Как и то, что он никогда не отмечался – и не отмечается до сих пор – греческой, Элладской Церковью.

Но почему же он буквально вскоре после перенесения мощей, при митрополите Киевском Иоанне II (1077–1089), был установлен в качестве церковного праздника Русской церковью?

На этот счет существует несколько версий.

Версия первая.

Римская церковь довольно еще долго после разделения Церквей не воспринималась русским духовенством как враждебная. Главным врагом оставалось не до конца побежденное язычество – с ним и приходилось вести постоянную борьбу. Не случайно русские князья на первых порах не препятствовали католическим проповедникам. Отношение к «латынянам» изменится позже – после четвертого крестового похода, разорения Константинополя и вторжения Тевтонского ордена в пределы Новгородского княжества.

Версия вторая.

Начало широкого почитания Святителя Николая на Западе совпало с таковым на Руси. Еще до Крещения в Киеве существовала церковь святого Николая. Однако особенно ревностным стало почитание этого святого как раз в те времена, когда мощи Святителя были перенесены в Бари и явили там чудеса и исцеления. Слава о которых, безусловно, дошла и до Киева. Именно в эти дни святой Николай явил в Киеве свое первое известное, поразившее современников чудо – исхитил из Днепра утонувшего младенца, который затем был обнаружен живым на хорах в Софийском Соборе. Так что установление второго дня памяти Чудотворца – свидетельство о ревностном

почитании святого, сохраняющемся по сей день. Как сказано в Лицевом житии святителя (XVI век): «Приди в Русь и виждь: яко несть града и села, идеже не быша чюдеса святого Николы».

Версия третья.

Само перенесение мощей, происходившее даже с применением насилия, не считалось в те времена грехом. Можно вспомнить, что после завоевания Херсонеса святой равноапостольный князь Владимир вывез из этого города иконы, церковную утварь, а также святые мощи Климента, епископа Римского (†101; день памяти 25 ноября), и его ученика Фивы. Вероятно, и херсонесцы, как и ликийцы, скорбели об утрате чтимой ими святыни. Но молодая Русская церковь нуждалась в собственных святынях; своих же прославленных святых у нее еще не было. Все это приходилось заимствовать у греков. Чаше – добровольно, порой – с принуждением.

Какая из трех причин была решающей? Сложно сказать. Одно известно точно: 9 мая стало отмечаться на Руси как «Никола вешний» – день перенесения мощей святителя Николая в Бар-град, как тогда именовался Бари. «Днесь град Барский радуется, и с ним вся вселенная ликовствует...»

Правда, бывали периоды, когда доступ к мощам святителя Николая был для русских паломников крайне затруднен. В середине XIX века, например, для этого требовалось получить в Неаполе от папского нунция специальное письменное дозволение. У русского художника Ореста Кипренского, в те годы путешествовавшего по Италии, даже возник дерзновенный проект перенесения мощей святителя Николая из Бари в Петербург. «Когда возможность была единожды тронуть святыню с места для перенесения, из Азии в Европу, – писал он князю Голицыну, – то равномерно есть возможность и ныне, да и весьма кстати, повторить подобное благочестие, ознаменуя оное перенесением мощей сего святителя Николая Чудотворца из Бари в Петров град».

Эта идея, естественно, не реализовалась, – да и времена менялись. 9 мая 1913 года в Бари был заложен фундамент православного храма во имя святителя Николая Чудотворца. Проект по образцу новгородских храмов создал А.В. Щусев (известный ташкентцам по зданию Театра имени Навои). Строительство храма было завершено после окончания Первой мировой войны. И хотя после революции поток русских паломников иссяк, службы в храме продолжались. 1 марта 2009 года церковь была передана Русской Православной Церкви. Кроме того, с 1969 года православным предоставляется право совместно служить в крипте в Базилике Святого Николая, слева от гробницы святителя. (19 декабря 2011 года здесь отслужил Божественную литургию во время своей паломнической поездки митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий).

Но и Миры, где подвизался при жизни Святитель Николай и где прежде покоились его мощи, также почитались русскими пилигримами. Хотя Сионский храм был разграблен и наполовину занесен песком, богомольцы приходили и сюда. Причем, как сообщал черниговский паломник иеромонах Ипполит Вишенский (1708), приходили поклониться в Сионский храм даже местные турки. «Есть и до днесь чуда от святого гроба, не только нашим христианам исцеление есть, но и туркам неверным бывает помощь. Если кто потеряет верблюда, или осла, или коня, если принесет до гроба свечку и кланяется, тотчас найдет». В 1860 году в нижнем этаже бывшего Сионского

храма была построена небольшая русская церковь во имя святителя Николая. Посещают Миры (ныне – Демре, Турция) русские паломники и сегодня.

Но, кроме церковно-исторического, перенесение мощей Святителя Николая имело в Русской Православной Церкви и еще один смысл – символический.

В 1949 году священноисповедник Лука Войно-Ясенецкий, архиепископ Симферопольский (бывший епископ Ташкентский и Туркестанский), в своей проповеди в день перенесения мощей Святителя Николая призывал свою паству не смущаться насмешками, которые вызывало у атеистов поклонение мощам.

«Да, мы кадим пред мощами, – сказал владыка Лука, – преклоняем колена, лобзаем эти гробы; мы у мощей святых молимся тем, кто некогда жил в этих телах, и получаем, нередко получаем просимое. Нам ли не почитать мощи святых, особенно таких святых, каким был великий Николай, чудотворец Мирликийский? Будем же смиренны, не будем смущаться грубыми нападками со стороны неверующих, со стороны протестантов и сектантов, насмехающихся над нашим почитанием святых мощей. Будем заботиться о том, чтобы и наши тела в свое время стали мощами, святыми мощами» (9 (22) мая 1949 г.).

Так событие перенесения мощей Святителя Николая наполняло рвением сердца не так давно принявших Крещение русичей, так продолжало оно ободрять верующих и в период гонений на Церковь. Так корабли, выплывшие из города Бари весной 1087 года, оказались, вместе с лодками евангельских рыбаков, причислены к небесному флоту Православной Церкви.

«Взыдоша, яко звезда, от востока до запада твоя мощи, святителю Николае, море же освятися шествием твоим, и град Барский приемлет тобою благодать: нас бо делея явился еси, чудотворец изящный, предивный и милостивый».

О радостных датах – и печальных данных

Вначале – об основных событиях апреля-июня 2012 года. 1 апреля в Ташкент, в Свято-Успенский кафедральный собор, из Москвы были доставлены частицы мощей святой блаженной Матроны Московской. Более двух тысяч человек пришли вечером в кафедральный собор, чтобы встретить мощи блаженной старицы.

Новость мгновенно облетела не только Ташкент, но даже области Узбекистана. Утром 2 апреля очередь для поклонения выстроилась на соборной площади до водосвятного источника; в последующие дни очередь начиналась далеко за пределами собора.

К сожалению, значительно меньше верующих пришло поклониться святыням, которые владыка Викентий доставил 1 июня из Киева. Это список Почаевской иконы Божией Матери и частицы мощей святых Иова и Амфилохия Почаевских*.

Причина того, что это событие не вызвало у верующих той же активности, как в апреле, проста. Сюжет о пребывании мощей святой блаженной Матроны был показан по российскому телевидению, а прибытие святынь из Киева не стало, увы, «информационным поводом». Многие верующие, как оказалось, почти ничего не знают об этих святынях.

Другим важным событием в жизни епархии стала поездка среднеазиатских паломников во главе с владыкой Викентием в Иерусалим за Благодатным огнем 13-14 апреля. В истории Ташкентской епархии это была первая паломническая поездка, в которой приняли участие более 120 человек. Сотрудники епархии, священнослужители Среднеазиатского митрополичьего округа, семинаристы, благотворители и при-

---

* *Преп. Иов Почаевский* (в миру Иоанн Железо; 1550–1651) был настоятелем Дубенского монастыря, затем Почаевского. Для молитвенных подвигов он удалился в пещеру; был делателем непрестанной молитвы Иисусовой – «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя, грешного». В Почаевской обители воздвиг Свято-Троицкий собор и шесть церквей, создал типографию. Мощи его были открыты в 1659 г. после трехкратного его явления митрополиту Киевскому Дионисию.

Преп. Амфилохий Почаевский (в миру Яков Варнавович Головатюк; 1894–1971) – монах и священнослужитель Польской Православной Церкви, впоследствии Русской. Подвизался в Почаевской лавре. При жизни прославился даром исцелений; однажды он воскресил девочку, которая умерла в пути, когда мать везла ее издалека к старцу.

Чудотворная *Почаевская икона Божией Матери* была подарена инокам дворянкой Анной Гойской, которая в 1559 г. получила ее в дар от проезжавшего мимо Почаева митрополита Неофита, будущего константинопольского патриарха. На правой руке Богородица держит младенца Иисуса, на левой – плат, которым прикрыты ноги и спина Христа; на полях – изображения пророка Илии, святителя Мины, первомученика Стефана, преподобномученика Авраамия, великомучениц Екатерины, Параскевы и Ирины.

хожане побывали в Храме Гроба Господня, в Горненском женском монастыре, в Храме Рождества в Вифлееме и в других святых местах, были на Божественной Литургии в Свято-Троицком соборе Русской духовной миссии. Благодатный огонь, пролетев практически над всей территорией Узбекистана, был доставлен в Ташкент в 23.45 14 апреля – к началу праздничной Пасхальной Божественной литургии в Свято-Успенском кафедральном соборе.

Знаменательным событием в жизни епархии стал и десятый юбилейный выпуск студентов Ташкентской Духовной Православной семинарии. В мае прошла защита дипломных работ. Большой интерес вызвали работы по истории православного богословия (о свт. Григории Нисском), по истории Русской Православной Церкви (о св. Андрее Боголюбском, о роли Церкви в период польской интервенции), по истории Церкви в Средней Азии (о приходе в городе Газалкенте) и другие. 3 июня, в Духов день, по традиции, после Литургии прошло торжественное вручение дипломов. Выпускниками этого года стали 12 студентов.

Быстро пролетели три месяца, – воистину: *У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день* (2 Пет. 3, 8)!

Это были основные события. А теперь хотелось бы поделиться результатами небольшого социологического исследования, которое я провел в дни пребывания в Ташкенте мощей святой блаженной Матроны Московской.

Целью исследования было выяснить уровень знаний о вере тех, кто стоял в очереди на поклонение в Свято-Успенский собор. Опрошено было 48 человек (26 женщин и 22 мужчин) в возрасте от 18 лет.

Итак, вот семь вопросов, на которые участникам исследования предстояло ответить:

- 1) Как часто вы приходите в церковь?
- 2) Знаете ли вы, кто является правящим архиереем Ташкентской и Узбекистанской епархии?
- 3) Какие из 10 заповедей вы знаете?
- 4) Назовите Великие и Дванадцатые праздники, отмечаемые Русской Православной Церковью.
- 5) Какие Таинства существуют в Православной Церкви?
- 6) Знаете ли вы, что такое Причастие?
- 7) Откуда вы узнали о том, что в собор привезли мощи блаженной Матроны?

Начну, пожалуй, с последнего вопроса. О том, что в Ташкент были доставлены мощи старицы, большинство опрошенных узнали от своих знакомых (87,5%). 8,3% респондентов ответили, что эту информацию они прочитали в интернете, а оставшиеся 4,2% участников исследования либо узнали об этом по радио, либо увидели информацию в соборе. Эти данные лишней раз доказывают популярность так называемого «сарафанного» радио, когда люди передают из уст в уста важную информацию и таким образом она быстрее достигает своей целевой аудитории.

Лишь 6,3% опрошенных посещают церковь минимум один раз в неделю. 16,7% респондентов приходят в храм Божий несколько раз в месяц, 25% – как минимум один

раз в месяц. 22,8% участников опроса бывают в Церкви не чаще одного раза в три месяца, либо даже один раз в полгода. Оставшиеся 29,2% опрошенных приходят помолиться Богу только либо по большим праздникам, либо и вовсе один раз в год.

77% респондентов, к сожалению, не знают, кто является архипастырем Ташкентской и Узбекистанской епархии. Остальные – 23% – с уверенностью назвали имя владыки Викентия.

С горечью приходится констатировать, что только 4% опрошенных смогли перечислить все 10 заповедей. Примерно равное в процентном соотношении количество людей называли заповеди «Не убивай» (73%), «Не прелюбодействуй» (62,5%), «Не кради» (67%). Именно эти заповеди наиболее часто отмечались респондентами.

Примерно такая же картина вырисовывается и со знаниями о православных Великих и Двенадесятых праздниках. С точностью назвать все эти праздники смогли те же 4% опрошенных; остальные с трудом вспоминали их названия. Бесспорно любимым и почитаемым праздником является Воскресение Христово. Этот праздник назвали 98% опрошенных. За ним следуют Рождество Христово (77%) и Крещение Господа нашего Иисуса Христа (67%).

Отвечая на вопрос о существующих Таинствах Церкви, только 2% респондентов назвали все Таинства. 37,5% участников опроса не смогли назвать ни одного. Среди тех из опрошенных, кто все-таки старался вспомнить эти Таинства, 50% отметили Таинство Крещения, 33% – Таинство Исповеди/Покаяния, 26,5% – Таинство Евхаристии (Причастия), 19% – Таинство Венчания, – причем, хочу отметить, это Таинство женщины отмечали в два раза чаще, чем мужчины.

Во время исследования для меня было также интересно определить, что знают люди, называющие себя православными христианами, о Таинстве Евхаристии? Результаты печальны: 59% не смогли дать точное определение этому Таинству. Остальные 41% старались дать правильный ответ на этот вопрос.

Вот такие результаты, – свидетельствующие, увы, о крайне невысоком уровне знания основ православия среди верующих Узбекистана. Вместе с тем, эти данные дают пищу для размышления о том, какие шаги необходимо предпринять церковно- и священнослужителям, чтобы помочь людям найти «улицу, ведущую к Храму», сделать их достойными чадами Христовыми.

Зачем «Катехизис» крещенной вере?

«Катехизация» – еще недавно бывшее только теоретическим понятие – в последнее время приобрело предельно конкретное звучание. Практика бесплатного совершения таинства крещения постепенно, с трудом, но все-таки становится нормой в Русской Православной Церкви. Предполагается, что скоро не только в отдельных епархиях, но и везде святому крещению будет предшествовать обязательное посещение огласительных (катехизационных) занятий.

Что это значит «по факту»? Что – не на бумаге, а в реальности – происходит в тех епархиях, где вводятся такие беседы с желающими креститься?

Не претендуя на подробный анализ, выскажу два соображения.

При введении обязательной катехизации неизбежно падает общее число крещений. Раньше человек, причислявший себя к православному исповеданию, мог запросто принести своего ребенка в храм, заплатить условленную сумму и удовлетворить, что называется, свои религиозные потребности. Теперь же плата за совершение таинства существенно снижается или отменяется вовсе, но *только при условии*, что он сам или крестные – восприемники его ребенка, пройдут через установленное число катехизационных занятий. Иными словами, если ты желаешь принять крещение или хочешь, чтобы крестили твоего ребенка, тебе нужно посетить лекции, из которых ты сможешь узнать, зачем вообще необходимо таинство св. крещения и с Кем именно во время него соединяется (буквально – сочтывается) новоначальный христианин.

Конечно, многим «захожанам» – тем, кто только временами *заходит* в храм, – такая практика может показаться чем-то вроде усиления церковной бюрократии. Вроде как «теперь и креститься можно только через бумажку с печатью».

Увы, для большинства рядовых, среднестатистических «захожан» главным является сам факт крещения в православном храме, «крещенная вера». А вот последовательное исполнение религиозных обязанностей – вроде бы совершенно необязательно.

Еще недавно, спросив молодых родителей, стоящих возле крещален и ожидающих очереди на крещение своих младенцев: «А для чего вы приносите сюда детей?» – можно было услышать: «Нас крестили, и мы хотим, чтобы дети были крещены». Или: «Так положено, обычай такой».

Еще более примечательные ответы можно было получить на вопрос: «По какому принципу вы избираете крестных для своих детей?»:

– Это наши родственники.

– Это наши друзья.

Или:

– Это наши друзья, мы хотим с ними породниться.

То есть главным побуждением при выборе восприемников служило желание либо укрепить уже существующие родственные связи, либо приобрести новые. И это иногда порождало совсем уже курьезные ситуации.

Как-то пришедшие договариваться о крещении родители спросили моего знакомого священника:

– Батюшка, а можно крестным у нашего ребенка станет наш друг Файзулла?

Священник с удивлением спросил:

– А он что – христианин?

– Нет, конечно. Но вы не представляете, какой это прекрасный человек, он так много хорошего для нас сделал!

Да, наше время далеко не похоже на эпоху, наступившую после принятия Константинова эдикта (313 г.), когда христианство постепенно стало центральной составляющей жизни любого жителя христианской империи. Давно уже нет на карте мира христианских империй, и религию теперь принято рассматривать лишь как частное дело, обусловленное только свободой выбора...

В наше время Церковь живет, скорее, в условиях, аналогичных первым трем векам христианской истории, но только с той поправкой, что большинство номинальных христиан (тех же «захожан») разительно напоминают античных язычников. Поэтому и необходимо возвращение к тому институту катехумената, какой существовал в доконстантиновскую эпоху, – когда прежде крещения человек, желающий стать христианином, проходил научение в основах той веры, которую *сознательно* хотел принять.

Естественно, в наше время такое научение (оглашение, катехизация) не может быть растянуто на годы, как это иногда бывало в древности, но даже в сокращенном варианте оно является насущной потребностью. Ведь иначе нам придется и далее крестить детей *неверующих* родителей, в присутствии *неверующих же* «крестных».

...Несколько лет тому назад, когда я преподавал «Сравнительное богословие» в Ташкентской семинарии, на мою лекцию зашли несколько священников с заочного отделения. В тот раз мы разбирали католическую сакраментологию (учение о таинствах). Остановливаясь на том ее положении, что каждое таинство действительно уже в силу того, что оно совершено правильным образом и с произнесением положенных формулировок. (Эта теория, на данный момент не особо актуальная для Римской Церкви, до II Ватиканского собора была вполне общепринятой). На практике это означало, что если миссионер-иезуит целенаправленно и троекратно окропит водой совершающего ритуальное омовение индуса, то тот сможет считаться христианином, по крайней мере, номинально.

Так вот, излагаю я все вышеописанное и, как полагается, критикую, в полном соответствии с требованиями учебной программы. Выдвигаю один аргумент против, озвучиваю другой... Но в момент, когда я стал говорить, что у нас, в Православной Цер-

кви, подобное отношение к таинствам совершенно невозможно, один из батюшек вдруг взял слово.

– Как это невозможно?! – решительно поднялся он со своего места. – Да у нас все намного хуже! Нам приходится крестить детей даже когда ни родители, ни крестные не знают, Кто такой Христос и что такое Православие!

Его поддержали прочие священнослужители, присутствовавшие на лекции. Все они в один голос говорили, что крещение в нашей приходской практике считается действительным уже «в силу сделанного», независимо от того, имеют ли хоть какую-то веру «окрещенные» люди, принешие детей в церковь...

К сожалению, можно предположить, что у наших «захожан» времени на посещение катехизаторских бесед хватать не будет. Уже сейчас отказ священников совершать таинство св. крещения за мзду, без катехизации, порождает либо громкие жалобы на «бюрократов в рясах», либо сердитые заявления типа: «Я в церковь ходить не буду, мне там ребенка окрестить отказались!». А иногда, только услышав о необходимости посетить шесть, восемь или двенадцать катехизаторских бесед, «захожанин» разворачивается и начинает искать храм, в котором крестят по старинке, в согласии с таксой, вывешенной на доске объявлений.

Повторюсь, такое дремучее религиозное состояние «захожан» – это боль нашей Церкви и стыд для нас – более или менее воцерковленных православных. Но и возвращаться к прежнему положению невозможно. Все-таки, крещение должно быть Таинством соединения со Христом и нового рождения от воды и Духа, а не просто красивым обычаем...

Практика обязательных огласительных бесед возрождает в нашей Церкви древний институт катехизаторов. Некогда апостол Павел писал, обращаясь к римским христианам: *Но как призывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слышали? как слышать без проповедующего?* (Рим. 10, 14). И сегодня крайне редки, буквально экстраординарны случаи, когда человек может получить научение непосредственно от Бога. Чаще он научается от людей. В задачу катехизатора входит именно научение основам христианской религии. Он должен передать другим ту веру, которой сам был научен, и сделать это по возможности доходчиво и понятно. Служение катехизатора – это и есть искусство объяснять Божественные вещи доступным языком.

Так что основной задачей нашей Церкви в обозримом будущем будет не миссионерство среди иноверных, а возвращение к сознательной вере номинальных христиан. Тех наших «захожан», которые когда-то в детстве приняли святое крещение, но не получили даже отдаленного представления об основах православного христианства. Это тоже миссия, но вот только не среди чужих, а среди *своих*, для которых мы все еще во многом остаемся чуждыми и чужими.

По этой причине катехизаторы необходимы не только при соборных храмах, но и в любом, пусть даже совсем малочисленном приходе. Священнослужители обычно перегружены литургическими и административными обязанностями, и квалифицированный катехизатор может облегчить тяжелую ношу приходского служения. Естественно, что здесь могут возникнуть некоторые проблемы чисто технического характера, к примеру – оплаты этой должности. Но при наличии доброй воли и желания со стороны настоятеля или же епархиального начальства – они вполне разрешимы.

Труднее дело обстоит с тем, откуда, собственно, брать катехизаторов, да еще и квалифицированных. Необходимо открывать катехизаторские отделения – специализированные факультеты при учебных заведениях Московского Патриархата. (Пока такие отделения, насколько мне известно, существуют только при Свято-Тихоновском Православном университете и... при Ташкентской Духовной семинарии).

Однако все это дело будущего, а пока Русскую Церковь ожидает длительная и весьма трудная работа по возвращению в ее лоно тех, кто вроде бы и крещен, но в реальности находится далеко от церковной ограды. И ситуация здесь, как мне кажется, мало чем разнится от апостольских времен. Жатвы по-прежнему много, а делателей – мало...

Катехизация необходима, даже если она еще непривычна и вызывает споры и конфликты. С православным «Катехизисом», кратким изложением веры, должен ознакомиться любой, даже номинальный, христианин. Хотя бы для того, чтобы знать, на что именно согласились его родители или крестные, когда за него заученно ответили на вопрос священника: «Сочетаваешься ли со Христом?». Хотя бы для того, чтобы понять, *какую именно* религию он должен исповедовать и *чем именно* она отличается от буддизма или «Живой этики».

А может быть, еще и для того, чтобы, наконец, встретиться со Христом. Встретиться по-настоящему, почти физически...

Митрополит Антоний (Блум), человек живой веры и замечательный проповедник, как-то вспоминал, что в молодости, в скаутском лагере, присутствовал на вероучительных беседах со священником. Они его совершенно не вдохновили, и чтобы отделаться от христианства, он решил прочитать Евангелие: мол, прочитаю, посмотрю и отложу все это подальше от себя. Для чтения он тогда выбрал самое короткое Евангелие – от Марка, – не подозревая, что оно и предназначалось когда-то для молодых римских язычников.

Он стал читать – и постепенно почувствовал, что прямо напротив него, на другом конце стола, сидит Тот, от Кого он решил отделаться – Христос... А далее для будущего митрополита началось теперь уже совершенно сознательное христианство.

В этой невыдуманной истории для меня всегда было интересным следующее: стал бы владыка Антоний искренним христианином, если бы тогда в скаутский лагерь приехал священник, горячо, с увлечением, говоривший о вере и православии? Или, по какой-то ускользающей от человеческого ума причине, там нужен был именно такой – скучно нудивший и мямлящий батюшка? Бог знает...

В любом случае, формализм при проведении катехизации может оттолкнуть человека от Церкви, и не факт, что он пойдет по пути митрополита Антония. Господь часто исправляет погрешности дел человеческих, а ведь может и поставить в вину нам за нудность и невнятность.

Свои заметки я закончу вопросом, вынесенным в заглавие этой статьи: зачем «Катехизис» крещенной вере? Наверное, затем, чтобы она перестала быть просто «окрещенной», а стала бы по-настоящему – православной.

Ташкентский Свято-Владимирский храм

Материал подготовлен при участии
Ирины СЕРЖАНОВОЙ и игумена Григория (ПАЛЕХОВА)

От редакции. С этого номера ВС будет готовить и публиковать материалы о православных приходах Узбекистана, их истории и нынешнем состоянии. Открывает эту рубрику рассказ о храме во имя святого равноапостольного князя Владимира в Ташкенте.

ВС приглашает читателей-прихожан присылать в редакцию рассказы о жизни своих приходов; эти материалы будут использованы в следующих выпусках рубрики.

*Днесь возсия благочестиваго князя Владимира память,
яко миро изливанное Христа бо возлюбив, идолы преобидев,
церкви Распншемся нас ради на земли воздвиже,
и на небесех прият Царство и венец.*

Храм на кладбище

До 1991 года из русских кладбищ Ташкента храм был только на одном, Боткинском, – церковь св. Александра Невского, одна из старейших церквей города. В 1948 году епископ Гурий (Егоров) пытался добиться разрешения на строительство часовни на русском кладбище по улице Руставели. Власти ответили отказом, мотивируя его тем, что кладбище является временным (тем не менее, захоронения на нем производились еще почти два десятилетия).

В 1964 году на юго-западной окраине Ташкента, в махалле Домбрабад Чиланзарского района, по проекту архитектора И.М. Тормашева был создан Ташкентский некрополь №2, или, как его называют в народе, Домбрабадское кладбище, Домбрабад. Это одно из самых крупных европейских кладбищ не только в Ташкенте, но и во всей Средней Азии (165 га). На кладбище 168 карт; примерно 450 тысяч захоронений. Здесь покоятся крупные деятели науки и искусства: археологи академик М.Е. Массон и его супруга, академик Г.А. Пугаченкова, композиторы Б.В. Бровцын, Г.А. Мушель и Р.Д. Вильданов, историк Б.В. Лунин, востоковед А.К. Арендс.

Естественно, ни о каком строительстве на новооткрытом кладбище православного храма в начале 1960-х (в самый пик хрущевских гонений на Церковь) речи быть не

могло. Отпевали чаще всего в Александро-Невском храме, затем везли через весь город на Домбрабад.

Ситуация изменилась в конце 1980-х. Возникла инициативная группа по открытию православного прихода на кладбище, которую возглавила Станислава Анатольевна Заболоцкая. Значительную поддержку верующим оказал протоиерей Михаил Шурпо († 2001), служивший в те годы в Александро-Невском храме.

8 июня 1989 года община была зарегистрирована решением Ташкентского городского Совета народных депутатов и 29 июля утверждена на заседании Совета по делам религии. Тогда же поднимался вопрос о передаче верующим пустующего здания мраморного цеха, построенного в 1970-м недалеко от входа и изредка использовавшегося для гражданских панихид. Община обратилась к председателю Ташгорисполкома Ш.Р. Шаабдурахимову. Однако получили отказ.

Только благодаря ходатайствам епископа Ташкентского и Среднеазиатского Владимира (ныне – митрополит Омский и Тарский) 23 августа 1991 года решением Ташгорисполкома здание мраморного цеха было передано Церкви.

В ноябре 1991 года по благословению Епископа Ташкентского и Среднеазиатского Владимира был основан приход храма святого равноапостольного великого князя Владимира.

Святой Владимир – креститель Руси – княжил в Киеве с 982 по 1015 гг. В крещении принял имя *Василий*, в честь Василия Великого. Крещение сопровождалось учреждением церковной иерархии. Память святого равноапостольного князя Владимира совершается Русской Православной Церковью 28 июля. Празднование было установлено святым Александром Невским после того, как 15 мая 1240 года, помощью и заступлением святого Владимира, он одержал знаменитую Невскую победу. Но церковное почитание святого князя началось на Руси значительно ранее. Митрополит Иларион, святитель Киевский († 1053), в «Слове о законе и благодати», сказанном в день памяти святого Владимира у раки его в Десятинном храме, называет его «во владыках апостолом» и «подобником» святого Константина.

Незадолго до открытия прихода, в 1988 году, было отпраздновано 1000-летие Крещения Руси; то, что предстояло совершить Церкви после долгих лет атеизма, было равносильно второму Крещению. И одним из духовных символов этого становилась личность святого равноапостольного князя.

Настоятелем нового прихода с того времени и по сей день является о. Игорь Балухатин.

Настоятель

Митрофорный протоиерей Игорь Балухатин – уроженец Украины. Родился в 1960 году в Одессе, там же провел детские и юношеские годы.

«Дома церковного воспитания не было, – вспоминает о. Игорь. – Родители мои жили в неверии, хотя и были венчаны. Дядя моего отца был священником. И я даже стыдился этого. Помню, когда он приезжал к нам, неверующим, я стеснялся его. Где-то со второго класса я даже был активистом в кружке атеистов. Там мы изучали Библию, но все наизусть. Нам в кружке рассказывали сказки о Боге, анекдоты... А по-настоящему я услышал о вере примерно в восьмом классе. Мой друг, школьный друг – ныне архимандрит Гедеон (Харон) – крестился и уверовал в Бога. С ним я начал ходить в храм, получать знания о православной вере, мне стала открываться правда...».

Через какое-то время после переезда в Узбекистан, с 1982 года, о. Игорь стал служить чтецом, а с 1983 по 1988 годы – диаконом Свято-Георгиевского храма Самарканда. В 1988 рукоположен во священника и с ноября 1988 по февраль 1992 гг. служил в клире ташкентского кафедрального Свято-Успенского собора (с мая 1989-го – ключарь Собора).

После передачи Церкви здания на Домбрабадском кладбище, в сентябре 1991 года, о. Игорь был назначен настоятелем этого прихода, хотя формальное назначение состоялось через полгода, в феврале 1992-го.

«Вначале был страх перед неизвестным поприщем, – рассказывает о. Игорь. – Не было у меня до этого никакого опыта, как организовывать людей, создавать новый приход. Почему выбор владыки Владимира пал на меня? Может, о. Михаил Шурпо порекомендовал. А главное – почти все священники были тогда пожилыми, а здесь требовался кто-то помоложе. Нужно было – пробовать, заниматься стройкой...»

Первые службы

Прямоугольное здание, 17 на 8 метров, построенное в 1970 году, представляло собой плачевную картину. Мягкая кровля, потрескавшаяся по всей площади крыша. На стенах многочисленные трещины. Плиты перекрытия зала чудом держались на несущих балках, из щелей между перекрытиями сыпалась угольная пыль, когда-то служившая утеплителем.

В первые дни сделали косметическую побелку, построили деревянный помост в алтарь, установили иконостас, который изготовил Виктор Беляцкий. Иконы на первое время принесли сами прихожане. Отпевали усопших, пока было тепло, на улице.

30 октября 1991 года отслужили первую Божественную Литургию на сооруженном временном деревянном престоле. Лампады на временном семисвечнике постоянно гасли. Храм почти не отапливался; чтобы хоть немного согреть помещение, взяли напрокат в воинской части печь, работавшую на солярке.

Вспоминает Лариса Рахматова, работавшая в храме с 1991 года: «Помню, холодно было, окна затянули целлофаном, но ветер был такой сильный, что сорвал наш целлофан. На службе 5-6 прихожан, храм почти пустой. Батюшка Игорь ходит, кадит, а за ним рой снежинок, которые так и задувает из открытых оконных проемов».

В марте 1992 года в домбрабадской церкви стал служить диакон Михаил Пронин – до этого о. Игорь служил один.

Ныне в храме служат митрофорный протоиерей Игорь Балухатин, игумен Григорий (Палехов) и священник Кирилл Пачин, а также диаконы Сергей Козулин и Михаил Пастухов.

Стройка

К строительству приступили только через год, когда появились небольшие средства. Рабочих не нанимали, платить им было нечем. С трудом, всем миром собрали деньги на покупку сварочного аппарата. Строили, в основном, сами прихожане.

«Все делали сообща, – рассказывает о. Игорь. – Не так что, например: я, мол, только певчий, отпел – и ушел. Все оставались. Даже повар, отработав свое, бежал на стройку. Все принимали участие в строительных работах: мусор чистили, бетон раскидывали, машины разгружали».

Вспоминает Лариса Рахматова: «Бабульки таскали ведра с цементом. Однажды пришел “Камаз”, груженный шлакоблоком. Пока шофер полчаса обедал, мы всю машину выгрузили, шлакоблок ровненько сложили. То-то он удивился, спрашивает: “Вы что, специальную бригаду нанимали?” А какую там бригаду! Встали по цепочке и передавали из рук в руки. Даже детишки помогали... По полведерка раствор таскали».

За подготовку проекта по перестройке прежнего здания в храм проектные институты запрашивали огромную сумму, которой приход не располагал. Тогда кто-то и порекомендовал обратиться за консультацией к архитектору Олегу Алексеевичу Кацапову. Об этом архитекторе вспомнили не случайно. За треть века до этого, в 1955-1958 годах, Кацапов уже работал для Епархии: именно по его проекту (который так и не был заверен ни одним из проектных учреждений) был возведен ташкентский Свято-Успенский кафедральный собор.

В начале 1990-х Кацапов был уже очень пожилым человеком, с трудом ходил. Руководил строительными работами Виктор Беляцкий. Он не был профессиональным строителем, но прекрасно разбирался в строительном деле. Так два-три раза в неделю в течение почти десяти лет и собирался «строительный комитет» храма: архитектор Олег Кацапов, проектировщик Татьяна Михайловна Патрикеева, бригадир Виктор Беляцкий – и сам настоятель (которому, как правило, приходилось выступать в роли примирителя между часто спорившими друг с другом членами «комитета»).

И, действительно, на фотографиях той поры о. Игоря чаще можно увидеть не в рясе, а в обычной одежде, среди строителей.

В феврале 1993 года было получено разрешение руководства кладбища на пристройку алтаря. Была снесена восточная стена, само здание удлинилось на 7 метров. Перекрыли крышу, устроили навесной клирос для певчих.

В апреле 1992 года, перед первой в истории храма Пасхой Господней, были отлиты местными мастерами шесть маленьких колоколов из бронзы. В конце 1992 года появилась временная колокольня; нынешняя колокольня была возведена в 1993 году. Тогда же перестраивали и крышу. 20 мая 1994 года над храмом установили купола.

К Пасхе 1995 года были закончены оформительские работы по отделке подкупольной части, отлиты из бронзы новые Царские врата (вместо прежних, алюминиевых). К 28 июля, престольному празднику, фасад храма был закончен и украшен мозаичной иконой и крестом.

Иконы писал художник Петр Овчинников. Иконы Спасителя, Святителя Николая Мирликийского, святого равноапостольного великого князя Владимира и преподобного Серафима Саровского были написаны еще в первый год существования храма.

Не забывал о домбрадском приходе и владыка Владимир. Подарил новому храму престол, передал медь для обшивки куполов.

18 ноября 1999 года владыка Владимир с собором ташкентского духовенства совершил освящение храма. Однако работы по благоустройству храма на этом не завершились и продолжают по сей день.

Приход и прихожане

«Прихожанами нового прихода стали, в основном, соборяне, – вспоминает о. Игорь. – С должности соборного ключаря я был снят только через полгода. Объявляя, какие службы будут совершаться в храме, я сообщал и о тех, которые будут на Домбрабаде. И прихожане Собора, жившие поблизости от нового прихода, мало-помалу переходили к нам. Им было удобнее сюда добираться, но главное – сама атмосфера нового прихода была настолько живой, здоровой, что это притягивало людей. К нам пришли многие девушки из кафедрального хора. Акустика здесь была хорошая – одни же голые стены были...»

Ныне приход храма насчитывает 150-200 прихожан, хотя столько в храме обычно собирается только по праздникам. В субботу на всенощной бывает человек пятьдесят, в воскресенье на литургии – до ста. Прихожан могло бы быть и больше, – основная проблема в том, что до храма идет мало транспорта; многим верующим даже с Чиланзара удобнее добираться до Свято-Успенского собора.

Число мужчин и женщин среди прихожан приблизительно одинаковое. Много – больше половины – детей, молодежи. «Одно время, – шутит о. Игорь, – только наших детей, священников храма, было человек пятнадцать».

Много молодежи и в хоре храма; большинству хористов не более 30 лет.

«Постоянный состав нашего хора сейчас – 8-10 человек, – рассказывает регент, матушка Елена Бурякова. – Естественно, постепенно состав хора меняется, люди уезжают. Но основные наши певчие здесь уже много лет, детьми еще пели на клиресе».

При храме есть своя библиотека и своя воскресная школа. В школе 4 класса и 4 кружка: иконописный, журналистский, музыкальный и студия художественно-прикладного творчества и эстетического развития «Гармония». Всего в классах и кружках 158 учащихся.

«К сожалению, – отвечая на вопрос о том, сталкивается ли приход с какими-либо трудностями, говорит о. Игорь, – былой дух сплоченности, как у апостольской общины, царивший, когда храм только строился, постепенно утрачивается. Как только все приходит в порядок: стены покрашены, иконы расписаны, как только некуда приложить силы, – начинается брожение умов; людей нечем занять...»

Однако, похоже, дел и занятий и у клира храма, и у прихода хватит еще на многие годы.

Почти с самого начала приход ведет благотворительную работу. По традиции, сложившейся с первых дней его существования, сразу после Рождества Христова и Пасхи Господней прихожане вместе с настоятелем посещают Ташкентский пансионат ветеранов войны и труда на массиве Кара-Камыш. Настоятель с группой хора с песнопениями обходят все комнаты пансионата и с поздравлениями вручают гостинцы. Другая группа прихожан занимается посещением психиатрических лечебниц №1 и №2 на массиве Чокурсай. Больным раздают одежду, обувь, угощение. Кроме того, ежедневно в час дня трапезная храма уделяет горячую пищу для нищих и неимущих.

Три раза уже служил в Свято-Владимирском храме и митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий. Именно с этого храма начал он объезд епархии, здесь отслужил на второй день после приезда свою первую Литургию на узбекской земле.

Роман ДОРОФЕЕВ

Протоиерей Андрей Малов: вымыслы и факты о жизни знаменитого туркестанского священника*

*– ...Вот он каков у нас, старичок-то этот, Андрей Ефимович...
– Ай да Андрей Ефимыч... Ведь это Иоанна д'Арк своего рода, –
сказал я, искренне утешенный рассказами своего приятеля.*

Евгений Марков. Россия в Средней Азии.
Очерк путешествия (1901 г.).

*Протоиерей Малов 77 лет, в священнослужительском сане
с 11 Марта 1839 г., т.е. 53 года и 2 дня (12 Марта сего 1892 г.),
из коих по 3 Апреля 1856 г. состоял в службе собственно
епархиальной, т.е. 17 лет и 4 дня, а с сказанного 3 Апреля
1856 г. по настоящее время 12 Марта 1892 г. – в службе при
ведомстве военном, т.е. 35 лет, 11 месяцев, 6 дней.*

Из журнала заседаний
Туркестанской Духовной консистории
от 19 марта 1892 г.

Цель этой статьи – разобраться в том хитросплетении легенд и мифов, которые окружают одну из ключевых фигур в истории Русской Церкви в Средней Азии. Этой фигурой был митрофорный протоиерей Андрей Евграфович Малов (1815–1899) – военный священник, первый благочинный церковью Сырдарьинской области. Личность во многом уникальная – как по своему положению в колониальном Ташкенте, так и по своей исторической значимости.

Выдающиеся личности всегда становились объектами усиленного мифостроительства. Вокруг многих императоров, президентов или знаменитых ученых создавались

---

* Автор выражает искреннюю признательность архивисту Епархиального управления (и одному из лучших архивистов Ташкента) Т.К. Стекловой, разыскавшей и передавшей в его распоряжение уникальные документы, связанные с биографией прот. А. Малова, а также историкам Е.Е. Озмитель и В.А. Германову за ценные замечания, высказанные ими в ходе обсуждения этой статьи на конференции «Русская Православная Церковь в Средней Азии: 140 лет добрососедства с Исламом» (3 октября 2011 года, Ташкент).

многочисленные политические, идеологические и, наконец, исторические мифы и легенды. Не обошла эта судьба и людей более скромных, силою личных качеств и обстоятельств времени обративших на себя внимание как современников, так и историков.

К их числу относится и прот. Андрей Малов, который в биографических публикациях часто превращается в «былинного походника», «священника-воина», «боевого попа» и т.д. «Мифы о Малове» не только кочуют из одной интернет-публикации в другую, но и периодически оседают во вполне серьезных научных трудах¹. И, несмотря на «легкий аромат недостоверности», легенды «Маловского» цикла пользуются популярностью и имеют определенный авторитет среди читающей публики.

Современный «Маловский легендарий» появился относительно недавно, в публикациях тех исследователей, которые занялись церковной тематикой в начале 1990-х. Идеологическая свобода эпохи «перестройки и гласности» способствовала появлению целого ряда церковно-исторических и биографических статей и сообщений, среди которых были и составившие ядро современного цикла «Маловских» легенд.

Наиболее полно этот цикл представлен в публикациях В.Б. Заславского² и В.Н. Проскурина³. Эти публикации объединяет несколько общих черт: панегирический тон, акцент на военных подвигах прот. А. Малова, игнорирование любых шероховатостей во вневоенной биографии о. протоиерея и отсутствие подробных ссылок на использованные литературу и документы.

Именно из этих публикаций мы будем черпать материал для последующего анализа и критики. Однако прежде хотелось бы сделать некоторые разъяснения о том, что *не является* целью данной статьи.

Во-первых, мы не стремились бросить тень на фигуру прот. Андрея Малова. Он действительно проявил себя как человек незаурядной храбрости. В ходе военных действий он вполне мог погибнуть, не имея при этом возможности защищать свою жизнь с оружием в руках. (Напомним, православные священнослужители не имеют права использовать *любое оружие*, даже для самозащиты)⁴. Об этом свидетельствуют многолетний стаж военной службы прот. А. Малова (35 лет) и его участие в кампаниях 1862, 1863, 1866 и 1873 годов⁵.

Во-вторых, нашей задачей не было какое-либо принижение заслуг первых современных биографов прот. А. Малова – В.Б. Заславского и В.Н. Проскурина. В.Б. Заславский (наряду с П.П. Литвиновым и прот. Леонидом Патрахиным⁶) стал одним из первых современных исследователей, серьезно занявшихся историей Русской Православной Церкви в Среднеазиатском регионе. Сам автор данной статьи в свое время именно благодаря публикациям В.Б. Заславского заинтересовался исторической летописью христианства в Средней Азии, за что выражает Владимиру Брониславовичу свою искреннюю признательность. Что же касается публикаций В.Н. Проскурина, то они, на наш взгляд, относятся скорее к художественному, чем к документальному жанру.

В своих трудах В.Б. Заславский и В.Н. Проскурин создали особый, весьма красочный, образ о. Андрея Малова. По-видимому, при описании поведения прот. А. Малова в походных условиях они пользовались мемуарной и панегирической литературой. (Приходится именно *предполагать*, так как В.Н. Проскурин ограничивается только общим списком использованной литературы⁷, а В.Б. Заславский в своей статье, опуб-

ликованной в газете «Слово Жизни», как это и принято в газетной публикации, ссылок не делает.)

Восторженная оценка личности и деятельности прот. А. Малова могла иметь место и в ташкентских дореволюционных публикациях, посвященных юбилейным датам его жизни. На одну из таких юбилейных публикаций (речь прот. Константина Богородицкого на 60-летие служения о. Малова в священном сане) и ссылается В.Н. Проскурин в самом начале своей статьи «Былинный походник о. Андрей Малов», правда, не приводя ни точного ее названия, ни издания, в котором она была напечатана⁸.

Нам удалось найти в травелогии Евгения Маркова «Россия в Средней Азии» целый «синопсис», краткий свод легенд «Маловского» цикла⁹. Многие из мифологем этого «синопсиса» нашли свое отражение в публикациях В.Н. Проскурина, однако в списке источников к его статье «Былинный походник...» книга Маркова не упоминается.

В данном очерке не представляется возможным провести сравнительный анализ всех мифов о прот. Малове. Для разбора мы выбрали три, наиболее мифологизированных, эпизода: (1) сообщения о некоторых особенностях поведения о. Андрея в походных условиях, (2) преувеличенное представление об участии прот. Малова в штурме Ташкента 15 июля 1865 года и (3) история с добровольным отказом о. протоиерея от епископского сана.

И последнее. История завоевания Туркестана – это весьма деликатная область, содержащая в себе такое множество противоречивых этнических, социальных, культурных и, наконец, религиозных проблем, что любые исследования, проводимые в этой области, должны носить предельно добросовестный и объективный характер. И особенно это касается религиозной сферы. Любая тенденциозность в освещении межконфессиональных взаимоотношений в дореволюционной Средней Азии может вызвать непредсказуемые последствия и самые непредвиденные побочные эффекты¹⁰.

Капеллан на белом коне

Оба биографа, и В.Б. Заславский, и В.Н. Проскурин, особое внимание уделяют необычному поведению прот. А. Малова во время военных походов. О. Андрей ездил безоружным на белом коне, в правой руке сжимая крест, и вез на своей груди дароносицу; благодаря почтенной наружности, а также признакам своего сана – кресту и дароносице – принимался неприятелем чуть ли не за главу русского войска и служил мишенью для вражеских пуль; во время боев он несколько раз брал на себя функции офицера, поднимал солдат в атаку и даже руководил артиллерийским расчетом¹¹.

В первую очередь, удивляет, что В.Б. Заславский, в принципе неплохо знакомый с церковными реалиями, явно путает такие разные вещи, как *наперсный* и *напрестольный* кресты. А ведь между двумя этими священными предметами, несмотря на общую форму, существует определяющая разница. Так, наперсный крест, т.е. крест, носимый на особой цепочке на груди, действительно в наше время является отличительным признаком православного священника. Но таковым он стал только после государственного указа от 14 мая 1896 года и с тех пор возлагается на всякого иерея во время пресвитерской хиротонии. Во времена же активной походной жизни прот.

Малова (1862, 1863, 1866, 1873 гг.) наперсный крест еще не мог быть неперменным «признаком духовного сана».

Конечно, в XIX в. существовали наперсные кресты, которыми награждали священников за особые заслуги. И прот. А. Малов имел подобные награды: бронзовый наперсный крест (которым он был награжден примерно после 1858 года), золотой наперсный крест на георгиевской ленте (1866 г.)¹². Но все это были именно *награды*, и навряд ли о. Андрей носил их во время военных походов.

Что же касается напестольного креста, то он более массивен, чем наперсный (однако не настолько, как это изображает В.Н. Проскурин), и используется: (а) для благословения верующих, (б) вместе с Евангелием во время исповеди мирян; (с) с ним в руках священник выходит на амвон в конце каждой церковной службы суточного круга для произнесения «отпуста» [завершительной молитвы]. Как явствует из его названия, такой крест должен постоянно находиться на престоле – центральном и наиболее священном месте в алтаре православного храма. Наряду с обычным напестольным крестом существует более удобный его вариант, небольшой так называемый «требный» крест, который по преимуществу употребляется во время «треб» – обрядов (молебнов, панихид и т.д.).

Теперь задумаемся: а какой из вариантов напестольного креста и, главное, – зачем – возил с собой прот. А. Малов? Практические соображения заставляют предполагать, что он все-таки возил более удобный «требный» крест. Его легко удерживать в руке и в случае необходимости вполне можно положить в сумку или в специальный карман. Далее, зададимся другим неизбежным вопросом: зачем? Думается, уж совсем не для пущего имиджа, как может показаться при чтении уже цитированного нами выше описания В.Н. Проскурина: «Обыкновенно о. Андрей ездил безоружным... В правой руке он сжимал массивный крест, золотая цепь удерживала дароносицу на груди».

Насчет безоружности о. Малова и православных священников вообще мы уже имели случай говорить выше. Здесь только повторимся: и обыкновенно, и в критических ситуациях о. протоиерей *обязан* был быть безоружным.

Теперь о кресте. Крест в данном случае, если выразиться секуляризированным языком наших дней, – рабочее орудие православного военного священника XIX века. При его помощи он благословлял идущих в атаку солдат и давал последнее отпущение грехов смертельно раненым. В общем, это – священный инструмент в чрезвычайно тяжелом в психологическом плане служении. А отнюдь не орнаментальное украшение для красивого изобразительного ряда. Кроме того, постоянно *сжимать крест в руке* священник должен именно тогда, когда тот может более всего понадобиться, т.е. во время наступления или атаки. Но не демонстративно нести его в тот момент, когда колонна марширует до пункта назначения. Здесь рисовка неуместна, да и *рука должна сжимать поводья*, чтобы конь не почувствовал свободу и не ушел в сторону от основного движения... А в момент маршевого перехода, пока в кресте нет насущной необходимости, его лучше было спрятать, как уже говорилось, в суму или в специально нашитый карман.

Несколько иначе дело обстоит с дароносицей. Дароносица – это небольшой прямоугольный ковчежец (ящичек), где находятся Св. Дары, которыми причащают боль-

ных и умирающих, – важная святыня для любого православного христианина. В обычных условиях Св. Дары хранятся в алтаре храма и выносятся за его пределы исключительно в дароносице, которая для этого кладется в специальный мешочек с лентой: священник надевает его на шею, поверх епитрахили. Дароносицу положено носить на груди и никак по-другому.

В условиях военных действий о. Андрею, скорее всего, приходилось носить дароносицу безо всякого мешочка, что диктовалось необходимостью с возможной быстротой, не тратя времени на лишние действия, причащать умирающих на поле битвы солдат. У многих дароносиц по бокам есть ушки, и к ним вполне можно прикрепить крепкую цепочку (или тонкую цепь) для непосредственного ношения на груди, что, по-видимому, и сделал прот. Малов. Только вот, вероятнее всего, цепочка была не золотая, как об этом пишет В.Н. Проскурин, а из более крепкого металла – возможно, железная. Золото все-таки мягкий металл, звенья даже «золотой цепи» вполне могут не выдержать длительных перегрузок и порваться, что почти неизбежно повлечет за собой невольное поругание святыни.

При этом следует помнить, что дароносица – это только емкость для благоговейной транспортировки Св. Даров и что, хотя к ней имеют право прикасаться лишь священники, которые одни могут совершать причащение и в церкви, и вне храма, – она *никогда не являлась* «признаком духовного сана»! И что в XIX в. реальными маркирующими признаками, явно показывающими, что перед вами священник, являлись: длинные волосы, борода, подрясник (повседневная одежда) и ряса (верхнее одеяние). Иногда священники носили широкополые шляпы, а с 1896 года, как мы уже говорили, обязательным атрибутом русского православного пресвитера стал наперсный крест.

И последнее. Читая у В.Б. Заславского, что «благодаря своей одежде, отличавшейся от одежды воинов, почтенной наружности и признакам духовного сана – кресту и дароносице на груди, о. Андрей принимался неприятелем чуть ли не за главу движения русских в Средней Азии, вследствие чего выстрелы сыпались на него градом», – начинаешь понимать силу гипнотического воздействия однажды высказанного пагубного преувеличения.

Почему сарбазы непременно должны были принимать его «чуть ли не за главу движения русских в Средней Азии», а не за кого-то более скромного: скажем, за офицера или *урус муллу*? Скорее всего, утверждение, когда-то написанное современником о. протоиерея с искренним восхищением, но явно преувеличенное, было воспринято новейшими исследователями без критики и по мере сил дополнено.

Оба рассматриваемых нами биографа не пожалели красок для изображения военной деятельности прот. А. Малова. В качестве дополнительной иллюстрации процитируем отрывок из публикации В.Б. Заславского «Протоиерей Андрей Малов»:

«Наш рассказ об о. Андрее, который волей Божией оказался на протяжении более десяти лет связанным с армией, переносил все трудности и лишения походной жизни. В течение этих лет о. Андрей приобрел любовь и уважение среди офицеров и солдат, привыкших всегда видеть рядом с собой своего духовного пастыря. На этом поприще он совершает ряд подвигов мужества, самопожертвования и христианской любви. Не меняя посоха на меч и не зная другого оружия, кроме креста, он воплощает в себе

тип истинного пастыря воинов. Решительно везде он был духовником умирающего на поле брани солдата»¹³.

О. Андрея действительно любили в армейской среде, и, скорее всего, он пользовался авторитетом и у офицеров, и среди солдат. Но в том, что он был «духовником умирающего на поле брани солдата», не было ничего героического – это входило в круг его служебных обязанностей. И не только это. В обязанности любого военного священника как капеллана входило совершение суточного круга богослужения в походной церкви (если к этому была возможность), литургии и причащения военных, таинства исповеди над офицерами и солдатами, обрядов для военного состава, душепопечение об офицерах и солдатах, духовная помощь раненым на поле боя, чтение отходной молитвы над умирающими на поле боя и их причащение, отпевание погибших и умерших естественной смертью военных, в мирное время – совершение богослужения и треб для невоенного населения.

Именно в этом заключались прямые обязанности прот. А. Малова. Решительно везде, по долгу своего служения, он был *военным священником*, а не только духовником умирающих...

За «гремящей трубой» славословий как-то незаметно пропадает личность о. Андрея, и получается, что православный капеллан должен скакать на коне от отряда к отряду, первым влезать на стены осажденных городов, чуть ли не командовать целыми артиллерийскими расчетами. Реконструировать же реальную личность прот. Малова следует исходя из архивных материалов и проверенных источников, а не руководствуясь лишь легендами и восторженными мемуарами.

Первый из ворвавшихся в крепость?

В легендах, сложившихся вокруг личности прот. А. Малова, миф о его исключительном участии во втором штурме Ташкента 15 июня 1865 года занимает одно из видных мест. О. Андрея в наше время часто вспоминают только как попа, первым ворвавшегося в мужественно защищавшийся город (вариант: «первым залезшего на крепостную стену города»).

К сожалению, это представление получило «законную прописку» не только в работах современных биографов о. протоиерея, но и в некоторых достаточно серьезных научных трудах.

Но начнем с биографов. В отрывке из статьи В.Б. Заславского «Из истории православия в Средней Азии: (Настоятель Ташкентского собора протоиерей Андрей Малов)» говорится, что «в ночь с 14 на 15 июня 1865 года о. Андрей с крестом в руке одним из первых поднялся на крепостную стену Ташкента, скрывавшую за собой пятнадцатитысячную армию неприятеля»¹⁴.

Другой биограф о. Андрея, А.В. Тутов, пишет несколько иначе: «В числе первых полезли на стену ротмистр (впоследствии генерал-майор) Вульфферт, поручик (впоследствии генерал) Петр Михайлович Шорохов и священник Малов»¹⁵. Почему прот. Андрей здесь (и, надо сказать, справедливо) указан последним в ряду двух других участников штурма, мы поясним позже. Пока же заметим, что публикация А.В. Туто-

ва ранее не упоминалась нами по причине наименьшей наполненности мифологизированными сюжетами¹⁶.

Но наиболее странным кажется вторжение данной мифологемы в прекрасный труд П.П. Литвинова «Неисламские религии в Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.)». Это «несанкционированное проникновение» тем более удивительно, что книга Литвинова на данный момент является лучшей монографией из посвященных истории христианства в имперском Туркестане. «Современники свидетельствовали [имена современников не уточняются – Р.Д.], что именно Малов первым из русских ворвался в осажденный Ташкент через Камаланские ворота, устрашая ... гривой седых волос и крестом в поднятой руке»¹⁷.

Нечего сказать – впечатляющая картина!

Только вот насколько она соответствовала исторической реальности?

Был ли прот. А. Малов первым из «поднявшихся на крепостную стену», «полезших на [городскую] стену» и, наконец, просто из *ворвавшихся* в Ташкент?

Во-первых, в доступных нам свидетельствах русских путешественников, посетивших Ташкент в конце XIX – начале XX вв., о том, что о. Андрей первым ворвался в Ташкент, не упоминается¹⁸.

Во-вторых, в классическом труде М.А. Терентьева «Завоевание Средней Азии» ясно говорится, что *первыми* в Ташкент проникли разведчики («охотники» – в терминологии того времени), которыми командовали ротмистр Вульферт и подпоручики Шорохов и Лапин. Именно «охотники» захватили Камаланские ворота и стены рядом с ними¹⁹. Причем здесь, у М.А. Терентьева, прот. Малов не указан ни в числе «охотников», действительно *поднявшихся* на городскую стену по осадным лестницам, ни среди *пробравшихся* в город через потайной лаз («лазейку»). В описании штурма о. Андрей появляется сразу после захвата Камаланских ворот. Прочитируем, что повествует по этому поводу источник: «Заняв стены, часть охотников немедленно стала отваливать завал в воротах и разбивать самые ворота, остальные заняли близлежащие сакли и сады. Священник Малов, ехавший с крестом впереди штурмовой колонны, по крику “ура”, бросился вперед и первый пролез в пробитую охотниками щель городских ворот»²⁰.

Итак, прот. Малов не являлся первым из ворвавшихся в Ташкент, а был *первым* из участников штурмовой колонны, *пролезшим* через щель в частично разблокированных Камаланских воротах.

Следует сказать, что в книге А.И. Добросмылова «Ташкент в прошлом и настоящем» также изложен эпизод с «вхождением» о. Андрея в Ташкент, но здесь есть некоторые расхождения со сведениями, приведенными у М.А. Терентьева. Так, Добросмылов сообщает, что после того, как разведчики открыли Камаланские ворота, в них «стали входить следующие [за разведчиками – Р.Д.] колонны, впереди которых ехал священник Андрей Евграфович Малов с крестом в руке»²¹.

Если руководствоваться исключительно этими сведениями, то получается, что прот. А. Малов въехал в Ташкент верхом. Но, как нам представляется, особых противоречий с информацией Терентьева здесь все же нет.

Повествование М.А. Терентьева, в силу своей подробности, более «развернуто» и наполнено разнообразными деталями. Следует учитывать, что он создавал обширный исторический труд и мог себе позволить если не скрупулезную, то весьма близ-

кую к ней детальность освещения событий. Что же касается А.И. Добросмыслова, то в своей книге, несмотря на ее подзаголовок «Исторический очерк», он выступает скорее не как историк, а как бытописатель. Содержание его сочинения показывает, что больший акцент он делал на описании современной ему ташкентской жизни. Так, история завоевания будущей столицы Туркестанского края была сжата им до одной небольшой главы²². Эта сжатость событийной последовательности и привела у Добросмыслова к невольным искажениям. И в итоге получилось, что о. Андрей въехал в город верхом, вместо того чтобы подъехать к воротам во главе сильно растянутой штурмовой колонны, спешиться и пролезть в проделанную охотниками щель.

Ошибка естественная и понятная. Но все-таки ошибка. Это видно, к примеру, из того факта, что более подробный в изложении событий М.А. Терентьев не упоминает, что во время штурма прот. Малов передвигался по городу верхом. Помимо этого, все тот же Терентьев, характеризуя городскую планировку Ташкента последней трети XIX в., пишет, кроме всего прочего, еще и следующее: «...город состоит из лабиринта извилистых и довольно узких улиц, по обеим сторонам которых тянутся, почти исключительно, глиняные дома»²³. Естественно, что в боевых условиях по этому «лабиринту» гораздо разумнее было передвигаться пешком, чем на слишком громоздкой для таких улочек лошади. Тем более что штурмовые отряды периодически попадали под ружейный обстрел и им приходилось брать устроенные защитниками города баррикады²⁴.

Говоря об участии прот. А. Малова в штурме, не следует как преуменьшать героизм о. протоиерея, так и преувеличивать историческое значение его боевых деяний. В книге М.А. Терентьева изложены еще два эпизода, рисующих активные действия о. Андрея во время второго ташкентского штурма²⁵. И все же исследователю необходимо помнить, что не действия прот. Малова решили основной исход этой военной операции.

«Какой я архиерей!»

Последняя из легенд о прот. А. Малове, на которую мы бы хотели обратить внимание, касается имевшихся якобы планов сделать о. протоиерея епископом²⁶. Оба современных биографа о. Андрея, и В.Б. Заславский, и В.Н. Проскурин, также отдают дань этой легенде²⁷.

«Отмечая достойно заслуги о. Андрея (Малова), – пишет В.Н. Проскурин, – обер-прокурор Св. Синода граф Толстой в письме генерал-губернатору Туркестанского края К.П. фон Кауфману рекомендовал Малову принять место епископа предполагаемой к открытию Туркестанско-Ташкентской епархии. Константин Петрович пригласил обожаемого им священника Малова и дал для прочтения письмо, советуя не отказывать просьбе Синода. ... Малов прочитал, отложил в сторону рекомендацию и, задумавшись, отвечив: “Нет, Ваше Превосходительство, ну какой из меня архиерей. Учился я на медные гроши, дара красноречия не имею. Да и житейским соблазнам подвержен. Не могу я расстаться с военными... Какой я архиерей”. Растроганный прямым ответом Кауфман отписал Синоду в Петербург. А вскоре было принято решение оставить за Маловым место старшего протоиерея Спасо-Преображенского военного Собора в Ташкенте»²⁸.

Это трогательное описание невольно вызывает в памяти рассказ Шервинского из «Дней Турбиных» Булгакова: «Гетман обнял меня, поблагодарил за верную службу... и прослезился»... Правда, в 1869-1870 годах, когда должна была иметь место приведенная беседа, о. Андрей уже был *настоятелем* Иосифо-Георгиевской церкви и на этой должности находился до года 1888-го. Свято-Преображенский же военный собор был заложен позднее – 22 июня 1871 года, – и работы по его возведению начали активно производиться фактически только с 1881 года²⁹. Настоятелем же Преображенского собора (а отнюдь не «старшим протоиереем») о. Малов, опять-таки, стал только *по завершении* строительства этого храма – в 1888 г. Так что, если следовать логике В.Н. Проскурина, понятие «вскоре» растянулось примерно на 18-19 лет.

В гораздо менее живописной версии В.Б. Заславского Святейший Синод (кто именно из его членов или чиновников при этом органе управления, конкретно не указывается), обратив внимание на выдающиеся заслуги о. Андрея и на «всеобщую любовь к нему всех ташкентцев», предложил ему принять монашество, с тем, чтобы затем занять епархиальную кафедру. Отказ о. Малова в изложении Заславского звучит более сухо, чем тот художественный монолог, который влагает в уста о. протоиерея В.Н. Проскурин. По В.Б. Заславскому, прот. А. Малов, отказавшись от архиерейства, мотивировал свое решение тем, что «не считает себя достойным принять столь высокий сан и сопряженные с ним столь тяжелые обязанности»³⁰.

Обе версии отказа прот. Малова от кафедры неизбежно порождают несколько недоуменных вопросов. Могли ли о. Андрею предложить архиерейство именно из Святейшего Синода? Были ли у него реальные шансы стать епископом Туркестанским? Какую роль мог сыграть в этом деле К.П. фон Кауфман? Существуют ли документы, способные подтвердить эту легенду?

На последний вопрос ответить, наверное, легче всего. Переписка по поводу организации Туркестанской кафедры между генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом I-м и обер-прокурором Свящ. Синода графом Д.А. Толстым (велась в 1869-1872 гг.) не представляет собой какой-то особенной тайны, и некоторые документы из этой переписки были использованы П.П. Литвиновым в уже упоминавшейся монографии³¹. Ни в одном из известных нам писем кандидатура о. Андрея даже не обсуждается³². И пока в научный оборот не введены документальные свидетельства, могущие подтвердить факт предложения прот. Малову архиерейства, его приходится считать только исторической легендой.

Да и был ли у о. протоиерея шанс стать епископом?

Против такого варианта свидетельствует та кадровая политика, которой со времен Петра I руководствовался Святейший Синод. На протяжении почти всего Синодального периода считалось, что архиереев лучше всего «рекрутировать» из весьма специфической прослойки духовенства – так называемых академических, или ученых, монахов. Этот тип монаха, как правило, был выходцем из Духовных академий и имел о собственно монастырской жизни весьма слабое представление. Приняв постриг во время обучения в Академии, ученый монах, по окончании курса наук, в основном мог заниматься педагогической деятельностью. Преподавал в духовных училищах и семинариях либо здесь же нес послушание в качестве инспектора или ректора. И преподавание, и административная работа для «академического»

монаха, по сути дела, являлись лишь необходимой ступенькой к дальнейшему архиерейству³³.

Преимуществом «академического» монашества были добротные теологические познания. Минусом – то, что архиереи, вышедшие из этой среды, зачастую отбирались не по наличию у них административного таланта, а по умению проявлять послушание вышестоящим властям и не выделяться³⁴. Исключения были редки³⁵. Помимо этого, епископы «академического» типа имели слабое представление о быте приходского духовенства, о его насущных проблемах и потребностях.

Естественно, что прот. А. Малов к числу «академических» монахов не принадлежал. Вдовый военный священник, закончивший только курс духовной семинарии, он не имел никаких шансов стать типичным архиереем Синодальной эпохи. И хотя в 1870-х годах, когда количество постригов среди выпускников академий стало быстро уменьшаться, епархиальные архиереи, как пишет Смолич, «бывали вынуждены побуждать овдовевших протоиереев, профессоров академий и преподавателей семинарий принимать монашество, с последующим выдвижением их на замещение епископских кафедр», – все же «общее число поставленных таким способом епископов было на удивление мало: за всю 2-ю половину XIX и начало XX вв. их было всего около 40»³⁶.

Кроме того, в таких случаях требовалось, как правило, крепкое лоббирование кандидатуры вдового военного священника в самых высших эшелонах российской имперской власти. Хотя выдвижение будущих епископов и осуществлялось членами Святейшего Синода, но на практике реальное представление кандидатур императору проходило через прямой доклад обер-прокурора и окончательно утверждалось самим Государем, во многих аспектах *de facto* выполнявшим функцию главы Российской Церкви.

Единственным, кто мог бы попытаться инициировать продвижение прот. Малова, был генерал-губернатор Туркестанского края – К.П. фон Кауфман I-й. В принципе, можно представить, что фон Кауфман хотел бы иметь на епархиальной кафедре человека, близкого ему по духу и не понаслышке знакомого с туркестанскими политическими реалиями и религиозными сложностями. Возможно, Константин Петрович и стремился предпринимать в этом направлении какие-то конкретные шаги. Но... Были ли в реальной исторической действительности такие планы у главного начальника края? Беседовал ли он по поводу возможного архиерейства с самим о. Андреем? И если да – как о. Андрей (если не принимать во внимание красивую легенду, изложенную выше) отнесся к такому предложению?

На данном этапе разработанности проблемы на эти вопросы невозможно ответить однозначным подтверждением или опровержением.

Вместо заключения

Что же на текущий момент нам реально известно об о. Андрее, если очистить его биографию от поздних легендарных наслоений?

Начнем с внешности прот. А. Малова. К сожалению, самый известный его портрет³⁷, так же, как и разные варианты фактически единственной сохранившейся до

наших дней фотографии, относятся лишь к последнему периоду его жизни (примерно к 1889-1899 гг.). На них он изображен седобородым старцем, украшенным многочисленными крестами и медалями. Таким он предстает и в словесных описаниях до-революционной поры. В одной из своих книг Д.Н. Логофет пишет о внешности Малова следующее: «Красивый старик, с совершенно серебряными волосами и бородой...»³⁸. Более развернутое описание дает Евгений Марков, имевший возможность видеть о. Андрея в 1891 г., во время пасхальной службы в Свято-Преображенском соборе: «Скоро мы увидели вышедшую из алтаря фигуру старца, которого нельзя забыть, увидевши раз. Ему на вид казалось лет сто. Спина уже согнулась, и ноги с трудом двигались. Белая, длинная борода и такие же, как серебро, белые волосы обрамляли сухощавое, суровое лицо, среди старческих морщин которого горели смелые, вовсе не старческим огнем, энергические черные глаза. На старце была митра, хотя остальные одежды его были не архиерейские, а священнические*. Твердым мужественным голосом говорил он во время обедни ектению, хотя держал чашу с Святыми Дарами порядочно дрожавшими руками; ему нужно было употребить несколько минут, чтобы с заметным усилием повернуться к алтарю»³⁹.

В описании Е. Маркова мы видим человека с явными признаками старости, а возможно, и отягощенного какой-то болезнью (дрожание рук, заметные усилия при ходьбе). Далее в тексте неизвестный ташкентец, рассказывающий автору приведенных выше строк об о. Андрее, замечает следующее: «Он, в сущности, не так стар, как кажется, ему всего 76 лет, а это его походы и битвы уходили; от ревматизма ноги почти отнялись...»⁴⁰. Эти данные соответствуют сообщению одного из архивных документов, где говорится, что 77-летний прот. А. Малов, испрашивая в 1892 г. у епархиального начальства отставку, объяснил свое решение тем, что «продолжительная боевая походная жизнь, полная приключений и лишений, преждевременно состарила его, Малова, и он ныне уже по дряхлости своей нести службу не может»⁴¹.

Далее, нам почти неизвестно, каким о. Андрей был в быту. Какими были его взаимоотношения с непосредственными подчиненными: с теми священнослужителями, которые находились под его началом в Иосифо-Георгиевской церкви, – прот. Григорием Ширяевым, например, или протодиаконном Иоанном Зверевым.

Неясно, каким был Малов в кругу своей семьи, о которой, кстати говоря, вообще мало что сообщают его современные биографы. К примеру, у них приводится дата его рукоположения, но не указывается ни имя его супруги (матушки), ни дата ее смерти. Из этих жизнеописаний нельзя почерпнуть информацию ни об общем количестве детей о. Андрея (известно, что у него была, по крайней мере, одна дочь), ни о судьбе его потомков и внуков.

За редким исключением, не вполне ясна фактическая сторона явно приятельных взаимоотношений прот. А. Малова с фон Кауфманом, а также отношений с М.Г. Черняевым в бытность последнего туркестанским генерал-губернатором. Почти не введе-

* До 1917 года митра была преимущественно атрибутом архиерейского богослужебного облачения; правом ношения митры обладали также монастырские архимандриты. Права «служить в митре» в синодальную эпоху удавались очень немногие протоиереи, поэтому вид «белого» священника в митре и вызвал у Е. Маркова ощущение, что прот. Малов облачен в архиерейскую митру при священнических облачениях. Фактически архиерейские и священнические митры стали внешне несколько отличаться друг от друга только после 1987 года.

на в научный оборот информация о коммерческой деятельности о. Андрея – кроме лаконичного упоминания о принадлежавших ему банях «на Обуховском проспекте и на углу Ирджарской улицы и Махрамского проспекта» и кирпичном заводе⁴².

У современных биографов прот. Малова его *вневоенная* жизнь вообще освещена таким образом, что может показаться одним непрерывным триумфом. Естественно, было бы неразумным отрицать очевидный факт сугубой успешности карьеры о. Андрея. Перечень наград, которых он удостоился, выглядит очень внушительно, да и сан митрофорного протоиерея в Русской Православной Церкви имели лишь немногие белые священники. Но означало ли это обилие наград и обладание правом на ношение митры, что гражданская биография прот. Андрея складывалась совершенно безмятежно и в ней не было места разного рода конфликтам и недоразумениям?

Как сообщает В.Б. Заславский, в 1866 г. прот. А. Малов был «назначен благочинным церковью Туркестанского края, с правом разрешать без епископского благословения постройку церквей и освящать их»⁴³. (В документальных источниках за 1870 год этот титул о. Андрея определяется иначе: благочинный «Церковью Сыр-Дарьинской области»⁴⁴).

Однако где-то в 1873-1874 годах о. Андрей был уволен с поста благочинного. По сведениям, которые приводит П.П. Литвинов, отстранение было произведено еп. Софонией «за “саботаж” подачи отчетов военными священниками»⁴⁵. Видимо, сильно подзабывшее архиерейский контроль сырдарьинское армейское духовенство пыталось игнорировать распоряжения недавно возведенного на кафедру еп. Софонии. Ответственность за такое «манкирование» и была возложена на прот. Малова.

Смещение Малова вызвало возмущение среди священнослужителей. «Повествуя о недовольстве, вызванном решением Софонии, газета “Церковно-общественный вестник” отмечала, что “протест туркестанского духовенства против своей новой администрации принимает уже гласный характер”»⁴⁶.

Дело об увольнении прот. А. Малова проливает некоторый свет и на отношения о. Андрея и К.П. фон Кауфмана, а также на неприязнь между последним и еп. Софонией (Сокольским). По воспоминаниям Н.П. Остроумова, личное общение между первым туркестанским генерал-губернатором и первым туркестанским архиереем не заладилось с момента приезда еп. Софонии в Ташкент в 1872 году⁴⁷. И в ответ на смещение о. Андрея, а также по личной нерасположенности к Сокольскому, К.П. Кауфман, в обход епархиального начальства, представил прот. А. Малова к награждению орденом св. Анны I-й степени и митрой⁴⁸.

Мы не можем точно ответить на вопрос, какими были взаимоотношения между пользовавшимся большим почетом в Ташкенте прот. А. Маловым и преемниками еп. Софонии, считавшимися епископами туркестанскими *и ташкентскими*, но на практике крайне редко посещавшими столицу края⁴⁹.

Отдельные факты свидетельствуют в пользу того, что архиереям приходилось считаться с его авторитетом. Известно, например, напечатанное в «Туркестанских ведомостях» (№ 2, 1887 г.) воззвание еп. Неофита (Неводчикова), обращенное к «протоиерею Малову и прочему Ташкентскому духовенству». Подобное выделение о. Андрея не может не говорить об уважении, которым он пользовался в Ташкенте.

Другие документы дают повод для противоположных выводов. К примеру, в 1892 г. в Туркестанской Духовной консистории рассматривалось дело об увольнении прот. А. Малова на покой. Чиновники консистории, среди которых был и известный верненский священник Алексей Шавров (впоследствии митрофорный протоиерей и многолетний настоятель кафедрального собора), рассмотрев дело, подтвердили за о. протоиереем право на пенсионные выплаты. Но одновременно они же отложили до лучших времен параллельную просьбу Малова – о закреплении за ним также права получать пенсион и от военной эмеритуры*, в кассу которой из его жалования делались регулярные отчисления⁵⁰. Отказ был обоснован «не разрешенностью» «вопроса об участии священнослужителей Туркестанской епархии в эмеритуре сухопутного ведомства». С формальной точки зрения это было вполне оправданно. Однако внимательное чтение документа оставляет впечатление, что консисторские отцы просто воспользовались удобным предлогом, чтобы уязвить о. Андрея, не подтвердив его права на прибавку к пенсионному обеспечению. Вообще, история взаимоотношений верненской консистории и ташкентского протоиерея Андрея Малова еще требует исследования...

В заключение приведем, в хронологическом порядке, те факты из жизни о. протоиерея, которые подтверждены документальными и историческими источниками. Фактически мы уже сейчас попробуем несколько демифологизировать жизнеописание нашего героя, удалив из него все мифологемы и неподтвержденные легенды. В помещенной нами ниже схематической таблице все даты указаны по юлианскому (т.н. «старому») стилю, а звездочкой (*) помечены те события, датировка которых вызывает сомнение. Итак...

Митрофорный протоиерей Андрей Евграфович Малов родился в 1815 г.⁵¹ в Самарской губернии в семье священника⁵². В святом крещении получил имя Андрей – в честь мученика Андрея Стратилата**. Окончил курс Оренбургской Духовной семинарии с аттестатом 2-го разряда⁵³ *. 11 марта 1839 года был рукоположен в сан священника⁵⁴; хиротонию совершил еп. Иоанникий (Образцов)⁵⁵.

Где-то между 1840 и 1856 годами о. Малов овдовел*. В 1839–1856 годах священствовал на приходах Оренбургско-Уфимской епархии; был награжден бронзовым наперсным крестом в память войны 1853-1855 годов⁵⁶ *.

По вызову оренбургского генерал-губернатора графа В.А. Перовского⁵⁷, указом оренбургского епископа Антония (Шокотова) (3 апреля 1856 года)⁵⁸ переведен на службу в форт Перовский (ныне – г. Кызылорда)⁵⁹; т.е. фактически перешел из епархиального в

* Эмеритура (от лат. *emere* – отслуживший, старый), или эмеритальная касса – в данном случае накопительный фонд, отчисления в который производились в течение службы в российской армии. После выхода «на покой» лицо, с которого высчитывали эмеритальные отчисления, могло рассчитывать на дополнительные выплаты к пенсионному обеспечению.

** Память мч. Андрея Стратилата празднуется 19 августа старого стиля. В районе этой даты следует искать день рождения прот. А. Малова. В царской России православные имена давались почти исключительно по святым, причем родители обычно старались, чтобы День ангела ребенка (память святого, в честь которого дано имя; именины), который справляли так же торжественно, как в наше время справляют дни рождения, не очень далеко находился от даты его появления на свет. Часто день рождения и день именин вообще совпадали, т.к. имя для ребенка выбирали из списка святых, указанных в святцах на тот день, когда он появился на свет.

военное ведомство. В 1860 году, по поручению командующего Сырдарьинской линией, организовал в форте Перовский училище для русских детей (род начальной школы), просуществовавшее до 1863 года⁶⁰. Награжден орденами св. Анны III (1863) и II степеней (1864)⁶¹. В качестве войскового священника участвовал в военных кампаниях 1862, 1863, 1866, 1873 гг.⁶².

В 1866 году назначен благочинным церковью «Туркестанского края»(?)⁶³ *. В 1866 г. награжден орденом св. Владимира IV степени с мечами, и золотым наперсным крестом на георгиевской ленте⁶⁴; на тот момент являлся одним из двух (наряду с прот. Г.А. Ширяевым) православных священников, постоянно проживавших в Ташкенте⁶⁵. В 1867 г. награжден правом ношения камилавки⁶⁶. В 1868 г. назначен настоятелем Иосифо-Георгиевской церкви Ташкента⁶⁷. В 1869 г. возведен в сан протоиерея⁶⁸. В 1870 г. включен в качестве председателя в созданный по приказу К.П. фон Кауфмана комитет по строительству Спасо-Преображенского военного собора⁶⁹. В 1872 г. награжден орденом св. Владимира III степени⁷⁰. В 1873-1874 гг. смещен еп. Софонией (Сокольским) с поста благочинного Сырдарьинской области⁷¹ *. Награжден правом ношения митры и серебряной медалью на георгиевско-владимирской ленте (1874); орденом св. Анны I степени и бронзовой медалью на георгиевско-владимирской ленте (1878)⁷². В 1882 г. официально состоял в штате Штаба Туркестанского военного округа и получал денежное содержание по военному ведомству⁷³. В 1882 г. награжден правом ношения палицы⁷⁴.

В 1888 г. переведен настоятелем в Спасо-Преображенский военный собор⁷⁵. В 1889 г., по случаю 50-летия служения в сане священника, «Городским Ташкентским Обществом» ему, с благословения еп. Александра (Кульчицкого), был поднесен наперсный крест с драгоценными камнями, на золотой цепочке⁷⁶ *. В 1892 году, в возрасте 77 лет, уволен на покой, согласно поданному прошению⁷⁷. (На 1892 год в документах указывается его дочь – Елизавета Андреевна Витберг, супруга подполковника Витберга⁷⁸). После ухода на покой с 1892 по 1899 гг. проживал в Ташкенте. 3 апреля 1899 года скончался⁷⁹ и был похоронен в левом приделе за левым клиросом Свято-Преображенского собора⁸⁰.

Естественно, эта сухая биографическая канва далека от полноты, но она, по крайней мере, лишена «мифологических» эпизодов и может быть существенно восполнена исходя из результатов дальнейших архивных и библиографических изысканий. Пора высвободить *реального* протоиерея Андрея Евграфовича Малова из плена мифологического тумана и вернуть о. Андрея реальной, а не вымышленной истории Православия в Средней Азии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1.

Приказ по Военно-Народному управлению от 10 октября 1870 года

П Р И К А З
По военно-народному Управлению Туркестанского
Генерал-Губернаторства

Октября 10 дня 1870 г. г.Ташкент
№ 174.

Находя необходимым приступить к сооружению в Ташкенте Соборного храма [i], я возлагаю это благочестивое дело на особый Комитет под председательством Благочинного Церквей Сыр-Дарьинской области Протоиерея **Малова**; в занятиях этого Комитета приглашаю принять участие в качестве членов: инженер-полковника **Осипова**, командира 3го стрелкового батальона Полковника **Новомлинского**, состоящего в моем распоряжении Надворного Советника князя **Голицина**, Церковного Старосту Почетного Гражданина **Первушина**, Архитектора **Лехачева** [ii], Отставного Полковника **Жемчужникова**, Штабс-Капитана **Ульянова**, а в качестве делопроизводителя Коллежского Секретаря [*неразборчиво*].

Объявляю о сем для сведения и должного исполнения.

Генерал-Адъютант /фон Кауфман/

ЦГА РУз. И-1, оп. 35, д. 3, лл. 184-184 об.

---

i. Речь идет о Спасо-Преображенском соборе г. Ташкента.

ii. Так в тексте.

№ 2.

Из журнала Туркестанской Духовной консистории от 12 марта 1892 г.

№ 677

[Резолюция епархиального архиерея:]

+

18 Марта 1892 года. Утверждается.

Еп[ископ] Неофит.

-----
*Об увольнении протоиерея Андрея Малова за штат
и об исходатайствовании полной пенсии
по военному ведомству.*

1892 года Марта 12-го дня. По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Туркестанская Духовная Консистория слушали: прошение на **Высочайшее Имя**, Протоиерея Ташкентского военного Спаса-Преображенского Собора Андрея Евграфова Малова, от 4-го февраля сего 1892 г., данное на рассмотрение при резолюции Его Пресвященства, от 10-го того же февраля за № 394. Протоиерей Малов в прошении сем, объяснив, что он, быв посвящен в священнический сан в 1839 г., с 3 Апреля 1856 г. вызван был покойным графом Перовским на служение в войсках <...>, что продолжительная боевая походная жизнь, полная приключений и лишений, преждевременно состарила его, Малова, и он ныне уже по дряхлости своей нести службу не может; что с вызовом его на службу в передовой отряд <...> содержание и всякое довольствие он во все последующее время получал и по ныне получает из кредитов сметы Военного ведомства, по положению же воинских чинов, из содержания его производились все узаконенные удержания и вычеты в пенсионный и инвалидный* капиталы, а также в эмеритальную кассу военно-сухопутного ведомства, со времени учреждения таковой, и потому всеподданнейше просит уволить его от действительной службы с назначением ему по все милостивейшему ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволению пенсии за долголетнюю службу в Туркестанских войсках из Государственного Казначейства, а также подлежащей пенсии из эмеритальной кассы военно-сухопутного ведомства, с отпуском таковых из Ташкентского Областного Казначейства. **Справка:** 1, Из формулярного списка Протоиерея Ташкентского военного Спаса-Преображенского Собора Андрея Евграфова Малова, сын священника Самарской епархии, окончил курс Оренбургской духовной Семинарии с аттестатом 2-го разряда, от роду имеет 77 лет; рукоположен в священники 11 Марта 1839 г.; по распоряжению Антония, Епископа Оренбургского и Уфимского, переведен на передовую Сыр-Дарьинскую военную линию в Форт Перовский с 3 Апреля 1856 г., с какового времени и состоит на службе в Туркестанском крае; находился в походах при движении военных отрядов в глубь Средней Азии: в 1862 г., [18]63 г., [18]66 и [18]73 годах; получил за

* В данном случае – ветеранский.

время службы награды: набедренник в 1856 г, скуфью – 1858 г, бронзовый наперсный крест в память войны 1853-55 гг, орден Св[ятой] Анны 3 ст[епени] – 1863 г, Св. Анны 2 ст. – 1864 г, Св. Владимира 4 ст. с мечами – 1866 г, золотой наперсный крест на Георгиевской ленте – 1866 г, камилавку – 1867 г, Св. Владимира 3 ст. – 1872 г, митру и серебряную медаль на Георгиевско-Владимирской ленте – 1874 г, Св. Анны 1 ст. и бронзовую медаль на Георгиевско-Владимирской ленте – 1878 г, палицу – 1882; объявлено ВЫСОЧАЙШЕЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА благоволение – 1889 г; кроме того преподано благословение Св[ятейшим] Синода – 1866 г; удостоен возведением Св. Синодом в сан Протоиерея – 1869 г. и, с благословения Преосвященнейшего Александра [(Кульчицкого)], бывшего Епископа Туркестанского и Ташкентского, имеет наперсный крест, украшенный драгоценными камнями на золотой цепи, поднесенный Городским Ташкентским Обществом; в отставке, под судом и следствием не был и не состоит; вдов; имеет дочь, состоящую в замужестве за Подполковником Елизавету Андреевну Витберг. 2, По указам Св. Синода: 25 Мая и 26 Октября 1884 г. за № 1808 и 3594 и 27 Сентября 1885 г. за № 3347 семействам умерших священников Ильинского, Белозерского и Студенского, состоявших по штатам Управлений военного ведомства (первые двое) Туркестанского и (третий) Омского военных округов, назначены пенсии на основании подлежащих статей Св[ода] Воен[ных] Пост[ановлений] т. II, ч. II, кн. II, гл. III. 3, За воспоследованием закона 15 Июня 1887 г. (Собр[ание] узак[онений] и распор[яжений] Прав[ительства?], № 84, ст. 774) «о правах лиц военного ведомства, состоящих на службе в местностях, в которых военнотружущим предоставляются особые преимущества», военное ведомство почитает священнослужителей Туркестанской епархии, состоящих в штатах Управлений означенного ведомства, состоящими в ведомстве же военном и епархиальном (Дел[о] Консист[ории] 65/1887 г. 2 ст.). 4, В 1882 г. Протоиерей Малов состоял в штате Штаба войск Туркестанского военного Округа и содержание получал: жалованья 600 руб., столовых 300 руб. и квартирных 280 руб. 5, По уведомлению Г[осподина] Синодального Обер-Прокурора, от 23 Июня 1890 г. за № 8900, вопрос об участии духовенства Туркестанской епархии в эмеритуре военно-сухопутного ведомства находится на рассмотрении образованной в 1890 г. 3-й проверочной эмеритальной комиссии. **Закон.** Уст[ав] Дух[овной] Консисторий ст. 78 и 79; Ук[аз] Св[ятейшего] Синода от 26 Октября 1886 г. № 19, по силе которого формулярный список обязано представлять к высшему Начальству само то Начальство, от которого зависит представление о пенсии. Часть II, кн. II Св. Воен. Пост., изд[ания] 1859 г. ст. ст. 1027, 1111, 1115, 1116, 1118, 1126 и 1127. **Приказали:** Рассмотрев прошение Протоиерея Андрея Малова и заслушав справку и законоположения, относящиеся к предмету просьбы его, Консистория нашла: а, Протоиерей Малов 77 л[ет], в священнослужительском сане с 11 Марта 1839 г., т.е. 53 г[ода] и 2 дня (12 Марта сего 1892 г.), из коих по 3 Апреля 1856 г. состоял в службе собственно епархиальной, т.е. 17 л[ет] и 4 дня, а с сказанного 3 Апреля 1856 г. по настоящее время 12 Марта 1892 г. – в службе при ведомстве военном, т.е. 35 л[ет] 11 м[есяцев] 6 дней. При таком возрасте и столь продолжительной службе Протоиерея Малова, соединенной с понесенными им трудами в боевой походной жизни <...> просьба его об увольнении от службы является к удовлетворению вполне подлежащей; б, Хотя, с воспоследования закона 15 Июня 1887 г. о правах службы в привиле-

гированных местностях, военное ведомство и не почитает священнослужителей Туркестанской епархии состоящими в сем военном ведомстве, и в Епархиальном, но этот закон, по мнению Консistorии, к Протоиерею Малову отношения не имеет; ибо он, Малов, выслужил право на полную (35 л[ет]) пенсию, принимая в счет предшествующую его службу – 17 л[ет] 24 дня – в Епархиальном ведомстве, не говоря уже о времени, проведенном им в походах <...>, 21 Октября 1882 г., т.е. в такую еще пору, когда священнослужители Туркестанской епархии получали пенсии за службу военную. Отсюда представлять Протоиерея Малова к пенсии подлежит на основании законов Св. Военных Постановлений; и в, вопрос о правах духовенства Туркестанской епархии на пенсию от эмеритуры находится еще на разрешении 3-й проверочной эмеритальной комиссии. На основании сего, руководствуясь ст. 78 и 79 Уст. Дух. Консист. и 1027, 1111, 1115, 1118 и 1127, Консistorия **определяет**: 1, Протоиерея Ташкентского военного Спаса-Преображенского Собора Андрея Евграфова Малова уволить, согласно его просьбе, за штат с 13 будущего Апреля сего 1892 г., предоставив ему, согласно 79 ст. Уст. Дух. Консistorий, избрать местопребывание, где он пожелает, но с тем, чтобы он донес об этом избрании Епархиальному Начальству, а для исполнения сего: а, дать Благочинному церквей Ташкентского округа указ для объявления настоящего определения Протоиерею Малову и отобрания от него и представления в Консistorию ставленнической грамоты на хранение; и б, Штабу войск Туркестанского военного Округа об увольнении Протоиерея Малова за штат с 13 Апреля 1892 г. сообщить отношением; 2, Ходатайствовать, от лица Архипастыря, пред Его Превосходительством Господином Синодальным Обер-Прокурором Святейшего Синода о назначении Протоиерею Малову, на основании статей Св. Воен. Пост., изд. 1859 г.: 1027, 1111, 1115, 1118 и 1127, полной, в размере 600 р. в год, пенсии, выслуженной им 21 Октября 1882 г., с представлением положенного списка Протоиерея Малова, прописав в том представлении, что уволен он, Малов, за штат 13 Апреля сего 1892 г.; и 3, за неразрешением вопроса об участии священнослужителей Туркестанской епархии в эмеритуре военно-сухопутного ведомства, просьбу Протоиерея Малова о ходатайстве ему пенсии и из эмеритальной кассы отложить до решения данного вопроса, о чем ему, Малову, и объявить через местного Благочинного. Протокол сей представить на благоусмотрение Его Преосвященства.

/Священник Алексей Шавров/
Священник Алексей [неразборчиво]
Секретарь /подпись/

Вр[еменно] И[сполняющий] д[ела] Столоначальника /Н. Куликов/

ЦГА РУз. И-961, оп.1, д.271, лл.148-151 об.

№ 3.

«Синописис» легенд о прот. А. Малове.

Из книги Е. Маркова «Россия в Средней Азии. Очерк путешествия». Т. I. СПб, 1901*.

3а. Из главы «Светлая заутреня в столице Туркестана». Сс. 468, 470-476.

Мы кстати посетили этот новый собор**. Была Великая Суббота, и нам с женою столько же хотелось доехать скорее к своим детям, чтобы встретить вместе Праздник Праздников (т.е. Пасху – Р.Д.), сколько и не упустить торжественной заутрени в Светлое Христово Воскресение. Было бы слишком обидно провести эту священную для христианина ночь где-нибудь на почтовой станции Голодной Степи, среди ящиков-киргизов. <...>

Генерал-губернатор Вревский с местным генералитетом и штабными чинами присутствовал на службе. Пел солдатский хор, однако в обычных парадных одеждах архиерейских певчих. Замечательно выразительные и отчетливые возгласы и чтение священника Покровского, деятельного миссионера, обратившего к христианству многих дунган, раздавались из алтаря, понятные и слышные в самых далеких уголках храма, что, к сожалению, редкость в наших больших церквах, где народ большей частью бывает не в силах слышать слов священника и диякона. Но отец Покровский был только одним из сослужащих. Скоро мы увидели вышедшую из алтаря фигуру старца, которого нельзя забыть, увидевши раз. Ему на вид казалось лет сто. Спина уже согнулась, и ноги с трудом двигались. Белая, длинная борода и такие же, как серебро, белые волосы обрамляли сухощавое, суровое лицо, среди старческих морщин которого горели смелые, вовсе не старческим огнем, энергические черные глаза. На старце была митра, хотя остальные одежды его были не архиерейские, а священнические.

Твердым мужественным голосом говорил он во время обедни эктению, хотя держал чашу с Святыми Дарами порядочно дрожавшими руками; ему нужно было употребить несколько минут, чтобы с заметным усилием повернуться к алтарю.

– Кто это такой? – спросил я, пораженный своеобразной фигурой старца, внушавшей невольное благоговение.

– А это самая большая знаменитость Ташкента, священник Малов, – отвечали мне. <...>

– <...> В 1889 году мы праздновали пятидесятилетие его священства. Он в сущности не так стар, как кажется, ему всего 76 лет, а это его походы и битвы уходили; от ревматизма ноги почти отнялись***. <...>

– Чего-ж его архиереем не сделают? Ведь он верно вдовец?

– Синод ему еще в 1871 году предлагал сделаться первым туркестанским архиере-

* Публикация выдержек из книги Е. Маркова «Россия в Средней Азии» предпринимается с целью наглядно показать общий характер и этнографическую (а отнюдь не историческую) ценность литературных источников современного «Маловского легендария». При публикации текста был полностью сохранен стиль Е. Маркова и лишь несколько приведена в соответствие с современными нормами дореволюционная орфография.

** Спасо-Преображенский военный собор; в тексте он назван новым, по сравнению со «старым» собором – Иосифо-Георгиевской церковью.

*** Это указание позволяет нам вычислить дату той Пасхи, во время которой Е. Марков мог видеть прот. А. Малова. Отец Андрей был уволен на покой в 1892 г. в возрасте 77 лет, соответственно 76 ему исполнилось в 1891 г.

ем, когда епархия учреждалась, да о. Андрей не захотел; почести его особенно не соблазняют, а с семьей расстаться не хочет; у него тут дочь замужняя, внуки, правнуки... Он их ужасно всех любит и живет всегда с ними. К тому же, чем он здесь меньше архиерея. Почет и уважение ему во всем Туркестане такие, что никакому архиерею не оказывают: и генерал-губернаторы, и начальники все – всё это его почитатели самые искренние, большей частью даже соратники его по походам, офицерами молодыми при нем были; звезды и кресты у него всякие есть, народ чуть не молится на него. Ни один солдатик не уйдет отсюда на родину, не купив портретика «дедушки Малова», как величают здесь его. Это, знаете, в роде какой-то местной святыни у нас... Общій любимец и общая слава наша.

– Вот так поп! – искренне удивился я.

– Да уж именно поп, я вам скажу; такого другого нигде не отыщете. И ведь что замечательно: он в поход-то пошел в первый раз не полковым священником; никакой его обязанности не было с полком ходить, потому что он просто городским священником служил в Перовске, ну, а вот явилось вдруг желание непобедимое пороку понюхать, он и пристал доброю волею к четвертому Туркестанскому батальону, да и проделал с ним всю кампанию... Мне говорили, он еще с малолетства у отца на военную службу просился, – отец его тоже священником был где-то в Самаре, – значит, всегда это призвание чувствовал. И в семинарии, говорят, товарищи его иначе не звали, как «генерал»... Стало-быть, он и там о битвах все мечтал. Вот и добился своего.

<...>

Я с особым сочувствием и любопытством смотрел после этих рассказов в течение всей длинной Святонедельной службы* на старого, едва двигавшегося протоиерея в митре. Он теперь стал буквально историческим памятником Ташкента. Собор, где он служит, по праву – его собор, точно так же как город, где он живет – его город. Первые средства для постройки собора собрал Андрей Ефимыч; он ездил для этого в Петербург, в Москву, получил щедрые жертвы от Государя Императора и Царской Семьи и возвратился домой с капиталом в 25.000 рублей. <...>

Несмотря на слабость свою, «дедушка» Малов постоянно сам исполняет все обязанности старшего протоиерея в соборе, этом «детнице» его, как называют собор местные жители.

Теперь отец Малов мирно и тихо, как догорающий светильник, доканчивает свои почтенные дни, окруженный благоговейным уважением всего населения и заботами своей многочисленной семьи. <...>

---

* Длительное ночное богослужение на св. Пасху.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Елец, 1996. – С. 23.

² *Заславский В.Б.* Протоиерей Андрей Малов // Слово Жизни. Еженедельник Ташкентско-Среднеазиатской епархии. № 17[75]. 28 апреля 1993 г.; *Он же.* «Из истории православия в Средней Азии: (Настоятель Ташкентского собора протоиерей Андрей Малов)» // Церковно-общественный вестник. № 10, 2003.

³ *Проскурин В.Н.* Дедушка Русского Туркестана // Веди. № 2. Алма-Аты. 1999. *Он же.* Былинный походник о. Андрей Малов // Вестник военного и морского духовенства. № 2(663), 2003. (Далее все ссылки на эту статью даются по ее интернет-публикации: spgk.kz/Vylinnyuyirohodnik-o-Andreyi-Malov.html).

⁴ «Епископ, или пресвитер, или диакон, в воинском деле упражняющийся и хотящий удержати обое, то есть римское начальство и священническую должность: да будет извержен из священного чина. Ибо кесарева кесареви, и Божия Богови» (Правила Св. апостолов. 83). Также существует канон, предусматривающий лишение сана даже за *невольное* убийство: «Аще кто из клира в сваре кого ударит, и единым ударением убьет: да будет извержен за продерзость свою. Аще же мирянин сие сотворит: да будет отлучен» (Правила Св. апостолов, 66). Правила Православной Церкви с толкованиями *Никодима, епископа Далматинско-Истрийского*. В 2 т. Т. I. – М.: Отчий дом, 2001. – Сс. 143 и 168.

⁵ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз). И-961, оп. 1, д. 271, л. 149.

⁶ Патрахин Леонид, протоиерей. С 1970 по 1994 г. – клирик Среднеазиатской епархии. Ныне – настоятель Христо-Рождественского храма в с. Анна (Воронежская епархия). См.: *Патрахин Л., протоиерей.* Храм в селе Троицкое // Слово жизни. Еженедельник Ташкентско-Среднеазиатской епархии. № 13. 23 декабря 1991 г. *Он же.* Храм в Янги-юле. – Анна, 2009. *Он же.* Георгиевский храм в Троицком (ныне Свято-Троице-Георгиевский мужской монастырь). – Анна, 2009. *Он же.* По стопам апостола Фомы. // *Патрахин Л., прот. Лай П., прот.* По стопам апостола Фомы. – Воронеж, 2009.

⁷ Из списка источников при публикации В.Н. Проскурина, к сожалению, единственного, находящегося у автора статьи под рукой, можно вычленить несколько текстов, на которых, *возможно*, основаны описания Заславского и Проскурина. Это: *П.М.К. [Кауфман П.М.]* Русское знамя в Средней Азии. // Исторический вестник. № 4. 1899; *Симонова Л.* Андрей Евграфович Малов, протоиерей Ташкентского собора. – Ташкент, 1890; *Сярковский Г.* Воспоминания офицера о Туркестанских походах в 1864-1865 годах. // Военный сборник. Т.т. 197-198. №№ 2-3, 1891.

⁸ *Проскурин В.Н.* Былинный походник... – Это единственная ссылка в публикации В.Н. Проскурина, да и то приведенная прямо в тексте. Она идет сразу после цитирования похвал о. Константина в адрес прот. А Малова, естественных на любом юбилее, и выглядит следующим образом: «Из речи протоиерея Константина

Богородицкого на день 60-летия служения А.Е. Малова Русской Православной Церкви. (Ташкент, 26 февраля, 1899 г.)». По всей видимости, сама речь была напечатана в газете «Туркестанские ведомости».

⁹ См.: *Марков Е.* Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. (Т. 1 — Побережья Кавказа.) – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901.

¹⁰ См.: *Флыгин Ю.С.* Власть и ислам в Туркестане. К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867–1917). // II Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. 27 ноября 2008 г. Сб. мат. – Ташкент: Ташкентская и Среднеазиатская епархия, 2010. – Сс. 11-81.

¹¹ См.: *Заславский В.Б.* Из истории православия... – Указ. изд. – Сс. 158-169; *Проскурин В.Н.* Былинный походник... – Указ. изд.

¹² ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 149.

¹³ *Заславский В.Б.* Протоиерей Андрей Малов... – Указ. изд. – С. 3.

¹⁴ В.Н. Проскурин почему-то обходит стороной эту легенду в своем «Былинном походнике...», только замечая, что «...при взятии Ташкента вместе с Маловым сражался и погиб штабс-капитан Л.Е. Коржев, муж любимой дочери Елизаветы Андреевны...», очевидно, смешивая неудачный штурм Ташкента (15 ноября 1864 г.) и второй штурм города (15 июня 1865 г.). См.: *Проскурин В.Н.* Былинный походник... – Указ. изд.

¹⁵ *Тутов А.В.* Священник-воин Андрей Евграфович Малов (cossac-awards.narod.ru/Zametki/Zametka48_Tutov_Svyaschennik.html).

¹⁶ Что, впрочем, не освобождает эту публикацию от целого ряда неточностей. Так, сообщив о первых поднявшихся на ташкентскую стену, А.В. Тутов несколько позднее опять повторяет пассаж о том, что в их числе был прот. Малов, и добавляет, что за этот подвиг он был награжден «георгиевским» наперсным крестом. Далее в тексте у А.В. Тутова ворота, через которые русские войска проникли в Ташкент, свободно именуются то *Камаланскими*, то – *Камеланскими*.

¹⁷ *Литвинов П.П.* Неисламские религии... – Указ. изд. – С. 23.

¹⁸ См., например: *Сорокин Н.В.* Природа и человек в Средней Азии // Исторический вестник. Июнь, 1889. – С. 566-567.

¹⁹ См.: *Терентьев М.А., генерал-лейтенант.* История завоевания Средней Азии. Т. I. – СПб, 1906. – Сс. 314-315.

²⁰ Там же. – С. 315.

²¹ *Добросмыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. – Ташкент, 1912. – Сс. 54-55.

²² См. там же, сс. 51-59.

²³ *Терентьев М.А.* Цит. соч. – С. 312.

²⁴ Там же. – Сс. 316-317.

²⁵ Там же. – Сс. 317-318. Также см.: *Добросмыслов А.И.* Цит. соч. – С. 56.

- ²⁶ См.: *Марков Е.* Россия в Средней Азии... – Указ. изд. Т. I. – Сс. 471-472.
- ²⁷ См.: *Заславский В.Б.* Протоиерей Андрей Малов... – С. 3; *Проскурин В.Н.* Былинный походник... – Указ. изд.
- ²⁸ *Проскурин В.Н.* Былинный походник... – Указ. изд.
- ²⁹ См.: *Добросмыслов А.И.* Цит. соч. – Сс. 312-313.
- ³⁰ *Заславский В.Б.* Протоиерей Андрей Малов... – С. 3.
- ³¹ *Литвинов П.П.* Неисламские религии... – Указ. изд. – Сс. 9-10.
- ³² См.: ЦГА РУз. И-1, оп. 20, д. 124, лл. 30-33 об. ЦГА РУз. И-1, оп. 20, д. 6464 л.л. 1-1об. ЦГА РУз. И-1, оп. 20, д. 6464, лл. 2-3 об.
- ³³ См.: *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700-1917. Ч. 1. [История Русской Церкви. Кн. 8]. – М: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Сс. 288-291.
- ³⁴ См. там же. – С. 291.
- ³⁵ Например, митрополит Евлогий (Георгиевский), к 1917 году прошедший все ступени карьеры от «академического» монаха вплоть до епархиального архиерея. См.: *Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной.* – М.: Московский рабочий, 1994.
- ³⁶ *Смолич И.К.* Цит. соч. – С. 293.
- ³⁷ См. например, в книге: *Туркестан. География и история края.* /Составил М.В. Лавров. – Петроград, М. 1916. – С. 92.
- ³⁸ *Логофет Д.Н.* Походы на Ташкент русской армии в 1864-1865 гг. (statehistory.ru/1354/Tashkent-russian-army-1864-1865/)
- ³⁹ *Марков Е.* Россия в Средней Азии... – Указ. изд. Т. I. – Сс. 470-471.
- ⁴⁰ Там же. – С. 471.
- ⁴¹ ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 148 об.
- ⁴² См.: *Заславский В.Б.* Из истории православных храмов Ташкента. // К истории христианства в Средней Азии (XIX-XX вв.). – Ташкент: Ўзбекистон, 1998. – С. 103
- ⁴³ Там же. – С. 102.
- ⁴⁴ ЦГА РУз. И-1, оп. 35, д. 3, л. 184.
- ⁴⁵ *Литвинов П.П.* Неисламские религии... – Указ. изд. – С. 10.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ См.: *Константин Петрович фон-Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н.П. Остроумова (1877-1881 гг.).* – С. 81.
- ⁴⁸ *Литвинов П.П.* Неисламские религии... – Указ. изд. – С. 15.
- ⁴⁹ *Добросмыслов А.И.* Цит. соч. – Сс. 319-320.
- ⁵⁰ ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, лл. 148-151 об.
- ⁵¹ Дата считается достоверной и приводится во всех современных публикациях, посвященных прот. А. Малову.
- ⁵² ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 149.
- ⁵³ ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 149. – Дата окончания семинарии в документе не указана.
- ⁵⁴ ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 149.
- ⁵⁵ Находился на Оренбургской кафедре с 1835 по 1849 гг. См. справочный раздел, помещенный в издании: *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700-1917. Ч. 1. [История Русской Церкви. Кн. 8]. – С. 728.
- ⁵⁶ ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 149. – Дата награждения в документе не уточняется.
- ⁵⁷ ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, лл. 148-148 об.
- ⁵⁸ ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 149. Фамилия восстановлена по справочным спискам, помещенным в издании: *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700-1917. Ч. 1. [История Русской Церкви. Кн. 8]. – С. 728.
- ⁵⁹ ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 149.
- ⁶⁰ См.: *Остроумов Н.П.* Исторический очерк народного образования в городах и укреплениях Сыр-Дарьинской линии до К.П. фон-Кауфмана. // Константин Петрович фон-Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н.П. Остроумова. (1877-1881 гг.). – Сс. 233-241.
- ⁶¹ ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 149.
- ⁶² ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 149.
- ⁶³ *Заславский В.Б.* Из истории православных храмов... – Указ. изд. – С. 102.
- ⁶⁴ ЦГА РУз. И-961, оп.1, д.271, л.149.
- ⁶⁵ См.: *Добросмыслов А.И.* Цит. соч. С. 320.
- ⁶⁶ ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 149.
- ⁶⁷ См.: *Добросмыслов А.И.* Цит. соч. – С. 313.
- ⁶⁸ ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 149.
- ⁶⁹ ЦГА РУз. И-1, оп. 35, д. 3, лл. 184-184 об.
- ⁷⁰ ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 149.
- ⁷¹ См.: *Литвинов П.П.* Цит. соч. – С. 10. Точная дата отстранения прот. Малова от должности у П.П. Литвинова не указана; 1874 г. – это только дата выхода статьи в газете «Церковно-общественный вестник» (№132, 15 ноября 1874 г.), в которой обсуждалось решение еп. Софонии. См.: *Литвинов П.П.* Там же. – С. 213.
- ⁷² ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 149.
- ⁷³ ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 149.
- ⁷⁴ ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 149 об-150.
- ⁷⁵ См.: *Добросмыслов А.И.* Цит. соч. – С. 315.
- ⁷⁶ ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 149 об. Дата в источнике не указывается, но столь дорогой подарок могли сделать именно к такой торжественной дате, а она в биографии о. Малова выпадает на 1889 г.
- ⁷⁷ ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 151.
- ⁷⁸ ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 271, л. 149 об.
- ⁷⁹ См.: *Добросмыслов А.И.* Цит. соч. – С. 315.
- ⁸⁰ Там же. – Сс. 314-315.

Сергей ЕПИФАНОВИЧ

Преподобный Максим Исповедник

(Отрывок из неопубликованной диссертации)*

Хрисопольский монастырь и пребывание в нем преп. Максима

Монастырь, в котором преп. Максим начал свою подвижническую жизнь, находился в константинопольском предместье Хрисополь, расположенном на азийском берегу Босфора и с XIII в. известном под именем Скутари¹. Он основан был в 594 г. кесарем Филиппиком, зятем императора Маврикия, – в честь Пресвятой Богородицы. В этом монастыре впоследствии при тиране Фоке Филиппик принял монашество и был похоронен. Вот в этот монастырь пришло и другое знатное лицо – протоасикрит Максим, «постриг власы и надел власяницу», и стал монахом. Тут началась для него обычная подвижническая жизнь: он изнурял тело свое подвигами, носил власяницу, проводил время в посте, всеобщих бдениях и напряженной молитве, исполняя все предписания монашеского устава. Преп. Максим не был невольным постриженником, какими часто бывали византийские вельможи; он пришел в монастырь по призванию, по внутреннему влечению своего сердца; поэтому тяжелые подвиги монашеской жизни были для него желанным упражнением и он не только не тяготился ими, но и стремился к ним всей душой**.

* Окончание. Начало в № 25. Отрывок любезно предоставлен публикаторами, Д.С. Бирюковым (С.-Петербург) и Ю.П. Черноморцем (Киев). Для журнальной публикации сокращен обильный справочный аппарат диссертации и цитаты из первоисточников на греческом. В оставленных сносках выходные данные, указываемые автором не полностью (полные выходные данные содержались в библиографии к первой, не публикуемой здесь главе диссертации), дополнены нами в квадратных скобках.

** В 1913 г. С.Л. Епифанович сначала вставил, а затем вычеркнул два абзаца следующего содержания: «Вот как в грузинском житии излагается монашеская жизнь преп. Максима: “Он в совершенстве осуществлял правило подвижническое; нижней одеждой его было вретисце, а верхней, видной другим, – ряса. Пищей ему служил сухой хлеб и невареная зелень в незначительном количестве, причем пищу эту он принимал через два, три, иногда и пять дней; вина же, рыбы, плодов и прочих съестных припасов он всячески избегал. Бодрствование и молитву до того полюбил, что предавался им и днем, и ночью, и замыкая глаза в сидячем положении на короткий срок, сейчас же поднимался на пение и славословие. Смирение его простиралось до того, что он считал себя хуже всех, и если встречал монаха или мирянина меньше себя, обращался с ним как наименьший и непотребный. Он, возлюбленный Богом, питал ко всем такую любовь, что вполне исполнял заповедь: «возлюби ближнего своего как самого себя» (Мф. 22, 39); да он действительно «полюбил Господа всею душою» (Мф. 22, 37). Написанные им поучения о

Основные черты аскетических воззрений преп. Максима; его жизнь и занятия в монастыре

Имея возвышенное представление о монашестве, он все силы своей души сосредоточил на том, чтобы осуществить по возможности начертанный им идеал монашеской жизни². Предавшись жизни по Богу, он совершенно отрекся от мира, всех мирских привязанностей и благ и всякий помысл о мире считал клятвопреступлением. По его убеждению, монах уже не имеет на земле ничего, кроме тела, но и к нему он должен обуздать привязанность и вверить попечение о себе Богу и благочестивым людям.

Но внешние подвиги самоотречения были только низшей ступенью монашеского совершенства, на которой не мог остановиться преп. Максим. Его чуткая душа, по природе склонная к сосредоточенности, мистической созерцательности, постоянно обращалась к внутреннему миру духовной жизни и стремилась очистить, возвысить и усовершенствовать «внутреннего человека» в борьбе с помыслами. Он оставил позади требования общежительного монашества, а устремился к высшим подвигам духа, к внутреннему деланию, которому он придавал главное значение в подвижнической жизни. С непоколебимой настойчивостью вел он внутреннюю, духовную борьбу со страстями, помыслами, влечениями, и в посте, труде и молитве всегда старался непрестанно предстоять Богу. Так он достиг бесстрастия – того состояния душевного мира, когда душа не тревожится страстями, и проникся тою божественною любовью, которая возвышает ум человека над всем тварным, делает его равнодушным к миру и мирской славе и возводит к жизни высшей, небесной, делая способным к духовной («умной») молитве, мысленному созерцанию Божества, просвещению божественным светом и откровению божественных тайн. В этих подвигах духовного борения выросла в преп. Максиме та сила воодушевления, которая сделала его вдохновенным певцом любви христианской, носителем высокого аскетического идеала и лучшим представителем практического мистицизма.

Наряду с монашескими подвигами преп. Максим не оставлял и своих научных богословских занятий. К ним влекло его теперь не только природное расположение, но и жизненное призвание и обязанность монаха³. В своих богословских занятиях преп. Максим по-прежнему искал духовного света, источника назидания, утверждения в истине. Он всецело погрузился в глубины ареопагитской мистики и высоты богословских созерцаний Григория Богослова.

любви свидетельствуют об обилии любви в сердце его. Он полюбил две добродетели: смирение и любовь, из коих одна его возвышала, а другая не позволяла ему падать с высоты добродетелей, так что он с каждым днем возвышался и преуспел до того, что, достигши истинного совершенства, удостоился венца мученического и соединился с сонмом исповедников Христа.

Видя добродетели и подвиги его, а равно источник учения, истекавший из уст его, монахи того монастыря, также все ближайшие и отдаленнейшие, приходили к нему и исполнялись духовной пользы...».

Вычеркивание этих абзацев связано с тем, что сначала, в 1910 г., С.Л. Епифанович не использовал показания грузинского жития, дополнительные по отношению к греческим житиям, считая их недостоверными. В 1913 г. С.Л. Епифанович некоторое время считал, что грузинское житие могло сохранить сведения из «синаксарного источника». К этому периоду осторожного доверия к сообщениям грузинского жития и относятся вставки, наподобие приведенной выше. Но в том же 1913 г. С.Л. Епифанович вычеркнул все эти вставки, что связано с окончательным отвержением всех показаний грузинского жития. Все добавления этого жития Епифанович оценил как плод воображения переводчика и сделал следующий окончательный вывод: «Все новые сообщения грузинского жития ценности не имеют никакой. Ни одному из них доверять не следует». – Ю.Ч.

Возведение преп. Максима в сан игумена Хрисопольского. Вопрос о времени этого события

Необычайная ученость и усердие к монашеским подвигам скоро обратили на него внимание монахов Хрисопольского монастыря, и ему скоро, и даже раньше, чем этого можно было ожидать, была поручена в монастыре начальственная власть⁴; по смерти игумена он был избран монахами на его место. Когда это было, сказать с точностью трудно: по всей вероятности, вскоре по вступлении в Хрисопольский монастырь, в период времени 613-616 гг. Некоторые ученые, исследователи жизни преп. Максима, обыкновенно относят возведение его в сан игумена к 639 г., считая преп. Максима преемником Пирра, который, как известно, был архонтом монастырей константинопольских и игуменом Хрисополя до возведения своего на патриарший престол в 639 г. Но это мнение решительно не может быть принято. Прежде всего, известно, что около 633 г. преп. Максим был уже не в Хрисополе, а в Александрии; если принимать означенное мнение, то необходимо надо предположить, что преп. Максим снова отправился из Александрии в Константинополь, чтобы в 639 г. принять игуменство хрисопольское. На самом деле, преп. Максим с 633 г. уже не был в Константинополе, а непрерывно находился в Александрии и Африке (провинции), как показывают его письма к сенатору Петру (Ер. 13, 14), Пирру (Ер. 19), Иоанну Кубикуларию (Ер. 44, 45) и др., написанные оттуда в течение 634-640 гг.⁵ Далее, Пирр, несомненно, был настоятелем Хрисопольского монастыря, по крайней мере с 633 по 639 годы: к нему, как к игумену и, конечно, Хрисопольского монастыря писал ответное письмо преп. Максим около 634 г. Если признать достоверным, что из Александрии преп. Максим не возвращался в Константинополь, то очевидно, что Пирр был игуменом хрисопольским не прежде преп. Максима, а после него. Об этом также можно заключать из того, что преп. Максим ни в письме к Пирру, ни в послании к сицилийцам нигде не называет Пирра своим игуменом и ничем не обнаруживает, чтобы у них существовали какие-либо отношения помимо данной переписки. Наконец, сам Пирр в диспуте с преп. Максимом засвидетельствовал, что он не знал лично преп. Максима и не имел с ним никаких личных столкновений, что решительно было бы невозможно, если бы преп. Максим жил в Хрисопольском монастыре в его игуменство. Поэтому данное мнение мы должны отвергнуть и допустить, что преп. Максим был аввою еще до путешествия своего в Египет, вероятно, до 616 г.⁶

Скромный смиренный инок преп. Максим долго отказывался принять звание игумена, и только уступая настойчивым просьбам братии, согласился стать игуменом хрисопольским. Но при этом он не принял священного сана, что, впрочем, не было обязательно, хотя и было в обычае.

Общая характеристика преп. Максима как игумена

Преп. Максим приступил к исполнению своих обязанностей аввы с полным сознанием важности своего долга и ответственности своего служения. Чувствуя все величие своего служения, он усугубил свои подвиги, зная, что он теперь должен заботиться

не о своем только духовном преуспейании, но и подавать пример подчиненным и руководить их в религиозно-нравственном развитии, не допуская никакого соблазнительного упущения. В подвигах преп. Максим не щадил себя и в заботах об учениках терял последние силы своего слабого организма. Строгий к себе, хрисопольский игумен и от подчиненных требовал точного исполнения заповедей и силой убеждений стремился достигнуть того, чтобы они добровольно и охотно шли по путям добродетели; при этом он пользовался и ласковым и суровым словом; всегда от сердца готов был простить кающегося, как бы он ни провинился; безразлично любил всех и был всем для всех.

Слава преп. Максима на Востоке

Хотя преп. Максим был скромным иноком, однако слава о хрисопольском игумене получила широкое распространение. Ученость и богоугодная жизнь еще молодого подвижника скоро стала известна не только в монастыре, но и столице. Уже тогда утвердился за ним почетный титул «раба Божия» (*o dulos Theu*), которым называли его и почитатели, и враги. Слава о нем дошла и до царского дворца: неоднократно приходили к нему в келию вельможи, чтобы почерпнуть назиданий от его духовной мудрости и насладиться его наставлениями; и когда преп. Максим принужден был оставить Хрисополь, духовные узы, соединявшие его с ними, не порвались: между ними продолжалась переписка, которая доставляла радость св. изгнаннику и вселяла в него веру в крепость духовной любви. При полном отчуждении от мирской суеты, преп. Максим не прерывал сношений с людьми, связанными с ним по духу, и своими наставлениями приносил им посильную помощь. Вероятно, к этому времени относится большинство аскетических трактатов, которые он написал по побуждениям разных лиц и в которых запечатлел богатство собственного подвижнического опыта⁷. Сочинения эти уже в то время получили широкое распространение⁸ и доставили их автору всеобщую известность и уважение. На всем Востоке преп. Максим пользовался большим почетом и уважением: почитали его и патриархи, и епископы, и монахи, и вельможи, и престолоудины.

Оставление преп. Максимом Хрисопольского монастыря

Однако не долго трудился преп. Максим в хрисопольской своей пастве. Печальный оборот, который приняла для Византии персидская война еще со времени Фоки и который продолжался и при Ираклии, отразился и на судьбе скромного инока. Персы с успехом продолжали наступательную войну. Одна провинция за другой переходила в их руки. В 611 г. была потеряна Антиохия, в 613 г. Дамаск и Сирия, 19 мая 614 г. был взят Иерусалим и захвачена святыня христианского мира – честный Крест Господень. Наконец, в 616 г. персы появились у вод Босфора и начали осаду Халкидона, который и был взят ими в следующем году. Путь этих варваров сопровождался ужасными грабежами и опустошениями: они не щадили греков, безжалостно убивали их, тысяча-

ми уводили в плен; все православные епископы-«халкидониты» были прогнаны из завоеванной провинции; большая же часть их спешила бежать еще до появления врагов. Насилий со стороны персов не избежали и смиренные иноки: в Александрии в 617 г. было разрушено 600 монастырей и убито свыше 700 монахов. Нашествие арабов было игрушкой по сравнению с этими опустошениями, ибо арабы все же на первых – по крайней мере – порах оставляли в неприкосновенности имущество и свободу совести своих новых подданных. Положение империи было отчаянное. Искать помощи было не у кого. Сам император при всей своей энергии впал в отчаяние и собирался переехать в Карфаген и сделать его столицей империи. На пути движения варваров граждане в ужасе спасались бегством. В эту пору, когда в 616 г. стала угрожать опасность Халкидону и Хрисополю, преп. Максим и другие иноки принуждены были покинуть родину и искать спасения в бегстве. Не из страха пред врагом они так поступили – нет, они боялись только того, чтобы нашествие варваров и плен у них не стали препятствием к осуществлению иноческих обетов и аскетических подвигов.

Разбор существующих в науке мнений о причинах и времени оставления преп. Максимом Хрисопольского монастыря

О причинах и времени удаления преп. Максима из монастыря ученые разногласят. Некоторые из них, не вникая в обстоятельства событий жизни преподобного, утверждают, опираясь на свидетельство жития⁹, что причиной удаления было усиление и распространение ереси. Другие, опираясь на письма преп. Максима, утверждают, что причиной бегства был страх перед врагами – персами – или арабами; третьи соединяют и то, и другое объяснение; наконец, некоторые пытаются частнее определить хронологию событий и признают два удаления преп. Максима из Константинополя, причем, обычно первым удалением считают путешествие в Египет в 633 г., причиной к которому будто бы послужило нашествие сарацин и после которого преп. Максим возвратился в Константинополь; а второе удаление преп. Максима (в Карфаген) относят к 640 г., когда причиной удаления преп. Максима послужило, согласно с житием, усиление в Константинополе монофелитства. Так как после 633 г. преп. Максим не возвращался в Константинополь, то конечно, второго путешествия из Константинополя не было. За это говорит и тот факт, что, судя по письму преп. Максима, написанному в 640 г. из Африки, об издании экфесиса (638 г.) он узнал по письмам из Константинополя, и сам, следовательно, там он в это время не был. Что касается до первого путешествия в Александрию, то вряд ли можно исходной точкой его считать Константинополь: об этом, по крайней мере, молчат источники, притом совершенно непонятно, почему преп. Максим решил отправиться в Александрию, которой, во всяком случае, более угрожала опасность от сарацин, чем Константинополю и его окрестностям. Более всего вероятным представляется мнение (Комбефи), что преп. Максим оставил монастырь ввиду нашествия врагов (персов); монофелитство имело при этом столь же мало значения, как при поступлении святого отца в монастырь. Это мнение подтверждается безусловно верным документом – письмами преп. Максима. Так как несомненно, что врагами, заставившими преп. Максима оставить роди-

ну, были персы, то отсюда точно определяется и время бегства преп. Максима, именно 616 г., когда персы начали угрожать Халкидону и Хрисополю.

Вопрос о месте, где преп. Максим нашел себе убежище. Жизнь и деятельность преп. Максима на оо. Кипр и Крит

Что касается до места, в котором преп. Максим и другие иноки, бежавшие от врагов, нашли себе приют, то определенных указаний на это в документах нет. Однако можно предположительно утверждать, что таким местом убежища для преп. Максима послужили острова Кипр или Крит. По крайней мере, мы знаем, что на эти острова бежали многие из греков во время персидского нашествия, например, Иоанн Милостивый, папа Александрийский. Кроме того, из слов самого преп. Максима мы знаем, что он жил на Крите и вел там полемику с севирианами* в беседах с их епископами. Он, несомненно, был на о. Кипр, где познакомился с Марином, которому адресовано столько его сочинений. Если принять во внимание, что около 625-626 гг. императором Ираклием был издан на имя Кипрского митрополита Сергия эдикт против севириан, усилившихся на о. Кипр, то можно предположить, что полемика преп. Максима была вызвана особым усилением севирианской пропаганды на о. Кипр, и следовательно, совпадает по времени с изданием упомянутого эдикта. Это тем более вероятно, что сам преп. Максим в одном из писем говорит, что за время своего пребывания на чужбине он со своими спутниками вел победоносную борьбу с еретиками. Поэтому можно думать, что местом пребывания преп. Максима по оставлении монастыря были именно острова – Кипр и Крит. Борьба с севирианами на этих островах – первый факт ревности преп. Максима по вере. При таком предположении будет понятно, почему в указе Ираклия Аркадию запрещалось проповедовать о двух действиях во Христе: очевидно, в полемике с севирианами преп. Максим защищал это православное положение, а вместе с ним его защищал и проповедовал и первосвяtitель Кипрский.

Переписка преп. Максима с друзьями

Как долго пробыл преп. Максим на чужбине, об этом можно заключать из того, что о мире с персами в 628 г. его письменно уведомили его придворные друзья. Все 12 лет (616-628) преп. Максим провел на чужбине вдали от родины. Может быть, на это время падает его переписка с аввой Полихронием, с Иоанном Кубикуларием, Авксентием и Стефаном пресвитером. (Может быть, Стефан был настоятелем монастыря св. Георгия, который послал преп. Максиму средства содержания). Судьбу изгнанников с преп. Максимом разделяли другие бежавшие с ним иноки и инокини, например, пресвитер Георгий и Евдокия, по-видимому, игуменья.

* Севириане – течение в миафизитстве, последователи и почитатели антиохийского патриарха Севира. Севирианство, как позднее направление среди сторонников христологии Александрийской богословской школы, принято в Коптской православной церкви. (Прим. ВС.)

Возвращение преп. Максима на родину

В 628 г. императором Ираклием после ряда блестящих побед над врагами был заключен мир: персы отказались от всех завоеваний и обещали возвратить Крест Господень. О заключении мира друзья преп. Максима – Константин сакелларий и Иоанн Кубикуларий – поспешили уведомить его письмами. С радостью принял изгнанник, томившийся по отчизне, весть о мире и ответил обоим вельможам посланиями, дословно сходными одно с другим, наставляя их, как, достигнув мира внешнего, нужно стремиться к миру духовному, к высшему нравственному совершенству. Получивши весть об окончании войны, преп. Максим и его спутники стали помышлять о возвращении. Вероятно, в том же 628 г. преп. Максим написал краткое послание к архиепископу Кизическому Иоанну, осведомляясь у него о положении дел на Востоке и прося призвать их к себе, если совершенно прошел страх пред врагами, о чем просит сообщить письменно. Получив успокоительный ответ, преп. Максим повторил свою просьбу об иноках, бывших с ним, и вместе испрашивая позволения прибыть самому. Наконец, отправивши своих друзей в Геллеспонт с рекомендательными письмами для пресвитера Георгия и Евдокии, опять просил архиепископа или снова принять его к себе, или же укрепить его своими молитвами в перенесении тяжелой разлуки с друзьями. Вероятно, просьба его была удовлетворена и он вернулся на родину (на 48 году жизни) и поселился около 628 г. в одном из монастырей, находившихся под властью Кизического архиепископа. Здесь он имел случай часто встречаться с архиепископом, и они вместе читали творения Григория Богослова, причем преп. Максим изъяснял глубокие догматические созерцания св. отца.

Путешествие в Палестину

Пребывание преп. Максима в этом монастыре не было особенно продолжительным: он скоро предпринял путешествие в Палестину. Говорить о причинах этого поступка не приходится. В то время сам царь отправлялся в Иерусалим, чтобы повторить празднество воздвижения Креста Господня – 6 марта 630 г. Вообще в это время началось усиленное паломничество христиан в град Христов, и конечно, всякий инок мог считать священной своею обязанностью и долгом посетить места, освященные страданиями Спасителя, а также побывать в монастырях, прославившихся великими подвигами палестинских иноков. Понятно, поэтому, что и преп. Максим около 630 г. решил переселиться в Палестину.

Отношение преп. Максима к св. Софронию

Там в это время проживало лицо, которому суждено было впоследствии стать во главе православной партии в борьбе с монофелитством и которого преп. Максим называл своим отцом и учителем. Это – инок Софроний, после многих путешествий (Александрия, Кипр, Константинополь, Рим) поселившийся в 619 г. в обители св. Феодосия¹⁰. Преп.

Максим скоро сошелся с ним и стал его другом и учеником: он глубоко почитал его, высоко ценил его ум и православные убеждения, восхвалял его начитанность в святоотеческой литературе и познания в божественных догматах. Они вместе проводили время в подвигах воздержания и поста и в изучении святоотеческих творений. Вероятно, в это же время в Палестине преп. Максим сошелся с Анастасием Пресвитером, известным по своим сношениям с аскалонскими монахами. Этот Анастасий стал учеником преп. Максима и вместе с другим Анастасием, «монахом», был постоянным спутником преподобного отца, как впоследствии разделил с ним и одну судьбу – преследования и мучения. [Вероятно, в Палестине же преп. Максим познакомился и с игуменом и пресвитером Кононом, которому впоследствии написал письмо.]

Судя по показаниям хроники Михаила Сирийца, преп. Максим имел более или менее продолжительное пребывание в Палестине, иначе трудно было бы объяснить ту сирийскую легенду, будто он родился в одной тивериадской деревне.

Предположения о литературной деятельности преп. Максима в Палестине

Вероятно, за время своего пребывания в Палестине преп. Максим написал письмо к неизвестному по имени епископу Кидонии, на о. Крит (Канс)¹¹, а также письмо к Марину, на которые можно смотреть как на завершение нравоучительно-аскетической литературной деятельности преп. Максима, поскольку он здесь сообщает о своем намерении не говорить и не писать более о делах благочестия. В это время преп. Максим уже начал интересоваться более специальными богословскими вопросами. Уже около этого времени около него сосредоточивался кружок иноков, которые под его руководством изучали православное богословие и святоотеческие творения. Уже в то время преп. Максим стоял во главе богословского движения в Палестине. Вероятно, по его побуждению, Феодор, пресвитер палестинский (раифский), составил около этого времени трактат в защиту подлинности сочинений Дионисия Ареопагита. Сам преп. Максим в то время по поручению Иоанна Кизического написал обширное толкование на трудные места святого Григория Богослова (*Apora eis Grigorian*).

Путешествие св. Софония и преп. Максима в Александрию.

Вопрос о причинах этого путешествия

В палестинских монастырях преп. Максим прожил до 633 г.; в этом году он вместе со св. Софонием и другими монахами был уже в Александрии и здесь защищал дело православия против «глав» Кира, папы Александрийского. Какая была цель этого путешествия, мы не знаем. Может быть, св. Софоний хотел повторить свое путешествие в Александрию и поближе познакомиться с тамошними подвижниками, что ему не удалось в первое путешествие по причине нашествия персов, или же он хотел продолжить свою борьбу с монофелитами, которые успешно пропагандировали свое учение среди египетских монахов¹²; во всяком случае, вряд ли можно согласиться с предположением Гферера, будто преп. Максим, сохранивший свои связи со двором,

узнал, что в Александрии готовится уния с монофизитами в ущерб православию, и потому специально отправился в Египет, чтобы противостоять новому учению. Преп. Максим, повествуя о своем пребывании в Александрии, вовсе не ставит в такую связь эти события и не говорит о такой цели своего путешествия в Африку, напротив, он настойчиво опровергает обвинения противников, будто св. Софроний первый начал спор о действиях во Христе и скорее представляет дело совершенной неожиданностью для св. Софрония. Святые Софроний и Максим на первых порах так мало осведомлены были о тех тайных сношениях, которые велись между Сергием и епископами по новому возбужденному им вопросу, что преп. Максим еще в 634 г. считал Сергия православным, а св. Софроний искал поддержки против Кира именно у Сергия. Живя в своем уединении иноческом, святые иноки не знали о том, что творилось в высших церковных сферах: только в Александрии их поразило страшное сообщение о замыслах Кира, сделанное самим папою Александрийским, и только впоследствии – во время упорной борьбы с монофелитами, после ознакомления с разными деяниями и известиями соборов для них выяснилась та роль, какую играли в начале этих споров представители Церквей Константинопольской и Александрийской.

Начало церковно-общественной деятельности преп. Максима; общие замечания касательно ее

Здесь впервые преп. Максим со святым Софронием выступил на защиту православной веры и начал борьбу с ересью, которая с тех пор составила призвание его жизни и продолжалась до самой смерти. Скромный авва, ученый и плодовитый писатель-аскет выступает теперь перед нами на 53 году своей жизни как церковно-общественный деятель, и с тех пор все более и более обнаруживает себя в том славном чине, в каком он главным образом и остался известным в христианском мире – как *dogmatites akribes kai theologos* *.

С этих пор преп. Максим, по своим выдающимся талантам, образованию и ревности, становится во главе православного движения, ведет неутомимую борьбу с ересью, «и подобно Афанасию Великому, своим словом и деятельностью приводит в движение Восток и Запад». С этих пор перед нами выступает как бы другой преп. Максим, муж, полный энергии, несокрушимой твердости, столько же великий в церковно-общественной деятельности, сколько велик и силен он был в иноческих подвигах. Преп. Максим теперь неутомимо ведет борьбу с ересью, следит за всеми перипетиями ее развития, отзывается на малейшие проявления церковной жизни. Впрочем, и в этой деятельности сохранился общий дух и характер преп. Максима – философа, человека науки. Если он и принужден был покинуть свое келейное уединение и выступать в роли церковно-общественного деятеля, то и в данном случае он не вмешивается в церковно-общественную жизнь, так сказать, лично, непосредственно. Он руководит деятельностью других лиц, составляет план борьбы, который исполняют другие, обращается с просьбами к разным лицам, пишет послания,

---

* Точнейший догматик и богослов. (Прим. ВС.)

трактаты, исследования; он являлся душой движения, хотя действуют главным образом другие лица. В личной деятельности преп. Максима момент научной, кабинетной работы берет перевес над моментом чистой практики. Однако при всем том, преп. Максим был главою и руководителем всего православного движения против монофелитства, и в истории догматических споров VII в. ему, бесспорно, принадлежит выдающееся место.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По словам французского путешественника Петра Жюля (ум. 1555), спокойный хрисопольский порт поражал путешественников своим величием и красотой. Название Hrisopolis производили различным образом: одни утверждали, что это место названо так потому, что персы в период своего господства свозили сюда груды золота, дань покоренных народов; другие ссылались на то, что здесь будто бы был похоронен Хрис, сын Агамемнона; предполагали, наконец, что хрисопольский порт мог быть так назван по причине своего удобства и красоты, подобно тому, как все удивительное и ценное сравнивали с золотом (Gyllius. De Bosporo Thracio. Lib. III, c. 9. Corpus historiae byzantinae, t. XXIV, Imperium Orient. Bandurii. t. I. Venetiis, 1729, p. 268).

² Черты иноческого идеала преп. Максима мы находим главным образом в его аскетических творениях. Ими мы и пользуемся в нашем сочинении – не только для характеристики понимания преп. Максимом сущности и задач иночества, но и для очерка жизни его в Хрисопольском монастыре, на том справедливом основании, что 1) преп. Максим считал своим долгом осуществлять, и действительно осуществлял идеал подвижнической жизни, который он начертал, в своей деятельности, и побуждал к тому и своих духовных чад, сами аскетические наставления его явились плодом его собственного многотрудного подвижнического опыта.

³ Уже новеллой Юстиниана (Nov. 133) монахи обязывались прилежно изучать Св. Писание (Ш. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. Стр. 516-517); впоследствии иноков заставляли заучивать изречения св. отцов. Это было вполне возможно в монастырях, которые обыкновенно владели большими библиотеками. Ср. И. Соколов. Состояние монашества в византийской Церкви с половины IX века до начала XIII века. Казань, 1894, стр. 434, 438-439.

⁴ *primas* – первая роль. По свидетельству грузинского жития, игуменство было поручено преп. Максиму царем (что вероятно, если монастырь был императорским).

⁵ Близкое знакомство преп. Максима с событиями, происходившими в Александрии и с выдающимися церковно-общественными деятелями в Палестине и в Африке, говорит за то, что он гораздо ближе стоял к жизни Египта и Палестинской церкви, чем Константинопольской. Это подтверждается и с другой стороны. В письме к сенатору Петру преп. Максим подробно рассказывает об обстоятельствах опубликования «глав» Кира, между тем, если бы после 639 г. преп. Максим воротился в Константинополь, то он, несомненно, виделся бы лично с Петром и рассказал сам обо всех этих происшествиях. Далее, если бы преп. Максим возвратился в Константинополь, то с ним, наверное, познакомился бы Пирр, игумен Хрисопольского монастыря, чего на самом деле мы не видим (см. об этом ниже).

⁶ Аввою Хрисопольского монастыря после Пирра преп. Максим не мог быть, ибо с 633 г. он жил в Африке; равным образом, не мог быть в 633-639 гг., когда это место занимал Пирр. Следовательно, аввою он был до 633 г., до своего путешествия в Египет.

⁷ По крайней мере, начиная с 633-639 гг. литературная деятельность преп. Максима принимает яркую догматико-полемическую окраску; отсюда вероятнее предположить, что аскетические сочинения написаны до того времени, когда все интересы преп. Максима сосредоточились на христологическом вопросе.

⁸ За это говорит огромное количество дошедших до нас списков.

⁹ В грузинском житии, кроме сообщения о распространении ереси, говорится еще о том, что преп. Максим долго убеждал царя и патриарха исповедовать две воли; но [они] не послушались, и тогда он покинул Константинополь.

¹⁰ Около Вифлеема, к северо-западу от лавры св. Саввы.

¹¹ Теперь Кидония – Палеокастра на северном берегу западной половины о. Крит.

¹² К. Попович. Патриарх Иерусалимский Софроний как богослов, проповедник и песнописец. Киев, 1890, стр. 9.

НИКОЛАЙ II

Дневники*

Июнь 1905 года

1-го июня. Среда.

Очень жаркий день. Имел огромный прием. Сели завтракать в 1^{1/2}. В 2^{1/2} поехали в Гатчину. Отправились на скромный пикник в Зверинце**. Стол был накрыт, и готовили блюда прямо в лесу. Во время обеда прошел крупный дождь. Гулял с Комаровым¹. Вернулись во дворец в 10 час., а в Царское в 11 час.

2-го июня. Четверг.

Жаркий душный день. Завтракали одни. Гулял. В 3^{1/2} поехали в лазарет для раненых и провели в нем два с половиною часа. Дядя Владимир² пил у нас чай. Много читал. После обеда опять приняли старого Пасхалова³, кот. просидел у нас до 12 час.

3-го июня. Пятница.

Жара продолжалась. Имел второй громадный прием – Николаевской академии генер. штаба и Военно-юридической, во главе последней был Андрей Владимирович⁴, – всего 85 чел.

Завтракали: Ольга⁵, Георгий⁶ и Петя⁷ (деж.). Гулял под дождем. Укладывался. Читал до 8 час. После обеда заехали к Гессе⁸ с Ольгой и Петей и покатались чудным вечером.

4-го июня. Суббота.

Идеальный день при 20° в тени. Утром в последний раз погулял. Имел три доклада. В 2^{1/2} покинули милое Царское. Изнывали от жары в вагоне. Обычная встреча в Петергофе улан и моряков. Приятно было увидеть море и войти в наш дом, где для нас обоих столько воспоминаний! Разобравшись, пошел погулять. Все в порядке, чисто и прибрано; зелень очень хороша, но все же не такая густая, как в Царском. Зани-

* Продолжение. Начало в №№ 15–25. Все примечания, начиная с № 25, подготовлены ВС.

** Зверинец – пейзажный парк в г. Гатчина площадью 340 гектаров, примыкающий к северной границе Дворцового парка.

мался до 7 1/2. Недолго покатался в байдарке. Обедали на балконе и совершили прогулку в коляске.

5-го июня. Троицын День.

Спал скверно из-за духоты. Жара была здоровенная. В 11 часов поехали к обедне и завтракали на Ферме*. Шел дождь до 4 час., после чего погулял. До обеда покатался в байдарке. Обедали Николаша⁹ и Андрей (деж.).

Две грозы прошли над морем; замечательно красивые были молнии и зарницы. Вечером занимался.

6-го июня. Духов День.

Поразительная жара – 23° в тени. После докладов принял на Ферме 14 человек земских и городских деятелей с бывшего в Москве недавно съезда**. Завтракали одни. Днем баловались с детьми в море, они барахтались и возились в воде. Затем в первый раз купался в море при 14 1/4° – низкая температ., но зато освежительная. Пили чай под зонтиком. Принял Алексеева¹⁰ и Танеева¹¹. После обеда сидели на балконе; опять с юго-запада шла одна гроза за другой с эффектными молниями.

7-го июня. Вторник.

Весь день простоял жаркий. Аликс¹² уехала в Царское в моторе кн. Орлова¹³ для посещения школы нянь и лазарета***. Дядя Алексей¹⁴ пришел на «Стреле» и завтракал со мною и детьми. Принял Чухнина, глав. командира Черноморского флота¹⁵. С 3 1/2 до 5 сделал отличную прогулку верхом; промок насквозь от пота и дождя. Аликс вернулась благополучно к чаю. После обеда покатались в Собственной и на Сергиевке****. Задул свежий W****, жара спала, и мы начали дышать.

8-го июня. Среда.

Чудный день – 17° в тени с умеряющим ветром. Принимал на Ферме. Дядя Владимир и Андрей завтракали у нас. Принял Куломзина¹⁶ и Линдера¹⁷. Гуляли вдвоем. После чая был доклад Булыгина¹⁸. Елена¹⁹ и Соня²⁰ обедали у нас. Вечером недолго покатались.

9-го июня. Четверг.

Утро было занятое. После двух докладов принял в Большом дворце 63 офицера Инжен. акад. и интендант. курсов. Завтракала А.Н. Нарышкина²¹, вернувшаяся из Челябинска.

---

* Фермерский дворец, или Ферма, – один из небольших дворцов Петергофа; построен при Николае I.

** Николай II принял депутацию от проходившего в Москве съезда земских и городских деятелей. Члены депутации обратились к императору с адресом, заявив о необходимости Конституции.

*** Речь идет об освящении Образцового приюта и Школы нянь государыни императрицы Александры Федоровны, открытых 28 мая 1905 года.

**** Усадьба Сергиевка на границе с Ораниенбаумом, с ландшафтным парком.

***** West – западный ветер.

В 3 часа отправились на моторе Орлова в Гатчину через Красное. Приехали в час 20 мин. Посетили дядю Мишу²². Пили чай с Мама²³ в саду. Покатались вдвоем на озере. Обедали в 8 час. В 10 ч. поехали обратно через Кипень и Ропшу* и сделали это в полтора часа. Погода была чудная.

10-го июня. Пятница.

Отличный день, но более прохладный. После докладов гр. Сельского²⁴ и Хилкова²⁵ поехал на Ферму, где принимал. Завтракали одни с детьми. Аликс ходила с ними в воде. Гулял. После обеда покатались. Вечером занимался.

11-го июня. Суббота.

Обычные три доклада. Завтракали: д. Владимир, Николай²⁶ и Сергей²⁷. Около 3 час. поехал в Ораниенбаум на моторе Орлова. Смотрел две пулеметные роты, сформированные для 22-й и 37-й пех. дивизий. Затем переехал на стрельбище Стрелк. школы, где присутствовал при стрельбе на разные дистанции и по различным целям из 16 пулеметов зараз. Показывали также стрельбу из пулем. датской системы. Простившись с обеими ротами и напутствовав их в поход, вернулся домой в 5 1/2. Обедал Дмитрий Шер[еметев]²⁸ (деж.). Сделали прогулку чудным вечером.

12-го июня. Воскресенье.

День простоял великолепный. В 10 ч. поехали на освящение новой придворной церкви около Ольгина остр[ова]**. Внутренность очень красива. К обеду приехала Мама. Служба окончилась в 12 час. Все завтракали у нас. Затем Мама вернулась со всеми в Гатчину. Долго гуляли вдвоем и даже походили в море. Обедал Николаша. Разговорился с ним до 10 3/4, после чего Аликс и я немного покатались.

13-го июня. Понедельник.

Очень теплый день с сильным ветром. Имел три доклада. Завтракал один с детьми, т.к. Аликс поехала в Царское в школу нянь и лазарет. Ездил на новой лошади завода Мити²⁹. В 5 час. Аликс вернулась тоже на моторе. Принял Горемыкина³⁰ и долго читал. После обеда покатались у Бабигона***.

14-го июня. Вторник.

Чудный день. Сегодня Марии³¹ исполнилось 6 лет. Был занят до завтрака, Аликс ездила с детьми к молебну. В 3 часа отправились в Ропшу маленьким пикником. Аликс с детьми и А.А. Олениной³² в первом автомобиле, я с Соней Ден³³ во втором с Орловым. Погуляли по всему парку, осмотрели дворец и выпили чай на террасе. Воздух

* Кипень и Ропша – деревни недалеко от Петергофа (ныне в Ломоносовском районе Ленинградской области). В Ропше Николай II любил охотиться.

** Царская фамилия присутствовала при освящении придворной церкви в Новом Петергофе во имя Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла, построенной по проекту архитектора Н.В. Султанова. Храм был освящен духовником императорской семьи протопресвитером Иоанном Янышевым. Храм сохранился до наших дней; в 1989 году возвращен Церкви и полностью освящен 9 июля 1994 г. Патриархом Алексием II.

*** Местность в «верхнем» Петергофе, на высотах «Озеркового парка».

был дивный и зелень особенно густая. Дети насладились вполне. Вернулись в Александрию* в 6 1/2 час. Читал долго. Ездил в байдарке и выкупался в море – в воде 19°. После обеда покатались вдвоем.

15-го июня. Среда.

Жаркий тихий день. Аликс и я очень долго принимали на Ферме и на целый час опоздали к завтраку. Дядя Алексей ожидал его с детьми в саду. Сделал большую прогулку в байдарке. Тетя Ольга приехала к чаю. Купался в море. После обеда покатались.

Получил ошеломляющее известие из Одессы о том, что команда пришедшего туда броненосца «Князь Потемкин-Таврический»** взбунтовалась, перебила офицеров и овладела судном, угрожая беспорядками в городе. Просто не верится!

16-го июня. Четверг.

Утром принял по этому случаю Авелана³⁴ и Чухнина, который немедленно отправляется обратно в Черное море. Завтракал и обедал Андрей (деж.). Полдня шел дождь. Поспал днем, потом погулял. Долго читал. Вечером покатались вдвоем.

17-го июня. Пятница.

Необыкновенно занятой день с 10 час. до часу и затем до 4 час. Был туман и шел дождь. Гулял. Усиленно читал до 8 час. Обедал Орлов. Немного покатались.

18-го июня. Суббота.

Простоял серый день. К завтраку приехал Миша. Принял двух предводителей Петерб. и Московского [дворянства] и затем гр. А.П. Игнатьева³⁵. Погулял с Мишей. К чаю приехала тетя Евгения³⁶. Читал усиленно до 8 ч. Обедал кн. Орлов (деж.). Покатались. Ольга и Петя заехали к нам к чаю.

19-го июня. Воскресенье.

Опять настала ясная и отличная погода. В 11 час. поехали к обедне и затем завтракали на Ферме. Погуляли вдвоем. В 4 часа поехали к тете Евгении и Алеку³⁷. Пили у них чай на балконе. Ольга, Петя (деж.) и Елена тоже были там. Занимался долго. После обеда погуляли – вечер был чудесный.

20-го июня. Понедельник.

Черт знает, что происходит в Черноморском флоте. Три дня тому назад команда «Георгия Победоносца» присоединилась к «Потемкину», но скоро опомнилась, просила командира и офицеров вернуться и, раскаявшись, выдала 67 зачинщиков. «Потемкин» очутился сегодня перед Констанцой в Румынии. На «Пруте» были тоже беспорядки, прекращенные по приходе транспорта в Севастополь. Лишь бы удалось удержаться.

* Дворцово-парковый ансамбль Петергофа, пригорода Санкт-Петербурга. Одна из резиденций российских императоров с 1830 до 1917 гг.

** 14 (27) июня 1905 года на броненосце произошло восстание матросов, отказавшихся есть борщ из протухшего мяса.

жать в повиновении остальные команды эскадры! За то надо будет крепко наказать начальников и жестоко мятежников.

После завтрака гулял и выкупался в море перед чаем. Принял Абазу³⁸. Вечером покатались. Было жарко.

21-го июня. Вторник.

Дивная погода. Принял Сахарова³⁹ в последний [раз], т.к. он покидает воен. мин-во. На его место назначается Редигер⁴⁰, а начальником генерального штаба – Палицын⁴¹.

Аликс уехала в Царское. Завтракал гр. Гейден⁴² (деж.). Принял на Ферме сен. Нарышкина⁴³, гр. Бобринского⁴⁴, Киреева⁴⁵, Павла Шереметева⁴⁶, других и нескольких крестьян с заявлениями от «Союза русских людей»* – в противовес земским и городским деятелям. Ездил верхом. Аликс вернулась в 5 ¹/₄. Принял Танеева и читал. Купался в море. Обедали в 8 ¹/₂ с Гейденом. Вечером погуляли.

22-го июня. Среда.

Отличный день при сильном теплом ветре. Принимал на Ферме до 1 ¹/₂. После завтрака, окончивши все нужное, отправились на моторе Орлова через Ропшу и Кипень в Гатчину, куда приехали в час 25 мин. Посетили д. Мишу. Пили чай и обедали в саду. Катал Аликс и Ольгу в «Дротике» – на озере. Вернулись по жел. дор. в 11 час.

23-го июня. Четверг.

Стоял отличный теплый день. Вчера «Князь Потемкин» пришел в Феодосию, а сегодня к Ялте, куда вышла эскадра, после возвращения в Севастополь с «Георгием Победоносцем». Дал бы Бог, чтобы эта тяжелая и срамная история поскорее окончилась. Принял Редигера и Палицына, потом Николашу. Он с нами завтракал. Сделал хорошую прогулку верхом. Вернулся в 5 ¹/₄ как раз с начавшимся дождем. Занимался до и после обеда, кот[орый] происходил на балконе.

24-го июня. Пятница.

День стоял ясный с сильным ветром; вода прибыла. Принял постоянных чинов нового Совета государственной обороны, председателем которого назначен Николаша. Затем на ферме приняли вдвоем 27 раненых нижн. чин., прибывших из Мариинского приюта. Завтракал Джунковский⁴⁷ (деж.). В 3 часа отправились на моторе Орлова через Ораниенбаум по шоссе мимо новой батареи на 15 версте. Погуляли на берегу моря в красивом сосновом лесу. На возвратном пути пили чай у Тинхен⁴⁸ в Китайском павильоне и осмотрели дом Петра III. Вернулись в 6 ¹/₂. Обедал Орлов-улан. Гуляли и пили чай у себя с Ольгой и Петей.

25-го июня. Суббота.

«Князь Потемкин» пришел опять в Констанцу, где команда сдалась румынским властям и перебралась на берег.

* «Союз русских людей» – национально-монархическая организация, существовавшая в Москве (1905–1911). Учредители и главные деятели – графы Павел Дмитриевич и Петр Дмитриевич Шереметевы, князя П.Н. Трубецкой и А.Г. Щербатов (1-й председатель), публицисты Н.А. Павлов и С.Ф. Шарапов.

Между докладами принял Енгальчева⁴⁹, кот. наблюдал за мобилизацией в Царскосельском уезде. Завтракал Сергей, вернувшийся из объезда крепостей.

В первый раз после долгого времени поиграли с офицерами в lawn-tennis. После чаю читал и весь вечер также занимался.

26-го июня. Воскресенье.

Серый день с сильным ветром.

Встали поздно. В 11 час. поехали к обедне и завтракали на Ферме. Дядя Владимир приехал для этого из Царского. Принял Бирилева⁵⁰ по возвращении из Владивостока. Объявил ему о предстоящем назначении его морским министром. Играли в теннис с 4 до 5¹/₂ – лучше, чем вчера. Много занимался.

27-го июня. Понедельник.

Завтракали: Андрей (деж.), Чагин⁵¹ и Дурново⁵². Интересно было слушать последних двух, т.к. они прямо из Владивостока и первые участники Цусимского боя, приехавшие сюда. Потом принял Муравьева из Рима⁵³. В 4 часа поехали в офицерское собрание Уланского полка. Провели там два с половиной часа весьма приятным образом. Ничто так меня не подбадривает, как посещение военной части, но не умею находить для этого времени! Андрей обедал с нами. Катались.

28-го июня. Вторник.

День кончины дорогого Георгия⁵⁴. В 10¹/₂ были на панихиде. Аликс поехала в Царское. Завтракали: ген.-адъют. Мейндорф⁵⁵ и Дмитрий Шер(еметев) (деж.). Долго разговаривал с первым о Мук-денских боях. Немного погулял. Обедали Костя и Елисавета⁵⁶, приехавшие из деревни. Покатались.

29-го июня. Среда.

Погода поправилась и ветер утих. После доклада имел довольно большой прием на Ферме. Завтракал Чагин (деж.). Играли хорошо в теннис. Читал много. Обедали Соня Д[ен], Орлов и Чагин. Поехали с ней втроем к Ольге и Пете, поздравить его с именинами. Застали довольно большое общество. Посидели до 11 час. и затем вернулись домой.

30-го июня. Четверг.

В 9¹/₄ отправился верхом по Ропшинскому шоссе, а Аликс в двуколке проводить улан, которые переходили в лагерь. Пропустили полк справа по три и затем вернулись домой. Завтракал Оболенский⁵⁷ (деж.). Играли в теннис. После чая принял Трепова⁵⁸, почти засидевшегося до 8 час. Обедали у Ольги и Пети. Вечером занимался.

П Р И М Е Ч А Н И Я
(ПЕРСОНАЛИИ)

¹ *Константин Виссарионович Комаров* (1832–1912) – генерал, участник Кавказских походов и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1905–1906 гг. состоял членом следственной комиссии по делу о сдаче крепости Порт-Артур японским войскам.

² *Владимир Александрович Романов* (1847–1909) – великий князь, третий сын Александра II. Президент Академии художеств (1876–1909); главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884–1905).

³ *Клавдий Никандрович Пасхалов* (1843–1924) – писатель и публицист, член Русского Собрания, почетный член Русского Монархического союза.

⁴ *Андрей Владимирович Романов* (1879–1956) – великий князь, четвертый сын великого князя Владимира Александровича, внук Александра II. В 1902 г. окончил Михайловское артиллерийское училище, флигель-адъютант (1899).

⁵ *Ольга Александровна Романова* (1882–1960) – великая княгиня, младшая дочь императора Александра III, сестра Николая II, во время описываемых событий – супруга П.А. Ольденбургского («Пети»).

⁶ *Георгий Михайлович Романов* (1863–1919) – великий князь, внук Николая I.

⁷ *Петр Александрович Ольденбургский* (Георг Фридрих Петр, 1868–1924) – герцог Ольденбургский, единственный сын князя Александра Ольденбургского и Евгении Максимилиановны, урожд. герцогини Лейхтенбергской; первый муж великой княгини Ольги Александровны, сестры Николая II.

⁸ *Петр Павлович Гессе* (1846–1905) – генерал-адъютант (1896).

⁹ *Николай Николаевич (Младший) Романов* (1856–1929) – великий князь, первый сын великого князя Николая Николаевича (Старшего), внук Николая I; генерал-адъютант (1904), генерал от кавалерии (1900).

¹⁰ *Михаил Васильевич Алексеев* (1857–1918) – военачальник. С 30 октября 1904 г. генерал-квартирмейстер 3-й Маньчжурской армии. За боевые отличия награжден Георгиевским золотым оружием (1906).

¹¹ *Александр Сергеевич Танеев* (1850–1918) – статс-секретарь, обер-гофмейстер императорского двора, камергер. В 1896–1917 гг. – главноуправляющий собственной Его Императорского Величества канцелярией. Член Государственного совета.

¹² *Александра Федоровна Романова* (при рождении принцесса Алиса Виктория Елена Луиза Беатрис Гессен-Дармштадтская, семейное имя – Аликс; 1872–1918) – императрица, супруга Николая II (с 1894).

¹³ *Владимир Николаевич Орлов* (1868–1927) – граф, помощник начальника Военно-походной Его Императорского Величества канцелярии (1901). Флигель-адъютант (1903), полковник (1904).

¹⁴ *Алексей Александрович Романов* (1850–1908) – великий князь, четвертый сын Александра II. Член Государ-

ственного совета (1881), генерал-адмирал (1883), адмирал (1888), генерал-адъютант (1880).

¹⁵ *Григорий Павлович Чухнин* (1848–1906) – вице-адмирал (1903), командующий Черноморским флотом.

¹⁶ *Анатолий Николаевич Куломзин* (1838–1923) – статс-секретарь, председатель Государственного совета. Исследователь, историк.

¹⁷ *Константин Карлович Линдер* (1836–1908) – статс-секретарь по делам Великого княжества Финляндского.

¹⁸ *Александр Григорьевич Булыгин* (1851–1919) – министр внутренних дел (январь – октябрь 1905); статс-секретарь (1913), обер-шенк Двора (1916).

¹⁹ *Елена Владимировна Романова* (1882–1957) – великая княжна, дочь великого князя Владимира Александровича, внучка Александра II. Жена греческого королевича Николая, сына короля Греции Георга I и его супруги Ольги Константиновны.

²⁰ *София Гогенцоллерн* (1870–1932) – кронпринцесса Греческая и Датская, дочь принца Прусского Фридриха (будущего императора Фридриха III), супруга греческого принца Константина, который приходился ей четвероюродным братом (оба были праправнуками Павла I).

²¹ *Александра Николаевна Нарышкина* (урожд. Чичерина; 1839–1919) – статс-дама императорского двора. Известна широкой благотворительностью – была попечительницей Екатерининского учительского института, содержала приют для арестантских детей, финансировала Александровские ясли при Ольгинском трудовом убежище и т.д.

²² *Михаил Николаевич Романов* (1832–1909) – великий князь, четвертый и последний сын Николая I; генерал-фельдмаршал (1878), генерал-фельдцейхмейстер (1852). Председатель Государственного совета (1881–1905).

²³ *Мария Федоровна Романова* (при рождении Мария-София-Фредерика-Дагмара, принцесса Датская, 1847–1928) – российская императрица, супруга Александра III, мать Николая II.

²⁴ *Граф Сельский* – председатель Государственного совета, финансового комитета и председатель Совета министров.

²⁵ *Михаил Иванович Хилков* (1834–1909) – князь, министр путей сообщения (1895–1905).

²⁶ *Николай Николаевич (Младший) Романов* (1856–1929) – великий князь, первый сын великого князя Николая Николаевича (Старшего), внук Николая I; генерал-адъютант (1904), генерал от кавалерии (1900).

²⁷ *Сергей (Сергий) Александрович Романов* (1857–1905) – великий князь, пятый сын Александра II; Московский градоначальник, генерал-губернатор.

²⁸ *Дмитрий Сергеевич Шереметев* (1869–1943) – граф, полковник Кавалергардского полка, флигель-адъютант.

²⁹ *Дмитрий Константинович Романов* (семейное имя – Митя; 1860–1919) – великий князь, сын великого князя Константина Николаевича, внук Николая I, генерал-адъютант, главноуправляющий Государственным коннозаводством.

³⁰ *Иван Логгинович Горемыкин* (1839–1917) – министр внутренних дел (1895–1899), председатель Совета министров (1906, 1914–1916).

³¹ *Мария Николаевна Романова* (1899–1918) – великая княжна, третья дочь Николая II.

³² *Анна Александровна Оленина* (1874–1953) – фрейлина.

³³ *Софья Владимировна фон Ден* (урожд. графиня Шереметева; 1883–1955) – жена Дмитрия Владимировича фон Дена, флигель-адъютанта, капитана 1 ранга.

³⁴ *Федор Карлович Авелан* (1839–1916) – генерал-адъютант (1903), адмирал (1905), управляющий Морским министерством (1903–1905).

³⁵ *Алексей Павлович Игнатъев* (1842–1906) – граф, в 1905 г. – председатель Особого совещания для пересмотра установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений и Особого совещания по делам веротерпимости.

³⁶ *Евгения Максимилиановна Романовская* (1845–1925) – светлейшая княжна, герцогиня Лейхтенбергская, в замужестве принцесса Ольденбургская.

³⁷ *Александр Петрович Ольденбургский* (1844–1932) – принц, генерал от инфантерии и генерал-адъютант свиты Его Императорского Величества (1895), сенатор, член Государственного совета (1896).

³⁸ *Алексей Михайлович Абаза* (1853–1915) – контр-адмирал (1901); в свите Его Императорского Величества с 1902 г. 13 июня 1905 г. отчислен от должности управляющего делами «Особого комитета по Дальнему Востоку» за упразднением последнего, с оставлением в свите императора.

³⁹ *Виктор Викторович Сахаров* (1848–1905) – генерал. Когда генерал-адъютант Куропаткин был поставлен во главе Маньчжурской армии, Сахаров был назначен военным министром. 21 июня 1905 г. уволен от этой должности.

⁴⁰ *Александр Федорович Редигер* (1853–1920) – генерал, участник русско-турецкой войны (1877–1878), член Государственного совета; военный министр и член Совета государственной обороны (1905–1909).

⁴¹ *Федор Федорович Палицын* (1851–1923) – генерал от инфантерии (1907), 1-й председатель Главного управления Генерального штаба (1905–1908).

⁴² *Петр Александрович Гейден* (1840–1907) – граф, член I Государственной думы.

⁴³ *Александр Алексеевич Нарышкин* (1839–1916) – член Государственного совета (1906). В совете состоял членом комиссий законодательных предположений, о старообрядческих общинах, по землеустройству и др.

⁴⁴ *Владимир Алексеевич Бобринский* (1867–1927) – политический деятель, монархист, член Думы трех созывов, один из лидеров партии умеренно-правых, лидер неославянского движения.

⁴⁵ *Александр Александрович Киреев* (1838–1910) – генерал от кавалерии.

⁴⁶ *Павел Сергеевич Шереметев* (1871–1943) – граф, государственный деятель, историк и художник. Участник русско-японской войны; состоял уполномоченным Российского Общества Красного Креста от московского дворянства.

⁴⁷ *Степан Степанович Джунковский* (1868–1926) – ротмистр лейб-гвардии Драгунского полка (1900).

⁴⁸ *Елена Мекленбург-Стрелицкая* (семейное имя – Тинхен; 1857–1936) – герцогиня, дочь Георга Мекленбург-Стрелицкого и великой княгини Екатерины Михайловны, правнучка императора Павла I, в замужестве принцесса Саксен-Альтенбургская.

⁴⁹ *Павел Николаевич Енгальчев* (1864–1944) – князь; генерал-лейтенант, генерал-адъютант.

⁵⁰ *Алексей Алексеевич Бирилев* (1844–1915) – вице-адмирал (1901). 8 мая 1905 г. был назначен командующим Тихоокеанским флотом и прибыл во Владивосток, но уже после Цусимского сражения. После реорганизации высших органов военно-морского управления и учреждения должности морского министра Высочайшим распоряжением 29 июня 1905 г. был назначен первым российским морским министром.

⁵¹ *Иван Иванович Чагин* (1860–1912) – морской офицер, капитан 2-го ранга, участник Цусимского сражения.

⁵² *Павел Петрович Дурново* (1874–1909) – морской офицер, капитан 2-го ранга, участник Цусимского сражения.

⁵³ *Николай Валерианович Муравьев* (1850–1908) – министр юстиции и генерал-прокурор (с 1 января 1894 по 14 января 1905 гг.); затем, до самой кончины, посол в Риме.

⁵⁴ *Георгий Александрович Романов* (1871–1899) – великий князь, третий сын Александра III, брат Николая II.

⁵⁵ *Феофил Егорович Мейндорф* (Мейендорф; 1838–1919) – барон, генерал-адъютант (1902). В 1904–1905 гг. принял со своим корпусом участие в войне с Японией, после сражения на реке Шахэ вернулся в Россию.

⁵⁶ *Константин Константинович Романов* (1858–1915) – великий князь, генерал-адъютант (1901), президент Академии наук (1889), литератор. *Елизавета Мавриковна Романова* (при рождении Елизавета Августа Мария Агнеса Саксен-Альтенбургская, семейное имя – Мавра; 1865–1927) – немецкая принцесса, великая княгиня, супруга великого князя Константина Константиновича.

⁵⁷ *Николай Леонидович Оболенский* (семейное имя – Котя; 1878–1960) – князь, в 1905 г. состоял в свите императора.

⁵⁸ *Дмитрий Федорович Трепов* (1855–1906) – генерал-майор (1900), генерал-майор свиты (1903), сын петербургского градоначальника генерала Трепова.

Людмила САРАСКИНА

Ссылные русские писатели в Средней Азии: Федор Достоевский, Александр Солженицын

От редакции. 28-29 февраля нынешнего года в университете «Джамия милия исламия» (Дели, Индия) прошла конференция «Русский фактор в культуре Средней Азии», в которой приняли участие литераторы, музыковеды, киноведы из Индии, России, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Вниманию читателей ВС предлагается выступление известного российского литературоведа и критика, исследователя творчества Достоевского и Солженицына, Людмилы САРАСКИНОЙ. Английский перевод доклада выйдет в материалах конференции, русский вариант любезно предоставлен автором для публикации в нашем журнале.

Средней Азией в России привычно называют Киргизию, Таджикистан, Туркмению, Узбекистан и Казахстан. Это та часть Центральной Азии, которая в XIX веке входила в состав Российской империи, а в XX веке – в состав СССР. В результате присоединения к России в Средней Азии прокладывали железные дороги, создавали предприятия для обработки сырья, добывали полезные ископаемые. Здесь было отменено рабство, прекращены межфеодалные войны. Началось серьезное всестороннее изучение географических условий и природных ресурсов. Народы Средней Азии вступили в общение с русским народом. Что это было за общение, и с какими русскими людьми сталкивалось местное население?

Часто русское присутствие в Средней Азии сравнивают с присутствием англичан в Индии. Необходимо, однако, подчеркнуть как минимум два отличия. Жители Индии не видели у себя англичан-простолюдинов. Из северной метрополии приезжали чиновники, администраторы, банкиры, фабриканты, купцы, военные, представители технической интеллигенции. Англичане не работали здесь батраками на плантациях или чернорабочими на фабриках. Это, в их представлении, дискредитировало бы систему британской колониальной политики. В тюрьмах Индии не томились уголовные преступники из Великобритании; Индия не была местом ссылки неугодных.

Политика России, кажется, не брала в расчет подобные соображения. В Среднюю Азию, как и на другие окраины империи, наряду с чиновниками, купцами и военными, приезжала и российская беднота. Нищие крестьяне из Воронежской, Харьковской, Рязанской, Владимирской и других губерний пытались купить участки земли и часто становились батраками у местных баев, разделяя участь местных же бедняков. Служба русского батрака у местного богатея ни у кого не вызывала удивления и не рассматривалась в России как подрыв внешней политики. Никто не задумывался над моральным впечатлением, которое может произвести подобная «экспансия». Приезжали в Среднюю Азию и рабочие из России – для работы на строительстве дорог, на хлопкоочистительных заводах и нефтяных промыслах.

Особую категорию русских составляли политические ссылные, осужденные за государственные и политические преступления и попадавшие в среднеазиатскую ссылку после нескольких лет каторги. Это произошло – на расстоянии ровно в сто лет – с двумя писателями: Ф.М. Достоевским в XIX веке и с А.И. Солженицыным в XX столетии. Кажется, в этом случае теория прогресса будто посмеялась над русской историей и русской литературой. Оба писателя были арестованы в сороковые годы, отбывали каторгу и ссылку в пятидесятые, даже реабилитировались «одновременно»: в 1856-м и в 1956-м, после смерти царствовавшего Николая I (1855) и правившего И.В. Сталина (1953). «Рифма» может показаться навязчивой, но таковы уж парадоксы русской жизни.

1

Итак, в 1854 году, после Омской каторги, Достоевский был направлен на службу рядовым в город Семипалатинск, расположенный по обоим берегам реки Иртыш в Восточном Казахстане. Город возник вокруг русской военной крепости, которая была построена в 1718 году в связи с указом Петра I о защите восточных земель и строительстве прииртышских укреплений. Название Семипалатной крепости происходит от семи буддистских (калмыцких) храмов, существовавших на этой территории в середине XVII века, но разрушенных в ходе частых казахско-джунгарских войн. В тот самый год, когда туда был доставлен Достоевский, Семипалатинск стал областным центром вновь организованной Семипалатинской области. Здесь квартировал 7-й Сибирский линейный батальон, где Достоевского ожидала бессрочная солдатская служба.

Из Омска, места каторги Достоевского, до Семипалатинска – 700 с лишним верст на юго-юго-восток. Ссылному полагался пеший этап. Но хлопоты омских друзей сделали благое дело: Достоевскому разрешили занять место на одной из двадцати подвод большого интендантского обоза с веревками и канатами. Дорога, как ее описывал барон А.Е. Врангель, молодой семипалатинский прокурор, который станет другом писателя, «шла прямая на юг вдоль Иртыша, голою необозримою Киргизскою степью. Нигде ни рощ, ни холмов не видно, – полное тоскливое однообразие природы. То там, то сям чернеют юрты киргизов, тянутся вереницы верблюдов, да изредка проскачет всадник»¹.

Семипалатинск оказался захолустьем, затерянным в глухой степи близ китайской границы, и мало походил на город: одноэтажные бревенчатые домики, длинные глу-

хие заборы, немощные ночные улицы без фонарей, пять-шесть тысяч жителей вместе с воинским гарнизоном. Единственное каменное здание – Знаменский православный собор. Все остальное было деревянным: семь мечетей; большой меновой двор, куда сходились караваны верблюдов и вьючных лошадей; казармы, казенный госпиталь, уездная школа, аптека, магазин галантерейных и хозяйственных мелочей. Книг нельзя было купить нигде – обыватели читали мало, подписчиков газет на весь город было едва ли больше десяти-пятнадцати, и к ним раз в неделю, когда прибывала почта, приходили знакомые, чтобы узнать о событиях в Крыму. Но и обстоятельствами Крымской войны, далекой от Сибири, здесь интересовались мало. Развлечений, кроме карт и сплетен, в городе не было никаких; библиотеки тоже не было; фортепиано имелось одно на весь город. Линейный батальон располагался, как и все военные здания, включая гауптвахту и тюрьму, между казацкой и татарской слободами, в русской части города, где не росло ни деревца, ни кустика и был один сыпучий песок, поросший колючками.

Свой город местные жители называли «Семипроклятинском»...

Для Достоевского Россия начиналась к западу от Уральского хребта, а здесь была Сибирь, место ссылки. Азиатский колорит города интересовал его, кажется, в последнюю очередь. Его общение ограничивалось сослуживцами по казарме, офицерами, чиновниками, в чьих семейных домах он изредка бывал, русскими знакомыми. Трудно сказать, был ли он знаком с кем-нибудь из семипалатинцев-азиатов, – 60 его писем, написанных из Семипалатинска за пять лет пребывания там, не упоминают ни имен, ни названий, ни даже черточек быта: менее всего Достоевский чувствовал себя здесь этнографом, географом, краеведом. Вот единственное его описание Семипалатинска: «Климат здесь довольно здоров, – пишет он брату Михаилу Михайловичу по приезде на место. – Здесь уже начало киргизской степи. Город довольно большой и людный. Азиатов множество (казахи, киргизы, уйгуры, узбеки кажутся ему на одно лицо. – Л.С.). Степь открытая. Лето длинное и горячее, зима короче, чем в Тобольске и в Омске, но суровая. Растительности решительно никакой, ни деревца – чистая степь. В нескольких верстах от города бор, на многие десятки, а может быть, и сотни верст. Здесь всё ель, сосна да ветла, других деревьев нету. Дичи тьма. Порядочно торгуют, но европейские предметы так дороги, что приступить нет. Когда-нибудь я напишу тебе о Семипалатинске подробнее. Это стоит того»².

Однако обещания своего Достоевский так никогда и не выполнит и о Семипалатинске ничего больше не напишет. Детали местного колорита, кроме упоминаний о киргизских юртах на берегу Иртыша, единичны: татары-извозчики; китайцы, которые сожгли русскую факторию в Чугучаке – пограничном с Казахстаном городе, – а русский консул спасся бегством; краткое упоминание торговли («Здесь 150 купцов, но торговля азиатская. Европейским товаром, то есть панским, торгуют купца три, четыре. Привезут брак московских фабрик и продают за цену невероятную...»³). Совершенно очевидно, что у Достоевского не было желания «великодушно узнавать край», какое было у барона Врангеля, которого потянула сюда страсть к наукам, к естественной истории, к путешествиям и охоте. Но Александр Егорович прибыл на службу добровольно, а для каторжанина Достоевского это была неволя, потому его обуревали совсем другие страсти и переживания, так что он остался очень далек от «азиатчины».

Солдатская жизнь его была жизнью бедняка среди бедняков. Около трех месяцев Достоевский жил в казарме, потом ему разрешили перебраться на частную квартиру – в комнату у русской солдатской вдовы, в древней бревенчатой избе, скривившейся на один бок, без фундамента, вросшей в землю, и без единого окна наружу. Комната, в которой жил Достоевский, была чрезвычайно низкая и темная; из убранства – постель, простой дощатый ящик вместо комода, за ситцевой перегородкой, и стол. Повсюду стаями бегали тараканы, а летом не давали покоя блохи. Но после каторжного острога и нар в солдатской казарме это была свобода, и он радовался уединению, блаженной возможности читать, писать и думать.

2

И все же яркие азиатские впечатления не миновали Достоевского: судьба подарит ему замечательное знакомство в лице Чокана Валиханова (1835–1865), казаха, которому суждено будет стать выдающимся историком, этнографом и фольклористом, офицером генерального штаба Российской армии, лихим разведчиком. По заданию Генштаба под видом простого купца Чокан Валиханов совершит путешествие с торговым караваном в неизвестный тогда русской и европейской науке Кашгар. Открытия, сделанные им, поставят молодого поручика в один ряд с самыми знаменитыми географами мира. Валиханов создаст первоклассные труды по географии, истории, этнографии, экономике, социологии Казахстана, сделает записи казахского фольклора, откроет для науки киргизский эпос «Манас» и станет первым художником своего народа.

Первыми учителями рисования у мальчика-казаха были русские военные топографы, подолгу жившие в крепости Кушмурун, резиденции султана Чингиса, отца Чокана. Ему нравилось смотреть, как они вычерчивают тушью дороги, реки, планы крепостей, штрихуют склоны гор, помечают расположение колодцев. Топографы заметили смышленного ребенка и вполне квалифицированно обучали его своей науке. Отец одобрил увлечение сына и стал брать его с собой на археологические раскопки, и там мальчик рисовал древнюю утварь, оружие, украшения, потом юрты, верблюдов, людей.

Прожив детские годы в русской крепости, общаясь с русскими гостями отца и с военными топографами, Чокан, имевший огромные способности к языкам, к двенадцати годам хорошо изъяснялся по-русски, так что смог поступить в Сибирский кадетский корпус, расположенный в Омске. По качеству учебной подготовки это был для азиатской части России свой Царскосельский лицей. Всесторонне образованный инспектор корпуса И.В. Ждан-Пушкин, историк Гонсевский, географ Старков, учитель рисования Померанцев, учитель словесности Костылецкий благотворно повлияли на юношу. Ему открылись имена Пушкина и Низами, Гоголя и Фирдоуси. Летом на каникулах он собирал казахские песни и легенды, глубже постигал язык, на котором говорил с младенчества. И рядом с родной речью жил в его сознании русский литературный язык, на котором он говорил без ошибок и акцента. Валиханов стал блестящим учеником русской литературы, которая научила юного казаха чувствовать живую жизнь языка так, как ее чувствует природный русский человек.

В Омском кадетском корпусе Валиханов подружился с Григорием Потаниным, будущим географом, этнографом, ботаником, фольклористом, публицистом. Подрост-

ки мечтали посвятить свою жизнь путешествиям в глубины Азии и добраться до озера Кукунор – самого большого горного соленого озера Центральной Азии, которое китайцы называли «синее море». Они строили планы поехать в Петербург, в университет.

Планы эти сбылись: Чокан поступит на восточный факультет, Григорий – на естественное отделение. Вдвоем они составят единого идеального путешественника. Чокан будет заниматься филологией восточных племен, Григорий – собирать коллекцию для Петербургского ботанического сада и для Зоологического музея Академии наук...

С Достоевским Валиханов познакомился в трудное для писателя время, когда тот только что вышел из Омского острога, гостил в доме дочери декабриста И.А. Анненкова Ольги Ивановны и ждал отправки в Семипалатинск, в бессрочную солдатскую службу. Валиханову было тогда всего девятнадцать лет, он успел окончить учебу, поступить в Сибирское линейное казачье войско и был назначен адъютантом командира Отдельного сибирского корпуса Г.Х. Гасфорта. Валиханову досталась и обязанность историографа Западной Сибири. Он получил доступ в одно из ценнейших хранилищ тайн русской политики в Азии – в Омский архив. Русский военный мундир Валиханов, как и многие другие исследователи новых земель, будет с честью носить всю свою короткую жизнь.

Служа адъютантом у генерал-губернатора, Чокан продолжал изучать историю, географию и экономику Киргизской степи и соседних стран. Молодой адъютант Валиханов к тому же нес бремя султанского рода. В 1854 году подполковник Чингис Валиханов, отец Чокана, получил должность советника Пограничного управления и перебрался на жительство в Омск. Чингис Валиханов и Муса Чорманов (дядя Чокана) стали советниками русского начальства по всем вопросам, касавшимся Степи.

Во время службы Чокана Валиханова адъютантом и произошло его знакомство с Достоевским. Это знакомство перешло в тесную дружбу: они неоднократно будут встречаться в Семипалатинске. Осенью 1855 года Валиханову исполнилось двадцать лет. Благодаря ходатайству Гасфорта он был произведен в поручики. Чокан был лучше, чем многие другие русские и европейские путешественники по Азии, подготовлен для исследования политического и социального устройства азиатских государств. Будучи уроженцем Азии, он свободно чувствовал себя там, куда другие никогда бы не получили доступа. Знание многих восточных языков и полученное им еще до корпуса домашнее образование делали для него близким и понятным духовный мир человека Азии. Его художественные зарисовки как бы продолжали записи. Из топографических работ Валиханова позже сложились точные карты, которыми могла пользоваться русская и европейская наука.

По возвращении Валиханова в Семипалатинск произошла его встреча с Петром Петровичем Семеновым (Тян-Шанским), будущим знаменитым исследователем Азии. Во время этой встречи Чокан как раз и предложил свой план: с торговым караваном под видом купца отправиться в недоступный Кашгар. В своих воспоминаниях Семенов скажет, что именно он дал совет генералу Гасфорту послать поручика Валиханова в разведку в Кашгар. А Валиханов уже работал над материалами, привезенными из экспедиции на Иссык-Куль, и начал очерки о киргизах: об истории народа-брата, о делении

на роды, о нравах и обычаях киргизов, о преданиях, легендах, песнях и сказках, передаваемых из поколения в поколение. К тому времени поручик Валиханов стал действительным членом Императорского Русского географического общества – его приняли на общем собрании 21 февраля 1857 года по рекомендации Семенова, написанной после встречи в Семипалатинске. Казах Валиханов стал первым среди русских путешественников, кого благословил на научный подвиг П.П. Семенов-Тянь-Шанский.

3

Но было еще одно сердечное благословение.

Цитирую одно из писем Достоевского Валиханову от 14 декабря 1856 года, – это ответ на письмо Чокана из Омска, в котором молодой офицер просит у ссылного солдата совета, какой дорогой ему идти дальше, остаться ли в Омске, где свирепствуют сплетни и интриги, или уехать прочь. «Вы пишете так приветливо и ласково, что я как будто увидел Вас снова перед собою. Вы пишете мне, что меня любите. А я Вам объявляю без церемонии, что я в Вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения как к Вам, и Бог знает как это сделалось. Тут бы можно много сказать в объяснение, но чего Вас хвалить! Вы, верно, и без доказательств верите моей искренности, дорогой мой Вали-хан, да если б на эту тему написать 10 книг, то ничего не напишешь: чувство и влечение дело необъяснимое...»⁴.

Достоевский делится с Валихановым сокровенными подробностями своей поездки в Кузнецк, к М.Д. Исаевой, своей будущей жене. «Я много говорил о Вас одной даме, женщине умной, милой, с душою и сердцем, которая лучший друг мой. Я говорил ей о Вас так много, что она полюбила Вас, никогда не видя, с моих слов, объясняя мне, что я изобразил Вас самыми яркими красками... Вы спрашиваете совета: как поступить Вам с Вашей службой и вообще с обстоятельствами. По-моему, вот что: не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните, мы об этом говорили). Всего лучше, если б Вам удалось написать нечто вроде своих “Записок” о степном быте, Вашем возрасте там и т. д. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех... На Вас обратили бы внимание и в Омске и в Петербурге. Материалами, которые у Вас есть, Вы бы заинтересовали собою Географическое общество. Одним словом, и в Омске на Вас смотрели бы иначе. Тогда бы Вы могли заинтересовать даже родных Ваших *возможностью новой дороги для Вас...* Лет через 7, 8 Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Например: не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине *просвещенным* ходатайством за нее у русских. вспомните, что Вы первый киргиз – *образованный по-европейски вполне*. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу и сердце... Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданиями о судьбе Вашей, мой дорогой Вали-хан. Я так Вас люблю, что мечтал о Вас и о судьбе Вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу Вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что Вы *первый* из Вашего племени, достигший образования европейского. Уж один этот случай порази-

телен, и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности. Трудно решить: какой сделать Вам первый шаг. Но вот еще один совет (вообще) – менее загадывайте и мечтайте и больше делайте: хоть с чего-нибудь да начните, хоть что-нибудь да сделайте для расширения карьеры своей...»⁵.

В судьбе Чокана Валиханова все произошло как по-писаному.

Прибыв в Петербург после путешествия в Кашгар, Валиханов ощутил себя представителем не только Степи, но и всей Азии. Он видел, что русская культура вполне осознает свое духовное родство с Востоком. Именно в Петербурге он менее всего чувствовал себя инородцем. Здесь оценили его заслуги по достоинству. «В воздаяние отлично-усердной и ревностной службы состоящего по армейской кавалерии поручика султана Чокана Валиханова, оказанной им при исполнении возложенного на него осмотра некоторых из пограничных среднеазиатских владений, сопряженного с усиленными трудами, лишениями и опасностями...» – он был произведен в штабс-ротмистры и награжден орденом Святого Владимира.

В 1860-х годах Валиханов и Достоевский вновь встречаются в Петербурге. Ссылка писателя окончена, ему возвращены гражданские права и разрешено проживать в столице империи. Валиханов становится членом литературного кружка братьев Достоевских. О нем как о человеке большой душевной чистоты, обаятельного простодушия, глубокого ума, безграничной фантазии Достоевский писал в 1859 году своему другу барону Врангелю: «Валиханов премилый и презамечательный человек. Он член Географического общества... Я его очень люблю и очень им интересуюсь»⁶.

4 мая 1860 года в аудитории Русского географического общества Чокан Чингисович Валиханов сделал сообщение о своем путешествии в Кашгар. Его слушали географы, этнографы, естественники, историки, востоковеды. Среди слушателей находились Достоевский и друзья Валиханова – Потанин и Ядринцев, сибирский публицист, писатель и общественный деятель.

Сообщение легло в основу его «Очерков Джунгарии», опубликованных в «Записках Русского географического общества» в начале 1861 года. Там же были помещены рисунки автора, а также подготовленная им карта. За штабс-ротмистром Валихановым упрочилась слава отважного путешественника, открывшего европейской науке тайны Средней Азии. Он вошел в круг помощников П.П. Семенова, участвовал в подготовке карт Средней Азии и Туркестана.

В марте 1860 года на заседании Литературного фонда Достоевский выступил с предложением принять Валиханова в члены «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». Они переписывались, когда Валиханов уехал из Петербурга в Степь. Оттуда он писал Достоевскому, что готов сделаться султаном, чтобы принести пользу соотечественникам, защитить их от произвола чиновников и деспотизма богатых киргизов. Валиханов просил Достоевского дать этому обстоятельству больше гласности, рассказать о событиях в Степи всем друзьям и знакомым, чтобы известие разошлось по городу. Валиханов интересовался почвенничеством, пытался разобраться в сути того направления, которое избрали братья Достоевские для журнала «Время».

Достоевский помнил Валиханова, умершего молодым от злой чахотки, долгие годы. Обаятельный образ талантливого казаха был в памяти Достоевского, когда он думал

о центральном персонаже своего романа «Подросток» Андрее Версилове. В записях к «Подростку» есть примечательная строчка: «Страшное простодушие, Валиханов, обаяние»⁷.

Валиханов не был забыт в России. В 1904 году вышли в свет его «Сочинения» под редакцией востоковеда профессора Н.И. Веселовского и с его предисловием: «Как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения потомок киргизских ханов и в то же время офицер русской армии Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов, но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд»⁸.

И все же он успел исполнить пророчество Достоевского – объяснить многоязыкой России, что такое Степь и ее кочевой народ, открыть всему миру жизнь казахов, их прошлое, их настоящее, их мечты о будущем...

В Семипалатинске около Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского в 1977 году был установлен парный бронзовый памятник «Ч. Валиханов и Ф.М. Достоевский» работы скульптора Д.Т. Элкабидзе. В 1934 году в городе был создан Русский театр драмы имени Ф.М. Достоевского.

Подчеркивая близость русского и казахского народов, Валиханов писал: «Мы... связаны с русскими историческим и даже кровным родством»⁹. Он размышлял о судьбах миллионов людей – казахов, «которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно...»¹⁰. Народы Средней Азии видели в русских не только царских сатрапов, не только чиновников-взяточников, но могли близко познакомиться с представителями культурной России, деятельность которых способствовала укреплению взаимопонимания между народами империи.

4

Ровно через сто лет картина повторилась. Снова арест, снова тюрьма, каторга, ссылка. Только речь идет уже о другом писателе – А.И. Солженицыне, обвиненном в государственном преступлении: слишком откровенные мысли содержались в его письмах к университетскому приятелю, который воевал на соседнем фронте.

Теперь карта СССР вся покрыта лагпунктами разных категорий, и Средняя Азия отнюдь не исключение. Режим ссылки жестче, сроки длиннее, отношение к ссылному лишено всякого либерализма.

После восьми лет тюрем и лагерей (последнее место заключения был Экибастузский каторжный лагерь в Северном Казахстане) А.И. Солженицына направляют в ссылку. Куда его везут, он не знал до конца этапа. Местом ссылки поначалу определили город Джамбул, областной центр на юге Казахстана, возле границы с Киргизией. Однако знакомство с древнейшим городом Семиречья, одним из пунктов северной ветви Великого Шелкового пути, началось совсем не с памятников средневековья, а с местной тюрьмы. Именно здесь Солженицын получил новый приговор, узнав, что ему предстоит ссылка *навечно* в Коктерекский район Джамбульской области под гласный надзор районного МГБ. В случае самовольного отъезда за пределы района он будет осужден на новый срок – двадцать лет каторжных работ.

Кок-Терек («зеленый тополь») оказался аулом с саманными мазанками; здесь был раймаг, чайная, амбулатория, почта, райисполком и райком, дом культуры и школадесятилетка. Первый день ссылки пришелся на 5 марта 1953 года – день смерти Сталина. Солженицын увидел на центральной площади аула, где на фонаре висело радио, скорбные лица, рыдающих учительниц, услышал их слова: «Как теперь жить...» Его охватила жалость, смешанная с презрением, к бессмысленной Азии, к обманутым простолюдинам, скорбящим по рябому тирану, будто это погиб сам Великий Могол. Солженицын же чувствовал только огромную ненависть к диктатору («единственный, кого я ненавидел»¹¹, – напишет он тогда же в стихотворении «Пятое марта»), ускользнувшему от русской мести. И вот судьба посылает вместо суда над тираном – глубокий траур, и страна рыдает в беспамятстве...

Брать на работу в школу политического ссылного, даже и с высшим математическим образованием, местные власти боялись, так что месяц он был безработным. И все же взяли. День, когда Солженицын, преподаватель математики и физики средней школы им. Кирова села Берлик (советское название Кок-Терека, в честь колхозной системы, означающее «объединение»), вошел в класс и взял в руки мел, стал для него истинным днем освобождения, возвратом гражданства.

Счастье – состояние заразительное. Несомненно, оно передавалось тем, кого он учил. Дети из ссылных семей (немцы, украинцы, корейцы, греки), сознававшие свое угнетенное положение, жадно учились – это был их единственный шанс выйти в люди, получить образование и профессию. Дети-казахи, не избалованные науками, тоже впивались в учение. Солженицын вспоминал: «При таком ребячьем восприятии я в Кок-Тереке захлебнулся преподаванием и три года (а может быть, много бы еще лет) был счастлив даже им одним. Мне не хватало часов расписания, чтоб исправить и восполнить недоданное им раньше, я назначал им вечерние дополнительные занятия, кружки, полевые занятия, астрономические наблюдения, – и они являлись с такой дружностью и азартом, как не ходили в кино. Мне дали и классное руководство, да ещё в чисто казахском классе, но и оно мне почти нравилось»¹².

Через пятьдесят шесть лет ученик этого класса Б. Скоков вспомнит своего классного руководителя и пришлет ему письмо-отчет о себе и одноклассниках, окончивших в 1955 году школу им. Кирова. «Помню чисто бритое Ваше лицо, мягкие падающие волосы, Вашу бодрую походку... Я учился у Вас три года, прошли мы с Вами все фундаментальные предметы, все 300 задач из учебника Худобина. Мне, Вашему ученику, который получал тройки и четверки по математике, удалось получить отличные оценки при поступлении в Новосибирский институт торговли и с отличием его окончить. Ваш труд, затраченный на нас, не пропал даром, и мы до сих пор вспоминаем Вас с благодарностью. Я больше не встречал ни в учебе, ни в жизни человека более честного, трудолюбивого, знающего все на свете. Я помню Ваши слова на выпускном вечере, когда мы восхищались Вашим знанием математики, тогда Вы сказали: “Ребята, я знаю лучше русский язык и литературу”. Мы убедились в этом, когда вышла в свет книга “Один день Ивана Денисовича”... После этого я был свидетелем всей Вашей дальнейшей жизни... Весь казахстанский народ, казахи, Ваши ученики Вас помнят, ценят и уважают»¹³.

«У Александра Исаевича, – вспоминает другой его ученик, С. Кожаназар, ставший учителем математики, – была исключительно своеобразная манера ведения урока:

чистейшая русская речь и разносторонняя эрудиция держали нас под гипнозом этого сложного предмета. Широким шагом он устремлялся к столу, принимал стойку “смирно” и произносил: “Здорово, орлы!”. Я шел по его стопам, учил детей заниматься самовоспитанием. Уроки Солженицына стали для меня стандартом мастерства. Если мой Учитель озабочен судьбой своей страны, то я работаю над национальной идеей консолидации народов Казахстана. Почти полвека Александр Исаевич, как маяк в океане, помогает мне плыть по морям жизни¹⁴ (2004).

А сам учитель, упоенный счастьем дышать школьным воздухом, напишет спустя годы: «Всё светлое было ограничено классными дверьми и звонком»¹⁵. За порогом класса, в учительской, в кабинетах начальства царила привычная тягомотина: ссылные педагоги (здесь их было немало) трепетали перед директором и инспекторами района, а те требовали повышения успеваемости; оценки завышались, неучи-выпускники «за барана» попадали в вузы и неучами же возвращались обратно. Школа таила немало ловушек, облагала поборами и повинностями. На каждом шагу творилось беззаконие, идущее об руку с невежеством; машина «скорой помощи» развозила по квартирам начальства муку и сливочное масло; партиец-экстерник мог явиться к учителю ночью со шкуркой каракуля – гонорар за желанную тройку на экзамене. «Только при справедливых оценках могли у меня ребята учиться охотно, и я ставил их, не считаясь с секретарями райкома»¹⁶, – писал Солженицын. И только твердость человека, сумевшего себя поставить, давала шанс продержаться.

5

Он – продержался. Не имея паспорта, жилья, имущества, свободы передвижения (ссылка замыкала круг в 50 километров), родных, любимой женщины рядом, он писал о счастье: «Никогда я, кажется, так хорошо не жил»¹⁷. «Он сразу покорял своим внутренним обаянием, эрудированностью, всесторонней образованностью, и особенно в литературе, что меня всегда изумляло, – пишет Т.Д. Лызлова, попавшая в Коктерекскую школу в 1952 году, после Ярославского педагогического училища. – Все дети в нашей школе были влюблены в математику и в Солженицына. Дети не очень хорошо владели русским языком. И вот им преподают математику на русском. И как! И они великолепно ее усваивают. И легко пишут всякие замысловатые формулы, и бегают стайкой за своим учителем, который ходит по поселку в поношенных ботинках и таких же поношенных брюках. И никто не обращает внимания, что у него всего, почитай, две рубашки, одна в желтую полосочку, другая – белая, единственная белая, с прохудившимся воротником, который некому заштопать... Он для нас был одинокий мужчина, очень притягательный. И девушки им увлекались. Он не хотел жить “впрохолость”. Но что он мог предложить будущей жене?.. Он жил по закону, который сам сотворил для себя в то время: “Сердце сжать... И ничего не ждать от будущего – лучшего... Вечно – так вечно...”»¹⁸ (1994).

Работа увлекала; он наверстывал то, что было оборвано войной, и сознавал, что преподавание – его родная стихия. Вел в двух десятых и в двух девярых классах математику, физику, астрономию, имел свыше 30 часов в неделю, почти две ставки. Школа отнимала весь день, оставляя для писательства вечер и ночь.

В ссылке он тяжело заболел – дала знать о себе старая опухоль, удаленная в лагерьной больничке в Экибастузе. Но ссылка его и спасла. Местный доктор, грек Антаки, обнаружив у больного метастазы, решительно порекомендовал ехать в Ташкент: там опытные врачи и эффективные методики. Антаки подсказал еще одну идею – ехать на север Киргизии, в областной город Талас, оттуда в село Иваново-Алексеевское, к старику Кременцову, поселенцу столыпинского времени, за исык-кульским корнем. В областной комендатуре дали разрешение. Александр Исаевич съездил и вернулся с большой порцией сухого корня. И даже раздобыл готовую настойку у другого старика, заведующего партийной больницей в Джамбуле.

«Я пошел к нему рано-рано утром на прием, хотел уточнить, как настаивать корень, а он согласился дать мне, по моей просьбе, готовую настойку. Я сказал ему, что мне обязательно нужно еще немножко пожить, хоть пару месяцев. “Зачем?” – спрашивает старик. Я говорю: “У меня будет научная работа по языку”¹⁹.

Оба старика, давшие больному ядовитое и опасное снадобье и само дикое корневище, похожее на женьшень, но совсем не женьшень, по всей видимости, спасли его.

В Ташкенте его поместили в онкологическую клинику. Много лет спустя о тех днях вспоминала Ирина Емельяновна Мейке, врач, которая будет лечить Солженицына: «В одно из дежурств медицинская сестра мне сказала, что поступил тяжелый больной и лежит он, как все наши больные, которым негде было остановиться. А очереди ждали под дождем, где угодно. Вечером они собирались в маленьком вестибюльчике. И там ночевали на полу или на скамейках – послевоенное время, убожество сплошное. Я вышла как дежурный врач посмотреть, какие у меня там больные еще не зачисленные в наше отделение, и увидела этого тяжелого больного, о котором мне говорили. Это был относительно молодой человек (тридцати пяти лет – это потом я узнала). Высокого роста. В такой заплатанной шинельке, рюкзачок какой-то маленький, военный, весь тоже заплатанный. Ну, и свернувшись, он лежал на полу. Шел сильный дождь, он весь промок. И мне как-то захотелось улучшить его положение. Скамейки все заняты, а в нашем рентгеновском коридоре, который был закрыт для посторонних, тоже были скамейки. Я распорядилась, чтобы его туда поместили и дали какой-то матрасик из нашего отделения. Он мне показал документ, что он ссылный, приехал из Казахстана и находится под наблюдением МГБ. И вот этот МГБ ему дал разрешение только на 24 часа, хотя дорога длинная. Поэтому он сказал: “Я никуда не уйду, что хотите со мной, то и делайте”. А у него боли были сильные – живот был “нафарширован” опухольями, и конечно, он был тяжелый»²⁰.

История болезни, тяготы лечения в тринадцатом корпусе ташкентского онкологического диспансера и чудо исцеления преобразятся в рассказ «Правая кисть» и повесть «Раковый корпус», через шесть и одиннадцать лет. Но замысел повести вспыхнет еще летом 1954-го, в Ташкенте, когда Солженицын проходил повторный курс лечения, уже с надеждой на жизнь, понимая, что воскресает и выздоравливает. А ведь начиналось лечение, из-за большой запущенности процесса, крайне трудно. «Большая плотная опухоль в брюшной полости, резко болезненная при пальпации» не оставляла сомнений в диагнозе: метастазы в лимфоузлы брюшины после операции семиномы. Больному назначили лучевую терапию на рентгеновском аппарате, выделив (при тщательном укрытии здоровых участков просвинцованной резиной) не-

сколько полей облучения: послеоперационный рубец, средостение, брюшную и поясничную области, а также участок под левой ключицей.

Выписка из истории болезни: «Больной получил общеукрепляющее лечение, дополнительное питание, гемотрансфузию и химиотерапию (эмбихин). Опухоль чувствительна к рентгеновскому облучению и быстро уменьшилась в размере. При повторном поступлении опухоль почти не прощупывалась. Лечение оказало хороший непосредственный и отличный отдаленный результат. Реакция опухоли на облучение подтверждала диагноз метастаз семиномы. Рецидива метастазов не было. Облучение больного Солженицына было строго локальным, без повреждений участков кожи, тем более прилегающих к ним»²¹.

Лаконичная медицинская выписка не могла, конечно, отразить ни ночных страхов, ни тягостных мыслей, ни головокружения, ни тяжелой тошноты от двух ежедневных двадцатиминутных сеансов рентгена, при которой можно было лежать только в одном положении – навзничь, без подушки, приподняв ноги и низко опустив, свесив голову с койки. От тошноты помогали огурцы и квашеная капуста, да где ж их было взять? Больного не навещали, передач не носили: лишь сам, когда мог, пробирался на ташкентский базар в подпоясанном больничном халате и покупал соленья. «Мне выздоравливать было почти что и не для чего; у тридцатипятилетнего, у меня не было во всем мире никого родного в ту весну. Еще не было у меня – паспорта, и если б я теперь выздоровел, то надо было мне покинуть эту зелень, эту многоплодную сторону – и возвращаться к себе в пустыню, куда я был сослан *навечно*, под гласный надзор, с отметками каждые две недели, и откуда комендатура долго не удабривалась меня и умирающего выпустить на лечение»²².

Но украдкой от врачей он продолжал лечиться секретным средством – настойкой из иссык-кульского корня, к которому официальные доктора относились как к темному суеверию и игре со смертью. «Что-то есть благородное в лечении сильным ядом: яд не притворяется невинным лекарством и говорит: я – яд! берегись! или – или!» К корню добавил чагу, спорил с докторами (те никак не хотели разъяснить больному свои методики), отказывался от гормонального лечения, подозревая, что повышенными дозами рентгена врачи просто перестраховываются. «Он трудно принимал лечение, – вспоминала И.Е. Мейке, – он нас измучивал тем, что не хочет больше лечиться. И всё, что я могла, я действительно для него делала. Выписывала дополнительное питание – сливочное масло, молоко... И это ему как-то помогало, да и сам процесс лечения шел успешно»²³.

Уже через три-четыре дня после рентгенотерапии боли прекратились, опухоль помягчала, перестала давить. А после двенадцати сеансов – больной вернулся к жизни и хорошему настроению, ел, ходил, писал вдохновенные письма в Кок-Терек, ссылному доктору Н.И. Зубову, своему другу. Бросил курить после одиннадцати лет курения, теперь уже как будто совсем и навсегда. Весна 1954 года дала основание воскликнуть: «отвалилась болезнь»²⁴. «Я был жалок. Исхудалое лицо мое несло на себе пережитое – морщины лагерной вынужденной угрюмости, пепельную мертвизну задубенелой кожи, недавнее отравление ядами болезни и ядами лекарств, от чего к цветку щек добавилась еще и зелень. От охранительной привычки подчиняться и прятаться спина моя была пригорблена. Полосатая шутовская курточка едва доходила

мне до живота, полосатые брюки кончались выше щиколоток, из тупоносых лагерных кирзовых ботинок вывешивались уголки портянок, коричневых от времени»²⁵.

Таким казался себе Солженицын той памятной весной, но эта видимость не имела никакого отношения к сущности вещей. Ощущение вернувшейся жизни, с которой он почти что простился, было ослепительным. И хотя эта жизнь не сулила общепонятных благ, имелись иные ни с чем не сравнимые радости: «право переступить по земле, не ожидая команды; право побыть одному; право смотреть на звезды, не заслепленные фонарями зоны; право тушить на ночь свет и спать в темноте; право бросать письма в почтовый ящик; право отдыхать в воскресенье, право купаться в реке... Да много, много еще было таких прав. Право разговаривать с женщинами. Все эти неисчислимы права возвращало ему выздоровление»²⁶.

Благодаря чудесному излечению Солженицын будет неоднократно повторять: моя Прекрасная Ссылка. Эпоха Прекрасной Ссылки – это два года после выздоровления, когда ссылный пребывал в блаженном, приподнятом настроении. Он испытывал постоянное счастье от уроков и учеников, от своего писания (пусть по часу в день), от того, что весь 1955 год писал «Круг первый», роман о Марфинской шарашке; от домика, арыка за калиткой, свежего степного ветерка; от спанья на воздухе; от приемника с короткими волнами, купленного ради музыки и вольного слова.

6

Солженицын оставил память о себе даже у местного начальства.

В характеристике, составленной заведующим районо, отмечались большие педагогические способности Солженицына, умеющего «увлечь учащихся своим предметом и добиться у них прочных знаний»; подчеркивалось его успешное руководство районным методическим объединением и школьным кружком прикладной математики и геодезии; положительно говорилось о выступлениях педагога на областных педагогических чтениях в Джамбуле и в школьном лектории – на темы о строении Вселенной, строении атомного ядра, ядерных реакторах, искусственных радиоактивных изотопах.

Через два месяца после XX съезда, в апреле 1956-го, ссылка для осужденных по 58-й статье была упразднена. *Вечность* Коктерекского сидения продлилась, таким образом, три года. Солженицын получил справку о том, что освобождается от дальнейшего отбытия ссылки со снятием судимости и как полноправный гражданин СССР имеет право получить паспорт. Снятие ссылки и судимости означало, что государство простило бывшего заключенного, и теперь ему предстояло настаивать на реабилитации, то есть на своей изначальной невинности.

«Как хорошо казалось нам наше ссылное место, пока было неизбежно-безвыходным, уж как мы его полюбили! и как потоскливело оно, когда появился дар свободы, и все уезжали, уезжали»²⁷.

Спустя год он напишет про свою ссылку тепло и благодарно: «Кок-Терек, который только тем и был для меня хорош, что не существовал, пока я там жил, – сейчас становится для меня симпатичным сам по себе и – главная ирония – лишь постольку, поскольку я там не остался. Три года, прожитые там, становятся в моей жизни какими-то уникальными и милыми».

Еще через полвека он скажет: «Для меня это было величайшее испытание, и величайшее сочетание боли, мучения и счастья. Счастья от моего творчества, мучения от того, что не мог ни жениться, ни сходитья ни с какой женщиной, потому что тайну свою я берег превыше всего. И несмотря на то, что это был такой трудный период и еще на него наложились болезни, у меня осталось впечатление, что Кок-Терек был второй юностью моей жизни. Я рисую его для себя необычайно возвышенно, горжусь им, я там оставил сердце, хотя не сошелся ни с кем, а только писал. Впервые после лагеря я там писал, и много написал, и это составило мое счастье»²⁸.

Так Казахстан стал для Солженицына местом Прекрасной Ссылки, а Узбекистан – местом чудесного излечения от смертельной болезни. Два навеки родных и благословенных уголка Средней Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Врангель А.Е. Мои воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири. 1854–1856 гг. – СПб., 1912. – С. 15.

² Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 28, кн. 2. 1985. – С. 178–179.

³ Там же. – С. 290.

⁴ Там же. – С. 248.

⁵ Там же. – С. 249–250.

⁶ Там же. – С. 371.

⁷ Там же. – Т. 16. 1976. – С. 43.

⁸ Веселовский Н.И. Метеор // Валиханов Ч. Собр. соч.: В 5 т. – Алма-Ата: Изд-во Академии наук КазССР. – Т. 1. 1969. – С. 111.

⁹ Валиханов Ч. Сочинения. – СПб., 1959. – С. 194.

¹⁰ Там же. – С. 222.

¹¹ Солженицын А. Пятое марта // Солженицын А. Протеревши глаза. – М.: Наш дом — L'Age d'Homme. 1999. – С. 201.

¹² Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Часть 6. Глава 6 // Солженицын А. Собр. соч.: В 9 т. – М.: Терра, 1999–2005. – Т. 6. 2000. – С. 442.

¹³ См.: Сараскина Л. Солженицын. – М.: Молодая гвардия. 2009. – С. 394.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Часть 6. Глава 6 // Солженицын А. Собр. соч.: В 9 т. – Указ. изд. – Т. 6. 2000. – С. 442.

¹⁶ Там же. – С. 443.

¹⁷ Там же. – С. 451.

¹⁸ См.: Сараскина Л. Солженицын. – Указ. изд. – С. 395.

¹⁹ Там же. – С. 399.

²⁰ Там же. – С. 401.

²¹ Там же. – С. 402.

²² Солженицын А. Правая кисть // Солженицын А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. – Указ. изд. – С. 160.

²³ См.: Сараскина Л. Солженицын. – Указ. изд. – С. 403.

²⁴ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Часть 6. Глава 6 // Солженицын А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. – Указ. изд. – С. 452.

²⁵ Солженицын А. Правая кисть // Солженицын А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. – Указ. изд. – С. 163.

²⁶ Солженицын А. Раковый корпус. Часть 2. Глава 22 // Солженицын А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 3. – Указ. изд. – С. 286–287.

²⁷ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. Пятое дополнение. Н.И. Зубов. – М.: Согласие, 1996. – С. 409.

²⁸ См.: Сараскина Л. Солженицын. – Указ. изд. – С. 410.

Эдвард РТВЕЛАДЗЕ

Respite post te, или Академик Массон и другие

Из новой книги воспоминаний

От редакции. 14 мая этого года исполнилось 70 лет одному из крупнейших современных археологов, исследователей древнего и раннесредневекового периода истории Средней Азии, академику АН Узбекистана Эдварду Васильевичу Ртвеладзе. К юбилею ученого был издан первый том его воспоминаний (*Ртвеладзе Э.В. Вспоминая былое. Кн. I. Т.: San'at, 2012*). Ниже мы публикуем фрагмент из второго, пока только готовящегося тома. Этот отрывок посвящен студенческим годам (1962–1967) будущего историка в Ташкентском государственном университете и работавшим тогда на историческом факультете преподавателям, прежде всего научному наставнику Эдварда Васильевича – академику Михаилу Евгеньевичу Массону. Пользуясь случаем, редакция ВС сердечно поздравляет Э.В. Ртвеладзе с семидесятилетием и желает ему крепкого здоровья и дальнейших научных достижений.

Исторический факультет в ту пору располагался на втором этаже углового здания напротив нынешнего ресторана «Зарафшан». (Много позже, в начале XXI века, это здание использовалось как торговый центр «Демир», с одноименным кафе на первом этаже.)

Деканом исторического факультета был Абдурахман Хамраевич Хамраев, из славного рода бухарских Хамраевых. Его родной брат, Разак Хамраев, был выдающимся узбекским кинорежиссером и актером.

На первый взгляд наш декан производил впечатление грозного руководителя, но на самом деле был добрейшей души человек, часто выручавший студентов в каких-либо тяжелых ситуациях. Он находился в хороших отношениях с Михаилом Евгеньевичем, что соответствующим образом сказывалось и на положении студентов-археологов.

Ко мне А.Х. Хамраев также относился хорошо. Так хорошо, что в 1962 г. при выборах руководящего комсомольского состава факультета рекомендовал меня в его члены! Все были обескуражены, хорошо зная, что после школы я добровольно вышел из комсомола: уже тогда я решил, что членство в комсомоле, партии и т.п. несовместимо со свободой действий и суждений в науке.

Нужно отметить, что на истфаке мы изучали общеобразовательные дисциплины, тогда как спецпредметы по археологии нам читались на кафедре археологии, располагавшейся тогда на сквере Амира Темура в старинном здании бывшей мужской гимназии, где ныне находится юридический институт. Прослушав лекции на истфаке, мы, студенты-археологи, спешили на кафедру (благо это было недалеко, всего один квартал), или наоборот. Пройти весь путь можно было по улице, засаженной могучими деревьями, кроны которых спасали от палящих лучей летнего солнца. С одной стороны улицы стояло четырехэтажное здание географака, а с другой – уютные одноэтажные домики, в одном из которых жил наш преподаватель, доцент А.М. Матвеев.

В годы моей учебы на кафедре археологии преподавали преинтереснейшие личности – блестящие знатоки предмета своих лекций, хотя уже тогда наметилась тенденция к «смене поколений». Одни уходили в небытие, другие – по разным причинам – переезжали в другие города или переходили в другие научные учреждения. В результате ряд лекций исключался из учебного процесса...

К примеру, курс лекций по мусульманской эпиграфике, который вначале вел выдающийся ученый А.А. Семенов, а затем Левицкий, был по существу прекращен, так как после смерти последнего найти достойную замену для чтения этого курса М.Е. Массон уже не смог. Поэтому эпиграфику мне пришлось постигать самостоятельно, главным образом по беседам и выступлениям М.Е. Массона и соответствующей литературе; практические уроки давали экспедиции. Первый такой опыт работы с эпиграфикой я получил в КАТЭ в 1963 г., во время выезда в Катта-Лянгар, когда М.Е. Массон поручил мне и Анвару Билалову делать протирки надписей с надгробников шейхов ордена Ишкия.

Моим занятиям эпиграфикой и изучению письменных источников во многом способствовало то, что на кафедре археологии издавна преподавался персидский язык. В мои годы этот курс вела Евгения Космина. А с четвертого курса начал преподаваться и арабский язык, который вела Анзурат Рауфова.

Все это послужило тому, что, начав на четвертом курсе писать статью «Поход Темура на Северный Кавказ», я мог читать свидетельства персидских авторов, в том числе сочинения Низам ад-Дина Шами и Шараф ад-Дина Али Йезди, с одинаковым названием «Зафар-нама» («Книга побед»), по изданию выдающегося чешского востоковеда Феликса Тауэра, на языке оригинала.

В те же годы я стал изучать различные средневековые письменные источники, помещенные в непревзойденной до сих пор «Bibliotheca Geographorum Arabicorum» (BGA), в основном сочинения Истахри, ибн Хаукаля и Кудама б. Джафара. Эта серия была основана во второй половине XIX в. знаменитым голландским востоковедом де Гуйе. Впоследствии, когда я стал «поднимать» средневековый Чаганиан и его историческую географию, накопленный опыт здорово помог мне: я хорошо знал не только библиотечный шифр, но и содержание каждого тома «BGA», оттого легко находил в тексте нужные мне места, необходимые для сверки. Михаил Евгеньевич всегда говорил мне, что как бы ни был хорош перевод, он является *общим переводом*, без конкретизации деталей, особо важных для локализации того или иного населенного пункта при сопоставлении археологических данных и сведений письменных источников. Впоследствии я не раз убеждался в этом, находя существенные расхождения

переводов с подлинниками. Вообще средневековая тематика тогда в большой степени преобладала в моих научных занятиях.

Как я писал выше, благодаря выдающемуся организаторскому таланту М.Е. Массона и его высоким представлениям о пользе научной школы, на кафедре археологии велись различные неординарные курсы лекций. Одним из таких курсов была «Археология Китая и Юго-Восточной Азии», который читала нам Мария Ивановна Моложатова – прекрасный специалист по китайским древностям. Необычна ее судьба. Ее отец, белогвардейский офицер, после разгрома красными войсками армии казачьего атамана Семенова и барона Унгерна ушел с семьей в Китай. Здесь они жили в разных городах, пока не переехали в Шанхай, где Мария Ивановна, окончив университет, работала в антикварных магазинах. Она великолепно знала китайский язык и письменность и собрала превосходную коллекцию селадона и фарфора эпох Хань, Тан, Цин и Минг.

Когда многим эмигрантам разрешили вернуться на родину, Мария Ивановна поселилась в Ташкенте, сумев перевезти часть своей коллекции. Она работала в Музее искусств – не в новом жутковатого вида здании, построенном в 70-х гг., а в старом, с колоннами и атлантами, что располагалось на сквере им. Кафанова.

Лекции мы слушали в ее доме, располагавшемся слева от старого Госпитального рынка. Здесь находился жилой квартал, застроенный маленькими глинобитными домиками. (Сейчас этого квартала не существует, на его месте высятся многоэтажные дома, как говорят в народе, – «банковские».) Мария Ивановна читала лекции очень обстоятельно, с наглядным показом экспонатов, которые находились тут же в комнате на стеллажах.

Не менее оригинальным был курс «Четвертичная геология Средней Азии». М.Е. Массон считал, что каждый археолог должен знать этот важнейший период в геологической периодизации эволюции Земли, поскольку именно с ним связан антропогенез.

Читал этот курс старый приятель М.Е. Массона еще по работе в конце 20-х и в 30-х годах в геологических учреждениях Ташкента – известный геолог профессор Юрий Александрович Скворцов. В своих лекциях он уделял особое внимание вопросу происхождения лёсса. Будучи сторонником его эолового происхождения, он горячо критиковал своих оппонентов, придерживавшихся теории речного происхождения. Ю.А. Скворцов был не только прекрасным лектором, он превосходно проводил практические занятия: водил нас по всему Ташкенту, показывал срезы оврагов и речных долин, объяснял состав геологических слоев и прослоек.

Интересно было слушать и курс «Антропология Средней Азии», который вел у нас Кадыр Наджимович Наджимов. Он был учеником выдающегося ташкентского ученого Льва Васильевича Ошанина, положившего начало подлинному изучению антропологии народов Средней Азии и основавшего эту кафедру. Среди учеников Л.В. Ошанина была и Валентина Зезенкова. И если Наджимов в основном уделял внимание позднесредневековому периоду, то Валентина Яковлевна занималась более ранней антропологией – черепами, извлеченными при раскопках древних могильников.

На кафедре археологии мы также слушали лекции С.Б. Луниной, З.И. Усмановой, А.С. Морозовой и самого М.Е. Массона. А вот Галина Анатольевна Пугаченкова читала свой курс «История архитектуры Средней Азии» дома, в зале, за знаменитым круглым столом, стоявшим в доме у Михаила Евгеньевича еще до революции.

Читала лекции Галина Анатольевна блестяще, четко и просто, подкрепляя положения своей невероятной эрудицией, глубоким знанием советской, русской и зарубежной литературы. Причем все ее лекции были основаны на собственных полевых исследованиях, что делало их особенно ценными.

Да и экзамены Галина Анатольевна принимала без истового формализма, создавая впечатление простого обсуждения научных вопросов. В отличие от многих, она считала студента не экзаменуемой единицей, а своим коллегой, собеседником, – свидетельство высочайшей культуры приема экзаменов, неведомое большинству преподавательского состава, особенно в нынешнее время.

У Михаила Евгеньевича манера чтения лекций была иной, я бы сказал, более строгой и даже жесткой. Начиная лекцию, он неизменно запирает аудиторию на ключ, и в течение двух часов покинуть ее было невозможно.

Лекции М.Е. Массона по нумизматике Средней Азии и исторической топографии среднеазиатских городов отличались беспримерной доскональностью. Михаил Евгеньевич приводил множество фактов из огромного круга источников, древних и средневековых.

Исключительно интересны были и речи М.Е. Массона, которые он изредка произносил на всякого рода юбилейных торжествах. Они отличались торжественностью, некой архаичностью и всегда были оригинальны по содержанию. Однажды по случаю 60-летия Георгия Николаевича Чаброва, известного ташкентского ученого и собирателя коллекции (Чабров преподавал у нас историографию Средней Азии), Массон ошарашил всех, начав свое выступление словами: «Георгий Николаевич подобен борзому псу, неустанно рыщущему в поисках нового материала!».

Совсем недавно Ростислав Сосновский, сын Г.А. Пугаченковой, в день моего 70-летия передал мне замечательный документ – речь М.Е. Массона, произнесенную им в Среднеазиатском Государственном Университете 27 декабря 1944 года по случаю 25-летия своей научной деятельности.

Приведу ее полностью как образец истинного служения Науке (именно так, с заглавной буквы, стоит это слово в речи Михаила Евгеньевича) и достойного отношения к своим учителям и коллегам.

«Когда я поднимался сегодня по лестнице САГУ на III-ий этаж, один из коллег встретил меня словами: “Сегодня Ваш триумф, Михаил Евгеньевич”.

Предо мной всплыло “Jo triumphe!”.

С Марсова поля через porta triumphalis в Капитолий по вымощенным камнем улицам “вечного города” движутся вереницей сквозь толпы людей должностные лица, сенат, музыканты. Пронесут добычу. Идут жрецы. Юноши в праздничных одеждах ведут жертвенных белых быков. В оковах проходят военнопленные. И вот в окружении ликторов, музыкантов, певцов и глашатаев золотая колесница, запряженная четверкой белых коней. На ней стоит виновник торжества, увенчанный лавровым венком, одетый, как Юпитер Капитолийский, в пурпурные с золотом tunica palmata, toga picta и в золоченой обуви. Его слоновой кости скипетр украшен золотым орлом. В другой руке – лавровая ветвь. А позади государственный раб, держащий над его головой золотую

корону. И всякий раз, как взрывами рокочут шумные приветствия толпы в честь триумфатора, государственный раб восклицает:

"Respice post te! Nominem te memento!"

[Оглядывайся назад! Помни, что ты человек!]

Я очень благодарен гимназии, давшей мне классическое образование, реформированное при графе Игнатьеве особым упором на историю античной культуры.

* * *

Восьмилетним, очень впечатлительным мальчиком я получил в подарок купленного на базаре вместе с седлом за пять рублей ишака. Его назвали Джим. Я очень любил Джима; он – меня.

Одной из первых басен, которую мы учили наизусть по-латински в III классе, была *"Asinus pelle leonis ornatus"* ("Осел, украшенный шкурой льва"). Я живо представил тогда в положении разоблаченного осла моего Джима, – и мне стало до слез обидно, стыдно... и страшно за него...

Полезное впечатление осталось на всю жизнь.

Оно и *"Respice post te!"* – они как критерии со мной здесь на юбилее, где в приветствиях, как и всегда в таких случаях, наличествует элемент преувеличения. Возражать против этого по конкретным моментам в интересах уточнения почему-то не принято.

Не будем нарушать традиции.

Ведь и без этого каждый хорошо знает, что в человеке сочетается и хорошее и дурное. В его действиях бывают и светлые и темные поступки. В его работе наряду с полезными результатами немало и потерянного времени. Без способности сомневаться и верить, ошибаться и находить правду вряд ли есть хоть один подлинно живой исследователь, творец науки. И кто как не сам автор знает за собой массу недочетов? А сколько недоделано, не так выполнено, не сделано и надо еще сделать? И как по сравнению со всем этим скромно выглядит то, что оформлено и завершено...

Я прекрасно сознаю, что мог бы сделать и больше и лучше.

Пусть с такой поправкой и примет все, что сказано тут обо мне, молодежь.

Мое слово к ней.

К тем, кто как-то захвачен событиями войны и кто сейчас на фронте.

У меня с ними много общего.

Я принадлежу к тому поколению, начало жизненного пути которого было смято событиями первой мировой войны, которое в литературе именуется иногда "несчастливым" и для обозначения которого в Англии есть даже специальный эпитет.

Скомкано было пребывание в высшей школе. После войны уделом сразу стала производственная трудовая жизнь.

Да, Петроградский Политехнический институт выпустил одним рядовым инженером-строителем меньше.

Но так ли уж от этого стал несчастен я? И не выиграла ли от этого наша историческая наука?

Судите сами.

* * *

Сегодняшнее 25-летие научной деятельности – условная дата. С 1 марта 1919 года я стал руководить Самаркандским музеем и в том же году произвел первую самостоятельную раскопку дворца саманидов на “Афрасиабе”, откуда перевез в Музей алебастровые резные панели.

Я родился в Петербурге, на Васильевском острове, в гуще своего рода “Латинского квартала”. Но я не отказываюсь, что я туркестанец.

Туркестан – ныне Средняя Азия – моя вторая родина. Воспитанный великой культурой русского народа, я вырос и сложился в Самарканде. Его памятники определили мою судьбу и путь как специалиста.

*Василий Лаврентиевич Вяткин, колоритная фигура на фоне регистанских медресе, с басом *profundo*, волнами переливавшим звуки его октавы под сводами Гурумира (как его помнят многие и многие, ходившие с ним по памятникам), – он увлек меня в Самаркандскую старину, такую живую в этом древнем городе.*

И уже с 1913 года я принимал участие в некоторых его работах и самостоятельно водил экскурсии по памятникам.

Он научил меня бескорыстно любить их, и я очень благодарен ему за это.

1917 год.

Как сын своей страны я пренебрег бывшей у меня на руках “туркестанской льготой”, дававшей мне освобождение от воинской повинности, и студентом добровольно ушел в армию при призыве лиц моего возраста.

Участие в Петроградских событиях февральской революции. Юго-западный фронт. Поле деятельности члена Совета солдатских и рабочих депутатов. Поход на Дон против белоказаков Каледина. Возвращение в Самарканд. А с 1918 года – переход на работу по гражданской линии.

Как и у Горького, у меня были здесь “свои университеты”.

Первый из них – Самаркандский Музей, где моими верными помощниками являлись старый Скобелевский солдат, георгиевский кавалер за Варну Петр Ионов, а несколько позднее еще и юноша Павлик Гомолицкий, затем питомец САГУ, ботаник, а ныне командир-топограф одной из частей на Балканах.

Там, в Музее, моими учителями в части природы были энтомолог Михаил Михайлович Сиязов и чудесный старик, друг нашего дома, врач-туркестанец Павел Андреевич Благовещенский, генерал-инженер Особой армии* и любитель-археолог. Борис Николаевич Кастальский приобщил меня к нумизматике. Художник-антиквар Михаил Васильевич Столяров открывал для меня неизведанную область исследователя-реставратора. Системой же научного мышления при исследовательской работе я в значительной мере обязан талантливейшему архитектору-реставратору Михаилу Федоровичу Мауреру, гордости советской реставрационной практики в Средней Азии. Но, конечно, главным учителем явился Василий Владимирович Бартольд, уделявший мне с моих молодых лет изумительное внимание и, при всей его требовательности к лю-

* Особая армия – общевойсковое оперативное объединение соединений и частей Русской Императорской армии во время первой мировой войны. (Прим. ВС.)

дям, проявлявший в отношении меня снисходительность. Не формально, а по существу – я его ученик: и по отношению к труду исследователя-историка, и по тому, что стремился и стремлюсь продолжить дальше то и исходить из того, на чем он остановился.

С 1923 года я был переведен в Ташкент для работы в Главном среднеазиатском музее, где моими коллегами и в большой мере учителями являлись Михаил Степанович Андреев, Игнатий Иванович Бездека, Даниил Николаевич Кашкаров, Лев Васильевич Ошанин. Туркестанский отдел Русского географического общества ввел меня в круг изумительных людей, как Николай Гурьевич Маллицкий, Николай Леопольдович Корженевский, Андрей Васильевич Благовещенский, Александр Александрович Семенов, Николай Эдуардович Вундцеттель и другие. Я должен упомянуть также счастливое окружение плеядой талантливой молодежи вроде Елены Михайловны Пещеревой, Анны Леонидовны Троицкой, Серафима Николаевича Кудряшова, Александра Константиновича Боровкова, – да мало ли их.

Пребывание в системе Средазкомстариса отвлекло меня на участие и по линии музейной секции, и по линии охраны природы, но, вместе с тем, придало моей археологической работе среднеазиатский масштаб, который так и остался закрепленным за мной на всю жизнь даже после перехода в Среднеазиатское отделение Геологического комитета. Так, я в качестве заведующего библиотекой восемь лет вел попутно исследовательскую работу в области истории горного дела. Последняя вплотную свела меня с рядом видных специалистов, как Александр Евгеньевич Ферсман, Дмитрий Иванович Щербаков и другие. Практически особенно много мне пришлось работать с геологом Борисом Николаевичем Наследовым. В среде геологической молодежи САГРУ у меня установилось немало прочных и полезных связей с наиболее активными исследователями, как Юрий Александрович Скворцов, Владимир Эрастович Поярков, Николай Петрович Петров и другие. А из библиотеки САГРУ я унес самые теплые воспоминания о своих милейших сотрудниках, и в первую очередь о моем заместителе Екатерине Аполлоновне Анфириной и о Фанни Марковне Палейсник, деливших со мной много лет радости и горести совместной работы.

В Ташкентской публичной библиотеке – бывшей также одним из моих университетов – я счастливо обрел несравненного наставника и друга-учителя по части библиографии в лице тогдашнего единственного за все время подлинного ученого, директора той библиотеки – Евгения Карловича Бетгера.

Я был бы несправедлив, если бы не упомянул сегодня соратника многих моих работ, фотографа-художника, мастера, Ивана Прохоровича Завалина и моего славного помощника по работе в Главном среднеазиатском музее, ныне покойного, – бывшего донбасского рудокопа, гусара, георгиевского кавалера за русско-японскую войну и подлинного честнейшего хранителя Музея, Андрея Петровича Резника.

САГУ не был моим университетом. В нем я сам творю настоящий университет для своих слушателей и будущих учеников.

Итак, в жизни все сложилось в процессе труда само собой.

Я не предполагал никогда стать ученым – и сделался им.

Мне в голову не приходила мысль, что я буду профессором, а девять лет назад меня

сделали по представлению академика И.Ю. Крачковского, академика И.А. Орбели и профессора А.Ю. Якубовского первым доктором в Средней Азии.

Я никогда не стремился к научной карьере и, наоборот, бежал от нее, с конфликтами отказываясь вступать в разные должности, но при всем том так прочно вошел в науку о Средней Азии, что отставить меня от нее уже нельзя. И все попытки некоторых узко-узбекистанских научных учреждений держать меня на расстоянии – лишь уродливая нелепость, дискредитирующая их репутацию.

Нет! У вас нет оснований огульно считать мое поколение “несчастливым”. Человек во многом сам творит свой путь в жизни.

Подумайте обо мне, когда под тяжестью обстоятельств вам вдруг покажется, что вы обречены судьбой быть “несчастливым поколением” второй мировой войны. Пусть этот живой наглядный пример прильет вам силы, энергии и воли для выхода на одну из широких дорог, которых так много в нашей необъятной родине.

* * *

Нужны ли скромные юбилеи, отмечающие определенный отрезок времени научной деятельности отдельных лиц? И кому они нужны?

Для юбиляра это – не только в разной степени нелегкое испытание и общественная повинность, но и полезное *temento mori*. Напоминание: подытоживай, готовься, доделывай, не запоздай. Ведь ученый-исследователь – он живет не только для себя и своего времени, а для Науки и следующих поколений.

Но в большей мере юбилеи нужны с педагогической целью для молодежи. На них она иногда может воочию видеть, как честный труд служенья Науке получает настоящее общественное признание, которым я обязан, в частности, тому, что избрал себе за образец линию поведения академика Х.М. Френа, чей портрет украшает наш Археологический кабинет САГУ.

Разрешите, как Катону, и при этом случае еще раз повторить молодежи свое *credo*:

I. Недостаточно ставить себе как самоцель получение ученых степеней, – титулы и звания придут вслед за трудом сами собой.

II. Основная цель исследователя – подлинное служенье Науке, а не обращение ее в служанку.

Помните глубоко справедливые слова, сказанные в IX веке незаурядным правителем Ирана и Средней Азии Абдаллахом ибн Тахиром, что “науку следует предоставлять всякому... – наука сама сумеет позаботиться о себе, чтобы не остаться у недостойного”.

И никакими званьями и титулами ее не задержать.

Будьте достойными Науки, – и без административных чародейств она от вас не уйдет. Коль скоро вы на первый план будете ставить интересы дела и Науки, – у вас никогда не появится в трудных случаях жизни при выборе решений ни сомнений, ни страхов, ни искаженной “мышинной” перспективы, будто “сильнее кошки зверя нет”. Будьте всегда лъвятами и львами у трона Науки!

* * *

В заключение мне остается только принести благодарности.

Окидывая все поздравленья, я вижу больше всего пожеланий здоровья, здоровья и здоровья. Не сопоставляйте этого с удрученным восклицанием жреца Калхаса: "Цветы, цветы и цветы!". Здоровье – это хорошо, и, кстати, оно мне очень нужно. А если суммировать его во всех телеграммах, письмах и выступлениях, то общего количества, пожалуй, с избытком хватит примерно до 1999 года не только мне, но и членам моей семьи.

Я благодарю устроителей заседания, и особенно среди них Ивана Кузьмича Додонова, которые дали мне возможность на пороге переезда из Узбекистана в Ленинград увидеть вкупе столько близких, приятных, дружески расположенных лиц.

Но самая моя большая благодарность верному спутнику жизни, другу многих лет с первых и до последних шагов, опоре в тяжелые минуты испытаний, повседневной поддержке в трудовых буднях, душе Археологического кабинета при нашей кафедре – Ксении Ивановне Массон. Без нее – я не был бы тем, чем я стал.

Лишь под конец жизни ученый обретает возможность черпать поддержку и вдохновенье в своих учениках и последователях, которые имеют право на свою долю благодарности.

Я благодарю также всех выступавших, присутствующих и приславших на мое имя поздравленья по почте и телеграфу.

Бывшим уже однажды в моем сегодняшнем трудном положении юбиляра пожелаю встречи на их следующих юбилеях. Молодежи от души желаю дожить до своих собственных юбилеев, как завершенья честного труда служенья не лицам, но Науке.

Dixi.»

Сегодня таких речей, увы, уже не услышишь...

Валерий ГЕРМАНОВ

«Туркестанский след» династии Половцовых

Александр Половцов-Второй и Михаил Андреев

Журнальный вариант

В очерке «Мой Ташкент» бывшая ташкентка Дина Рубина пишет: «Я еще любила возить гостей в наш роскошный Ботанический сад и в расположившийся в старой генеральской усадьбе Институт шелководства, каких только сортов тутовника там не было. А совсем рядом – находился музей прикладного искусства, бывшая байская усадьба, куда приезжали со всего Союза поглядеть на образцы керамики, ковроткачества, резьбы по ганчу, дереву, металлу; на вышивки золотом по бархату... – все истинные народные промыслы, вершины мастерства...»¹.

В читательских интернет-откликах на этот очерк уже отмечалось, что Институт шелководства на бывшей улице Шелковичной никогда не размещался в генеральской усадьбе; это была бывшая дача Великого Князя Николая Константиновича, всего лишь лишенного звания полковника генерального штаба².

Что касается музея прикладного искусства в бывшей «байской усадьбе» – это дом, построенный для доверенного лица Государя Императора, Александра Александровича Половцова-Второго (1867–1944).

Половцов-Второй происходил из аристократической семьи, известной своей благотворительностью и покровительством развитию науки и искусства. Отец его, Государственный секретарь (1883–1892), член Государственного совета Александр Александрович Половцов-Первый (1832–1909), был учредителем Императорского Русского исторического общества, почетным членом Императорской Академии художеств, почетным членом Петербургской Академии наук и членом-корреспондентом Французской академии. Как писал в своих воспоминаниях граф С.Ю. Витте: «Половцов был, я должен сказать, несомненно одним из умных членов Государственного совета; человек он был очень культурный»³.

Мать А.А. Половцова-Второго, Надежда Михайловна Июнева (1843–1908), была внебрачной дочерью великого князя Михаила Павловича и приемной дочерью выдающегося российского государственного деятеля XIX века, финансиста, промышлен-

ника и мецената барона Александра Людвиговича Штиглица. Именно на средства Штиглица в Петербурге было создано Училище технического рисования и при нем богатейший Музей декоративно-прикладного искусства, экспонаты для которого эмиссары Штиглица приобретали на всех аукционах мира.

Фамильный интерес к науке питал и младший брат Александра Александровича, генерал-лейтенант Генерального штаба Петр Александрович Половцов (1874–1964), написавший ряд военно-востоковедческих работ⁴.

...В 1896 году А.А. Половцов-Второй был направлен из Петербурга в Ташкент для изучения состояния и задач переселенческого дела в Средней Азии и Закавказье как чиновник особых поручений Министерства внутренних дел⁵.

Хотя по образованию Александр Половцов был юристом, он глубоко интересовался историей и археологией. Вскоре он становится членом Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА) и прикрепляет на свои карманные часы почетный членский брелок.

На должность секретаря Половцова, по рекомендации знатока Туркестанского края В.П. Наливкина, был принят Михаил Степанович Андреев (будущий основатель Отдела этнографии в Институте истории Академии наук Узбекистана и член-корреспондент Академии наук СССР). Вскоре Андреев стал постоянным спутником и конфидентом Александра Александровича, вместе с которым они предприняли ряд научно-исследовательских поездок по Закавказью и Закавказью.

По поручению Половцова М.С. Андреев приобретает для него в Ташкенте дом у ташкентского предпринимателя коммерции советника Н.И. Иванова (ту самую «байскую усадьбу»). Под руководством Андреева и была осуществлена значительная перестройка интерьеров этого дома в восточном стиле*.

По возвращении Половцова в Петербург туда, по его приглашению, переехал и Андреев. Там Михаил Степанович общался с виднейшими востоковедами С.Ф. Ольденбургем, В.В. Радловым и К.Г. Залеманом. Благодаря постоянному чтению огромного количества книг по востоковедению, этнографии, лингвистике, занимаясь под руководством корифеев русского востоковедения, выпускник Туркестанской учительской семинарии превращается в самостоятельно мыслящего ученого.

17 октября 1899 года Половцов и Андреев приступили к раскопкам в Самарканде в доме Баба-Максума Фузаилова, где при прокладывании колодезной ямы двумя днями раньше были обнаружены два оссуария⁶. Им удалось обнаружить еще четыре⁷, о чем было доложено на заседании ТКЛА 9 ноября 1899 года М.М. Вирским⁸.

О находке Половцова и Андреева сообщал в своем реферате, прочитанном на заседании Восточного отделения Императорского Русского археологического общества 27 января 1900 года, Н.И. Веселовский. В печатном протоколе заседания были указаны приблизительные размеры находок, впервые был предложен термин «оссуари-

* Архитектурный декор, резьба по ганчу, резьба и роспись по дереву выполнили узбекские народные мастера – усто Т. Арсланкулов и А. Казымджанов (Ташкент), усто Ширин Мурадов (Бухара), усто А. Палванов (Хива), усто Абдулла (Риштан). Во время Первой мировой войны в этом здании содержались высокопоставленные пленные австрийские офицеры. С 20-х до середины 30-х годов XX века здесь был детский дом. В июле 1937 года, по предложению М.С. Андреева, в Доме Половцова разместился Музей кустарных промыслов. В настоящее время здесь находится Музей прикладного искусства Узбекистана. Дважды, в 1941 и 1961 гг., здание реставрировалось; в 1970 г. была произведена его генеральная реконструкция по проекту А.А. Бурмейстера.

ум» вместо употреблявшихся прежде «гробик», «урна»⁹. Найденные Половцовым и Андреевым оссуарии в дальнейшем обсуждались в ряде рефератов и статей как петербургских, так и туркестанских археологов.

В 1902 году М.С. Андреев проехал через Ош на Памир, в Вахан, Ишкамыш. Научным результатом поездки явилась совместная с А.А. Половцовым публикация по этнографии племен Ишкамыша и Вахана¹⁰. В своем отчете от 15-го июня 1904 года русский политический агент в Бухаре А. Черкасов отмечал: «...посетивший Памирские бекства в 1903 году, по поводу беспорядков в Вахане, дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе, коллежский советник Половцов и личный секретарь его М.С. Андреев, дважды совершивший путешествие на Памиры, дали мне много ценных, основанных на опыте и личном знакомстве с положением дел в Припамирских бекствах, указаний...»¹¹.

В 1904 году Половцов и Андреев совершили поездку в Исфару, чтобы скопировать надпись в Варухском ущелье¹². Тогда же Андреевым была изготовлена копия путем накладывания на скалу полосы коленкора и прорисовывания просвечивающих очертаний букв. Тут же дорисовывались те знаки, которые не были видны через коленкор. Поверхность скалы заросла лишайником, и буквы приходилось предварительно расчищать при помощи гвоздя¹³.

На обратном пути А.А. Половцов и М.С. Андреев обнаружили «кладбища неизвестного времени» на юго-востоке от Исфары. Местные жители объяснили путешественникам, что каждая «могила состоит из подземной камеры, обложенной кирпичом, с трубой, выходящей на поверхность земли. В могилах были найдены скелеты, гипсовые и металлические фигурки, кусочки коралла и сердолика, глиняные кувшины и монеты с центральным отверстием»¹⁴. 12 ноября 1904 года Половцов передал часть этих находок, вошедших в его личную коллекцию, в Народный музей Туркестана (ныне – Музей истории Узбекистана)¹⁵.

В декабре 1905 года М.С. Андреев на торжественном собрании, посвященном первому десятилетию ТКЛА, сообщил о научных результатах своей поездки вместе с А.А. Половцовым по Ферганской области (преимущественно по Исфаринскому району Кокандского уезда). Как писали «Туркестанские ведомости» за 11 декабря того года, ученый «сделал несколько сообщений археологического характера и перевел различные надписи на восточных языках»...

В 1906 году А.А. Половцов был назначен генеральным консулом в Бомбее. М.С. Андреев также поехал в Индию. С 1906-го и, по некоторым сведениям, до 1914 года он служил личным переводчиком А.А. Половцова и российским вице-консулом в Индии и французских колониях Индии и Индокитая.

Вскоре к Половцову присоединился его младший брат, Петр Александрович. Не получив должности военного агента в Индии, он вышел в отставку и путешествовал по этой стране в качестве частного лица. О братьях Половцовых в Индии упоминает в своих воспоминаниях дипломат С.В. Чиркин: «...Капитан Генерального штаба П.А. Половцов, лейб-гусар поручик граф Остен-Сакен, конногвардеец поручик граф Беннигсен... приехали в Индию поохотиться и только что возвратились с Цейлона, где, кажется, довольно удачно охотились на слонов... Из трех офицеров-охотников Остен-Сакен и Беннигсен покинули Индию торным морским путем вскоре после моего при-

езда. Оставался в Индии лишь брат А.А. Половцова П.А. Половцов, который в это время находился в Кашмире, поджидая М.С. Андреева, с которым он возвращался в Россию сухим путем через Каракорум и Памиры в наш Туркестан»¹⁶.

Итак, в 1907 г., во время отпуска, М.С. Андреев вновь прибыл в Среднюю Азию, пройдя пешком вместе с П.А. Половцовым, братом своего покровителя, из Кашгара через Гималаи по перевалу Каракорум в Западный Тибет, а оттуда, проехав Яркент, Ташкуртан, Вахан, Шугнан и Восточный Памир, в Ферганскую долину¹⁷.

В 1910 г., когда М.С. Андреев еще находился в Индии, в местной газете была опубликована его статья о глиняных оссуариях, найденных им в селении Зангиата близ Ташкента и в Самарканде¹⁸.

В 1911 г. Андреев совместно с А.А. Половцовым публикует серьезный этнографический труд «Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан»¹⁹.

Эта работа начинается с изложения исторических сведений и легенды о происхождении и расселении обитателей Ишкашима и Вахана. Освещаются грабительские набеги афганцев на Памире²⁰. Анализируются междоусобные войны отдельных правителей Бадахшана, Шугнана, Ишкашима, Вахана и Зебака, от которых более всего страдало местное население этих областей.

Ишкашимцы, фиксируют А.А. Половцов и М.С. Андреев, «помнят три больших набега шугнанцев, когда страна была совершенно разорена, дома разрушены, женщины уведены в плен и проданы в неволю, скот угнан»²¹. Далее сообщается о сторожевых башнях, туп-хона, остатках крепостей, называвшихся кафир-кала, приводятся легенды. От былых времен, по свидетельству авторов, остались лишь петроглифы на скалах, сохранившиеся диалекты коренных обитателей и генеалогия бадахшанских и ваханских правителей.

Во втором разделе – «Остатки прежнего общественного строя» – повествуется, что в древнее время жители Ишкашима, Зебака и Вахана делились на касты и следы этого деления остались и поныне. Первая каста – это духовенство, *сейиды*, вторая – *акобиры* – военная аристократия, третья – *чокар* (слуги), в обязанность которых входила охрана войска во время похода, а также поставка прислуги правителям. В Ишкашине и соседних странах встречались рабы, купленные в Афганистане. Их называли *хызматгор*. Человек же, служащий за деньги, наемник, назывался *ятим* (от арабского «сирота») ²².

Интересно описание податей, взимаемых правителями Бадахшана с ишкашимцев. Осенью каждый дом должен был платить правителю (миру) дань, которая состояла из одной веревки, одной подковы и одного куска бычьей шкуры на пару «чарук» (местная обувь). Правитель имел также право требовать дважды в год уплаты налога в виде одного шерстяного халата с четырех домов (либо сшитого, либо в куске, смотря по требованию). Кроме того, хозяева каждого дома в Ишкашине должны были по очереди являться к миру и служить ему сутки до прихода смены. Приходя к правителю, они должны были приносить одного барашка, один мешок муки, мерой в два «сер'а», одну кринку молока для чая, одну чашечку масла, один кусок сала для освещения и два ослиных вьюка дров. Жена принималась печь хлеб из принесенных припасов, муж разводил огонь, носил воду и прочее. Для отсылки дани в Бадахшан собира-

лась еще особая подать: с каждого дома – по 3 теньги и со всего Ишкашима – пять лошадей и до пяти соколов. Таков же, по описанию, был порядок взимания податей с ваханцев.

Третью часть своей работы А.А. Половцов и М.С. Андреев посвятили обрядам, совершаемым при рождении ребенка (в зависимости от его пола); обрядам, связанным со смертью (похороны, траур); брачным обрядам. Описывается основное содержание хозяйственной деятельности мужчин и женщин и связанные с ней обычаи. Дано описание народного календаря, праздников, игр, народной медицины, пережитков древних верований, подсобных промыслов, торговли, приводятся названия селений в Вахане и Ишкашима. Работа снабжена шестью иллюстрациями, ярко характеризующими быт и обычаи ваханцев и ишкашимцев.

Написанная на основе интересного и разнообразного этнографического материала²³, содержащая и некоторые археологические сведения²⁴, эта книга стала заметным явлением в изучении истории культуры памирских народностей. Хотя в отечественной и иностранной литературе уже имелись этнографические обзоры Памира, они носили скорее характер заметок путешественников. Книга Половцова и Андреева было работой исследователей, досконально знакомых с предметом.

(Продолжение следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рубина Д. Мой Ташкент // «Новости недели», Иерусалим. 13 июля 2009 г. (См. также: mytashkentuz/2009/09/21/moy-tashkent-2/).

² ОлегНик. Легенды, имена, фамилии, явки... (mytashkent.uz/2009/10/13/legendyi-imena-familii-uavki%e2%80%ab/). К сожалению, указывая на ошибки Дины Рубиной, читатель, пишущий за подписью «ОлегНик», и сам допускает новые. Отмечая, что «музей прикладного искусства в бывшей «байской усадьбе» – это дом, построенный для Александра Александровича Половцова, ОлегНик имеет в виду А.А. Половцова-Первого, который в действительности в Ташкенте никогда не был.

³ Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. – М.: Мысль, 1991. – С. 120.

⁴ См. подробнее: Половцов Петр Александрович // Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. Авт.-сост. М.К. Басханов. – М.: Восточная литература, 2005. – Сс. 185-186.

⁵ См.: Акрамова А.Х., Акрамов Н.М. Востоковед Михаил Степанович Андреев. Научно-биографический очерк. Под ред. и с предисл. докт. ист. наук Б.А. Литвинского. – Душанбе: Ирфон, 1973. – Сс. 48-49.

⁶ См.: Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.). – Т.: Изд-во АН Узбекской ССР, 1958. – Сс. 178. 179-190, 199.

⁷ См.: Бартольд В.В. К вопросу об оссуариях Туркестанского края // Соч. в 9 томах. Т. 4. – М.: Изд-во восточной литературы, 1966. – С. 160.

⁸ См.: Вирский М.М. Древние глиняные гробы (из последней раскопки в Самарканде) // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Том IV. – 1899. – Сс. 154-162.

⁹ См.: Акрамова А.Х., Акрамов Н.М. Указ. соч. – С. 52.

¹⁰ Андреев М.С., Половцов А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан // Сборник Музея антропологии и этнографии при Академии наук. Том IX. – Санкт-Петербург, 1911. – 32 с., 5 вкл. л., илл.

¹¹ Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г. // www.sufism.ru/webmag/public_html/article.php3?story=20031106032357375

¹² См.: Туркестанские ведомости. 1904. 17 ноября.

¹³ В докладе, сделанном на заседании Туркестанского кружка любителей археологии, Половцов высказал мнение, что по начертанию букв эта надпись является «гораздо более старой, чем нижняя надпись 1041 г.». (Половцов А.А. Поездка в Варухское ущелье в 1904 году // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Том IX. – 1904. – Сс. 43-45. (См. также: Протокол заседания Туркестанского кружка любителей археоло-

гии от 12 ноября 1904 г. // Там же. – Сс. 6-7). В.В. Бартольд отказался от чтения надписи по этой копии, считая такой способ съемки слишком несовершенным (См.: Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района // Труды АН Таджикской ССР. Т. 35. – Душанбе, 1955. – С. 14.)

¹⁴ Акрамова А.Х., Акрамов Н.М. Указ. соч. – С. 55.

¹⁵ В Инвентарной книге 1918 г. упомянуты многочисленные керамические сосуды из половцовской коллекции (Сс. 290, 291, 306; №291, 307, 615). См.: Минасянц В.С. К истории комплектования археологического фонда Музея истории народов Узбекистана (1876–1917 гг.) // Времен связующая нить (По материалам музейных фондов). – Т.: Фан, 1992. – Сс. 3-26. С. 6; (коллекции И.А. Кастанье, А.А. Половцова, С.Ф. Николя и др.). Сс. 7, 20 (коллекции члена ТКЛА А.А. Половцова в Ташкенте).

¹⁶ О поездке капитана Половцова, подпоручика графа Остен-Сакена и графа Беннигсена в Индию в 1906 г. см.: Архив внешней политики Российской империи. – Ф. 147, оп. 191, д. 1092.; См. также: Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. – М.: Русский путь, 2006. 368 с.: илл. – Сс. 152-153.

¹⁷ См.: Андреев М.С. (Дневник). Поездка из Индии в Туркестан сухим путем в 1907 году // Архив Института востоковедения РАН. – Ф. 3, оп. 1, д. 20. – Сс. 1-114.

¹⁸ Под псевдонимом «Афанасий Никитин». Археологические находки. Глиняные гробы // Туркестанские ведомости. 1910. № 32.

¹⁹ Андреев М.С., Половцов А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 9. – СПб., 1911.

²⁰ Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк. Соч., т. 2. Ч.1. – М., 1963. – С. 467.

²¹ Андреев М.С., Половцов А.А. Материалы по этнографии... – Указ. изд. – С. 1.

²² Хотя население Ишкашима, Вахана и других государственных образований на Памире, в зависимости от привилегированности, делилось на ряд групп, касты в их классическом смысле ко времени памирской экспедиции А.А. Половцова и М.С. Андреева не сохранились.

²³ См.: Токарев С.А. История русской этнографии (дооктябрьский период). – М.: Наука, 1966. – С. 386; Абаева Т.Г. Очерки истории Бадахшана. – Т.: Наука, 1964. – Сс. 26, 28, 30, 34, 43.

²⁴ См.: Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Институт истории материальной культуры. Ленинградское отделение. Материалы и исследования по археологии СССР. – М.-Л., 1952. №26. – С. 278; Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и Припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Т.53. – 1957. – С. 18.

Андрей ВОЛОС

Возвращение в Панчруд

(Главы из нового романа)

От редакции. Новый роман известного российского писателя Андрея Волоса (автора романов «Хуррамабад», «Недвижимость», «Аниматор» и других) – о великом среднеазиатском поэте Рудаки (850-860-е – 941). Сокращенный вариант первых шести глав романа публикуется в журнале «Октябрь» (№ 7, 2012; в интернете: magazines.russ.ru/october/2012/7/v2.html); для публикации в ВС автор любезно предоставил остальные пять глав романа.

...Бухара, конец тридцатых годов X века. Первые годы правления Нуха Второго Саманида. Восемнадцатилетнему Шеравкану, сыну мелкого служивого, дано необычное поручение. Шеравкан должен отвести ослепленного преступника в селение Панчруд¹, откуда родом Джафар (так зовут слепого). Приказ этот дан самим Гурганом, всесильным визирем Нуха. На первом же ночлеге, в караван-сараяе в Вабкенте, происходит встреча путников с купцом (и поэтом-любителем) Шахбазом Бухари... И оказывается, что жалкий и вспыльчивый слепец Джафар – не кто иной, как «царь поэтов» Рудаки, обвиненный в связях с еретиками-карматами и ослепленный по приказу Гургана. Длинна дорога в Панчруд для слепца и его молодого поводыря...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Утро в караван-сараяе. Кармат. Спор о вере. Кошелек. Звезды. Богатство

Утро только начинало брезжить, а уж суматоха поднялась почище вчерашней: поить верблюдов и лошадей, кормить, выучить... Шум, гам, беготня, окрики, команды... Вот уже взгромоздили на одного из последних свободных одногорбых куджеве, и теленок, высывая голову из корзины, жалобно мычал, тупо разглядывая происходящее.

Шахбаз Бухари подвел Джафара к скамье.

– Учитель, – говорил Шахбаз, не выпуская его рук из ладоней. – Я все-таки поеду! Клянусь, я буду осторожен! Поселюсь у племянника... он хороший у меня, не выдаст. Продам этот чертов кимекаб, будь он трижды неладен, разделаюсь с долгами – и тут же к вам! Недели через две ждите. Три – от силы!

– Не надо бы тебе ехать, – покачал головой Джафар. – Но я вижу: ты решил...

¹ Андрей Волос, уроженец Душанбе, передает название «Панджруд» в современной таджикской транскрипции. Остальные личные имена и названия даны в традиционной русской транскрипции. (Прим. ВС.)

– Да, Джафар, решил.

– Тогда Бог в помощь. Храни тебя Аллах и сонмы его ангелов!.. Только прошу – не медли, не засиживайся в Бухаре. Дела сделаешь – и тут же в Панчруд. Засядем, как в крепости, оттуда не выкурят! Там все свое... А если Шейзар жив, он тоже когда-нибудь доберется...

– Приеду, Джафар, приеду, – кивал Шахбаз Бухари. – Я вас одного не брошу, обещаю. Еще как надоем, палкой меня придется гнать!

Джафар через силу усмехнулся и, протянув руку, потрепал друга по щеке.

– Эх ты, купец-путешественник!..

Шахбаз Бухари снова схватил ладони Джафара, прижался к ним щекой, замер. Щека была мокрой, Шеравкан ясно видел – дорожка слезы блестела на ярком, только что выглянувшем из-за стрехи солнце.

Но караван-баши уже сунул ногу в стремя. Лошадь шатнулась, когда он вознес в седло свое громадное тело.

Привстав на стременах, караван-баши окинул двор грозным взглядом, призывно рыкнул зверьим голосом и, помахивая камчой, поспешил вперед крупной рысью – должно быть, с целью занять место во главе вереницы лошадей и верблюдов, большей частью уже выползшей из ворот и растянувшейся по дороге.

– Пора, учитель! – со слезами в голосе сказал Шахбаз. – Прощай, Джафар!

Он прижался щекой к груди Рудаки.

– Ладно тебе, – низким голосом бормотал Джафар. – Давай, давай! От каравана хочешь отстать? Вот радость кому-то будет – твоим драгоценным кимекабом завладеть!

Шахбаз Бухари оторвался, встал.

– Береги его! – страшными мокрыми глазами глядя на Шеравкана, срывающимся голосом сказал он. – Береги! Как сына прошу!..

Махнул рукой и, придерживая чалму, трусцой пустился догонять свой кимекаб...

Последние верблюды прошли ворота, бряканье ботал становилось тише, изредка долетал еще зычный голос караван-баши – вероятно, никак не мог навести должного порядка...

– Как две стрелы над полем боя, – пробормотал Джафар.

Про стрелы – это Шеравкан знал, отец частенько напевал, когда чинил обувь или лошадиную сбрую. «Как две стрелы над полем боя, мы разминемся, брат, с тобой!..»

Он прокашлялся и уже хотел сказать, что сейчас пойдет к хозяину попросить чаю и пару лепешек, – а потом, наверное, надо выступить? Дорога длинная...

Но хозяин караван-сарая уже сам спешил к ним с подносом в руках.

– Пожалуйста сюда, – крикнул он, ставя поднос на край ближайшего ката. – Мальчик, веди господина Рудаки! Пожалуйста откусать!

– Джафар, он еду принес, – констатировал Шеравкан. – Пойдемте?

– Еду? – Джафар нерешительно склонил голову, прислушиваясь.

– Неудобно, – прошептал Шеравкан. – Пойдемте, а?

Вздыхнув, Джафар нашарил посох и поднялся.

Угощение оказалось знатным – только что зажаренная в тануре курица, бараньи ребрышки с луком, свежие лепешки, зелень, кислое молоко...

– Пожалуйста, – повторял хозяин, разламывая скорлупу спекшегося теста, кото-

рым была обмазана курица. Он обжигался, морщился и то и дело дул на пальцы. – Прошу вас... от чистого сердца!..

– Спасибо, спасибо... Не беспокойтесь, пожалуйста...

– Для нас такая честь принимать вас, господин Рудаки! – говорил хозяин, суетливо переставляя блюда – видимо, с целью найти их наилучшее расположение.

Шеравкан коснулся пальцев слепца, вложил кусок курицы. Подержав, Джафар положил курицу рядом. Ищуще пошевелил пальцами. Шеравкан почему-то догадался, что он хочет зелени, придвинул. Джафар удовлетворенно кивнул. Сунул в рот пару стебельков кинзы.

– В чем же честь? – хмуро спросил он, неспешно пожевывая. – Государственный преступник, ослепленный по приказу господина Гургана, прямиком из зиндана, – это для вас честь?

– Ах, это какая-то ошибка, господин Рудаки! – плачуще воскликнул хозяин. – Какой же вы преступник?! Вы поэт! Такой человек, как вы – и зиндан! Такой человек, как вы – и это страшное наказание! Это ошибка, клянусь!

Рудаки хмыкнул.

– По-вашему, такое можно сделать по ошибке?

– Конечно, господин Рудаки! – хозяин в порыве искренности прижал ладони к груди. – Разумеется, только по ошибке! Или еще, когда такая заварушка, самое время под шумок свести счеты с врагами!..

Вот дурак, с тревогой подумал Шеравкан. Сейчас он его доведет. Заладил, как попугай – ошибка, ошибка! Если ошибка, то ведь неисправимая! И какие счеты?

Джафар молча откусил, стал жевать.

– Мы-то ведь все равно к вам со всем уважением! Если б не вы, господин Рудаки, мы бы никогда не поняли, на каком языке говорим! Ваши песни распевают по всему Ачаму! Строки из них становятся поговорками, люди повторяют, даже не зная, откуда они взялись!.. Вы великий стихотворец!

«Ну вот, сейчас», – обреченно подумал Шеравкан.

– И нам совершенно все равно, слепой вы или нет!

– Заткнись, придурок! – крикнул Джафар, отшвыривая от себя надкушенный кусок. – Замолчи!

Едва увернувшись от куриного бедра, просвистевшего в непосредственной близости от его уха, хозяин вскочил и оторопело вытаращился, переводя взгляд с Рудаки на Шеравкана и обратно. Губы у него подрагивали. Шеравкан, скорчив рожу, молча и яростно закрутил ладонями – мол, тише, не надо больше говорить!

– Я, господин Рудаки... простите меня... Может быть, я как-то... Но ведь мы со всем уважением!.. Простите, если что не так... мы люди простые!..

– Это вы меня простите, – буркнул Джафар, поднимаясь. – Я и сам должен был понимать, что вам совершенно безразлично, зряч я или слеп...

– Господин Рудаки! – завыл хозяин. – Да ведь я!..

– Спасибо за угощение! Пошли! Ты расплатился? – он повернул голову, ожидая отклика поводыря.

– Нет, нет! – хозяин замахал руками. – Ничего не надо, господин Рудаки! И подождите, подождите! Носилки уже готовы!

– Какие носилки?

– Обыкновенные носилки!.. Сядете спокойно, мои парни часа за два домчат в Кунар. Там постоянный двор... брат мой держит... он со всем уважением... сегодня праздник, они будут рады!

– Я пойду пешком, – сказал Джафар, нащупывая посох. – Не надо носилок. Я буду идти пешком, провались оно все пропадом! Спасибо за все, уважаемый... как вас зовут?

– Салар, – поспешно ответил тот. – Отца Шахромом звали, да возлюбил его Аллах...

– Спасибо вам, дорогой Салар, – сказал Джафар немного смягчившимся голосом. – Но правда: я пойду пешком. А у вашего брата мы, наверное, остановимся... где его двор?

– Прямо у дороги, даже если захотите, все равно мимо не пройдете!..

Он сделал Шеравкану знак, отзывая его в сторону.

– Слушай, парень, он что, в самом деле пешком пойдет?

– Наверное, – Шеравкан пожал плечами. – Вчера друг повозку ему предлагал. Отказался.

– Но почему?! – плачущим шепотом воскликнул держатель караван-сарая. – Такой человек!

– Не знаю, – буркнул Шеравкан. – Такой человек.

– Тогда вот что. Слушай. Вот что. В Кунар придете, брату скажешь... его Бехрузом зовут... скажешь, Салар передал то-то и то-то. И расскажешь все. Понял? Чтобы он вам лучшую комнату дал. Понял?

– Понял...

– Вообще-то вас в любом доме примут... а уж отец жениха как будет рад!

– Там свадьба, что ли? – хмуро уточнил Шеравкан.

– Свадьба. Староста кишлака сына женит... Ладно, стой здесь!

Бегом кинулся к своей конторе. Через минуту, запыхавшись, вернулся с какой-то котомкой, тряпками, завернул курицу, мясо, сунул лепешки.

– На!

– Спасибо...

– И вот еще! – хозяин протянул дирхем. – Держи, это твой. Со святого человека нельзя брать.

– Да ладно вам, – возразил Шеравкан. – У меня есть на дорогу.

– Держи, держи! – хозяин силой положил дирхем на его ладонь, закрыл пальцы.

– Шеравкан! – сердито крикнул Джафар. – Мне долго тут стоять?!

– Иду, иду! До свидания!

Закинул котомку за спину, поклонился, поспешил к Джафару, протянул руку.

– Держитесь.

Двинулись к воротам.

– Пошли, нечего тут, – ворчал Рудаки. – Вишь ты, все равно ему, слепой я или нет... баран безрогий!.. Ну да, допустим: я не вижу того, что видит он! Зато я вижу то, чего он не видит!.. Ишак разнузданный!.. Простые люди... знаю я этих простых людей!.. Ни черта не соображают!..

Протянул посох, пытаюсь, должно быть, нащупать воротный столб.

– Правее, – буркнул Шеравкан.

Ему не нравилось, что Джафар обидел хозяина постоянного двора. Тот сам виноват, конечно, но... Он и позавчера накормил за так... вчера хивинец поминальное угоще-

ние устраивал, всем хватило... но сегодня снова угощение... И приятные слова хотел сказать, а ему в ответ – его же яствами ему же в физиономию!.. Неудобно как-то.

Между тем хозяин долго стоял у ворот, глядя вслед слепцу и его поводырю. Слепой шел, вскинув голову, будто пытался взглянуть из-под своей повязки. Мальчик сначала вел его под руку, но потом, перемолвившись парой слов, они поменялись местами: теперь поводырь неспешно шагал впереди, а слепец за ним, правой рукой взявшись за конец поясного платка, а левой помогая себе посохом...

Хозяин постоянного двора качал головой и что-то огорченно шептал. Выражение его лица было просто-таки страдальческим.

Когда путники скрылись за поворотом, он, не переставая бормотать и поглаживая ладонью бороду, побрел вдоль внутренней стены своего караван-сарая.

Остановился, присматриваясь.

И вдруг, встряхнувшись, заорал бодрым и злым голосом:

– Салах, раздери тебя шайтан! Я сколько раз говорил воду в ведрах не оставлять! Я тебя вожжами отхожу, козел ты рогатый!

– Да это я на минуту поставил, хозяин... что вы так кричите?!

– Что кричите! На вас не кричать, вы вообще шевелиться не будете! Убери! А потом вот что, – он покусал ус. – Возьми осла. Погрузи те два одеяла, что я вчера принес. Поезжай в Кунар. Адеяла Бехрузу отдашь, скажешь, Салар прислал... да он и так поймет. И скажи, что к нему скоро большой человек придет. Царь поэтов Рудаки!

– Сам Рудаки?! – изумился Салах. – Правда, что ли? То-то я слышал, вчера болтали... а я не поверил. Что здесь самому Рудаки делать?

– Не поверил он! баран ты комолый!.. То-то и оно, что сам Рудаки! От повозки отказался, пешком плетется. С мальчишкой. Ближе к вечеру будут. Так и скажи. И пусть встречает как положено. Понял?

– Как не понять, хозяин! – обиделся Салах.

– Как не понять!.. Знаю я тебя. Смотри не перепутай... Да короткой дорогой езжай, а то позже них приедешь, с тебя станется!

– Да понял я, хозяин, понял...

* * *

По обе стороны от дороги тянулись дувалы, а за ними – зелень деревьев, крыши домов, дымы...

Дорога была пуста, только, не успели они отойти от постоянного двора на сто сажень, их обогнал какой-то человек на осле, а на окраине кишлака увязался пес: сначала облаял, яростно припадая на мощные передние лапы, когда же Шеравкан сделал вид, что, наклонившись, нашаривает камень, кинулся в сторону, поджав хвост, – должно быть, получал уже по горбу булыганом.

Но потом, сочтя, видимо, что исполнил свои обязательства и теперь ничто в родном Вабкенте не держит, потрусил следом, вывалив на сторону фиолетовый язык.

– Что за собака? – хмуро поинтересовался Джафар.

– Собака, – Шеравкан пожал плечами. – Обыкновенная.

– Уши рубленые?

– Рубленые.

– И хвост?

- И хвост.
- Волкодав, – определил Рудаки. – Кобель, сука?
- Шеравкан пригляделся.
- Кобель.
- Белый?
- Нет, не белый... желтый такой. Коричневатый. Как вода в паводок.
- Рудаки остановился и свистнул.
- Пес послушно подбежал и, униженно приседая, полез широким лбом под его ладонь.
- Ах ты зверюга, – бормотал Джафар. Он присел и огладил пса. Тот жмурился, норовя лизнуть руку. По лицу слепого блуждало подобие улыбки.
- Что это он к вам так?
- Чует хорошего человека... Да, зверюга? Чуешь хорошего человека?.. Как же тебя зовут?
- Пес сел, подняв голову, и стал с обожанием смотреть на него.
- Имя должно быть звучное, – рассуждал человек. – И оно должно хотя бы отчасти отражать характер предмета. То есть твой характер... Каков же у тебя характер? Несомненно, ты могуч и вынослив. Наверняка смел и предан. Не назвать ли тебя Батинитом?
- Почему так? – удивился Шеравкан. – Разве все батиниты могучи и выносливы? Смелы и преданны?
- Да нет, конечно, – отмахнулся слепец. – Просто на язык навернулось. Глупость, конечно... Ну а как?
- Не знаю...
- Джафар вскинул голову.
- Тебя зовут Кармат! – сказал он, как будто разглядев что-то в той тьме, что стояла перед его глазами. – Кармат! Верно? Я угадал?
- Пес оглушительно взлаял, закрутил обрубок хвоста.
- Угадал! Имя звонкое. И благородное. И не понравилось бы подлецу Гургану... Вот и хорошо! Ну что ж... Меня ты знаешь. А это Шеравкан, – Джафар протянул руку и привлек Шеравкана к себе. – Тоже хороший человек, будешь с ним дружить. Понял?
- Кармат потянулся к Шеравкану (у того сердце замерло: это же собака, что она понимает в человеческих разговорах?! а ну как бросится!) и, привстав, дружески боднул его тяжелой головой.
- Они миновали руины нескольких кибиток. Должно быть, эта окраина Вабкента когда-то подверглась нападению. Много лет прошло – в квадратах оплывших стен густо росли кусты жасмина, молодые урючины, карагачи.
- Арабы почему-то собак не любят, – негромко заговорил вдруг Джафар на ходу. Каждый второй его шаг отмечался хрустом гальки, в которую вонзался посох. – Они охотятся с ними. Даже из Рума привозят каких-то особых для охоты... хвастают друг перед другом... А вот не любят, и все тут. Может быть, потому что в Коране ничего о собаках не сказано? – задался он вопросом и тут же сам себе возразил: – Нет, погодика, как же!.. Сура восемнадцатая, “Пещера”. Там есть о собаке.
- Произнес арабскую фразу, пожал плечами и опять спросил:
- Но что тут сказано о собаке? Собственно говоря, ничего толком не сказано. Сказано, что она лежала на пороге, и если б ты ее увидел, то наверняка бы испугался. А какая она была, эта собака? Добрая? Хорошая? Или злая, непослушная? Помогала

людям, защищала их? Или готова была предать в любую секунду? Об этом Пророк умалчивает. Погоди-ка...

Шеравкан остановился. Мелькнула было прежняя мысль, что все-таки надо им шагать бодрее, а то они этак никогда не доберутся до Панчруда, – но оказалось, что прошедшие два дня обесцветили ее, и никакого волнения, раздражения эта мысль в нем уже не вызывала. Днем раньше, днем позже... И потом – Рудаки впервые заговорил с ним! Ну, то есть, не по определенному какому-то делу – воды принести или еще что, – а просто так, о собаке, о Коране!..

Кармат тут же подбежал под свободную руку человека, которого, вероятно, теперь считал хозяином.

– А в нашей Книге собака – священное животное, – бормотал Джафар, трепля пса по загривку и ушам. – Вот такая собачина священная... у-у-у, зверюга!.. Нам предписывалось даже такое: сначала кормить собак, а потом уж есть самим. В Авесте прямо сказано: голодные собаки очень волнуются, когда видят вкушающих людей, поэтому, как бы голодны вы ни были, кормите их первыми!.. А зубищи-то, зубищи! Сколько ж тебе, года четыре?..

Двинулись дальше. Дорога виляла мимо полей проса и пшеницы, легонько брала книзу, потом опять забирала вверх.

– Между прочим, вепрь – тоже священное животное Авесты, – сообщил Джафар. – Священное животное огнепоклонников.

Для Шеравкана это было – как гром с ясного неба.

– Вепрь? – ужаснулся он. – Свинья, что ли?

– Дикая свинья, кабан, – подтвердил Джафар. – Сам понимаешь, как дело обстоит теперь, когда мы должны быть мусульманами... В Коране сказано... – Он произнес фразу по-арабски, потом перевел: – В День воскресения Господь рассудит уверовавших с иудеями, сабиями, христианами, огнепоклонниками и многобожниками! То есть, многобожников пророк Мухаммад относит в одну сторону, а всех людей Писания – в другую. Ну и действительно, огнепоклонники – тоже люди Писания, люди Книги – Авесты... Однако возникает неустрашимое противоречие. С одной стороны, мусульманин готов согласиться с тем, что огнепоклонники – люди Книги. С другой – никакими силами нельзя ему втолковать, что кабан – то есть свинья – может быть священным животным. Мусульманин взял от иудеев, что свинья – это самое поганое, что может быть на свете. Хотя, честно говоря, лично я не понимаю, чем свинья хуже хоряка или фаланги... или, скажем, даже господина Гургана... Но все равно: правоверный мусульманин никогда не поймет, как это животное может называться священным... а поэтому и к огнепоклоннику будет относиться с подозрением... если не с ненавистью. Что, собственно говоря, и делает.

Джафар фыркнул – не то смешливо, не то презрительно – и замолчал.

Шеравкан повторил про себя: кабан – священное животное! Потом еще определенной: свинья – священное животное!..

– Я – не огнепоклонник, – буркнул он, чувствуя тошноту.

– Что? – не дослышал Джафар.

– Я – не огнепоклонник, – отдельно повторил Шеравкан, повернув голову.

– Ты? – удивился слепец. – А кто говорит, что ты – огнепоклонник? Нет, конечно, ты не огнепоклонник, не зороастриец, ты – мусульманин. Но предки твои были имен-

но огнепоклонниками. Люди Согда – а мы, в сущности, потомки людей Согда, согдийцев – поклонялись огню. В их глазах собака и вепрь несли на себе печать святости. Им даже приносили жертвы...

– Ну и что? – возмутился Шеравкан. – Какое мне дело?! Были и были!.. а я – мусульманин! И отец мой мусульманин! И дед – тоже мусульманин!..

– Но уж у твоего прадеда в доме наверняка был особый очаг, где всегда горел огонь! – с неприятной настойчивостью возгласил Джафар. – Огонь, воплощавший собой божественную силу!

– Да откуда вы знаете-то, что у моего прадеда в доме было?! – возмутился Шеравкан. Он, конечно, ничего не мог сказать про дом своего прадеда. Кто его там знает, какой это был дом. Но все равно: неприятно, когда кто-то берет – и, даже не спросив твоего мнения, тебя, мусульманина, записывает в огнепоклонники! Которые поклоняются свинье! Тьфу, гадость какая!

– Вы под ногами-то у себя ничего не видите, а уж в доме моего прадеда!..

Осекся – да ведь вырвалось уже, вылетело! Ах, господи, что он такое ляпнул!

– Джафар, простите... я хотел сказать, что...

– Ты можешь заткнуться? – высоким голосом крикнул слепец. – Давай шагай, вот твое дело!

Шеравкан заткнулся.

Джафар тоже молчал.

Молчал и Кармат – трусил следом, а то иногда сбегал с дороги и скрывался в зарослях, спугивая птиц. Потом возвращался и с озабоченным видом снова строился в колонну.

Они давно уж миновали последние строения Вабкента, да и окрестные его поля остались за спиной.

Джафар тяжело дышал, стал часто спотыкаться.

Устал, – решил Шеравкан.

– Может, отдохнем?

– Иди, иди, какое твое дело! – хрипло отозвался Джафар.

Прошли еще пару десятков шагов.

– Я ведь просто хотел... – начал было Шеравкан. Жалость сдавливала ему горло.

Но в этот момент стал слышен стук копыт и из-за поворота дороги со стороны Бухары показался всадник.

Он был одет в легкий зеленый чапан, а выбившийся конец белой шелковой чалмы весело развевался на ветру. Было похоже, что ему не приходит в голову мысль пощадить коня. Во всяком случае, вылетев из-за кустов, он круче пригнулся к шее жеребца, хлестнул его камчой, и тот, злобно оскалившись и непокорно мотнув головой, надал еще.

Шеравкан схватил Джафара за рукав и потянул к обочине.

– Джафар, в сторону! Там какой-то сумасшедший!..

Слепой заворчал и нехотя последовал за ним. Кармат тоже сунулся к обочине, но, похоже, приготовился к тому, чтобы с лаем броситься вслед.

Однако вместо того, чтобы с громом пролететь мимо пешех и исчезнуть, оставив только пыль, острый запах лошадиного пота да еще стремительный промельк силуэта, который долго еще будет таять во взгляде, всадник резко натянул поводья, заставив коня с храпом подняться на дыбы.

– Джафар? – крикнул всадник.

Слепой вскинул голову. Шеравкан заметил, что лицо побледнело, рука инстинктивно сжала посох, и весь он напрягся, как будто ожидая, что вслед за окликом из окружающей тьмы последует неожиданный и страшный удар.

– Я, – глухо сказал он.

Весело скалясь, лихой наездник снова поднял на дыбки ошалело заплясавшего жеребца и бросил какой-то темный комок.

– Это вам! – крикнул он, одновременно поворачивая коня и занося плетку.

Танцуя, конь крутнулся на месте, со звоном ударил копытами о камни – и уже через несколько секунд и всадник, и лошадь исчезли там, откуда появились. Только прозрачные волокна пыли плавно струились в солнечных лучах.

Джафар перевел дух.

– Ему бы скакуна своего... перековать, – запинаясь, сказал он. – Левая передняя у него... вот-вот отвалится.

На взгляд Шеравкана, скакун был несказанно хорош: буланный, сухой, с небольшой, как у всех карабаилов*, головой; и чепрак из белой кошмы; и арчак украшен серебряными гвоздиками; и медные стремяна, – разве такому не позавидуешь!.. Но левая передняя подкова и впрямь болталась на двух гвоздях, грозя вот-вот слететь с копыта. Шеравкан угукнул, мельком подумав, что, пожалуй, не каждый зрячий обратил бы внимание.

– Седло богатое? – озабоченно спросил слепой.

– Богатое.

– И конь хорош... Ну, тогда случайно, – сказал Джафар так, как если бы разрешился вопрос, касавшийся его собственного коня и подковы. – Пустился в путь, тут-то она и оторвись... Бывает.

Шеравкан между тем подобрал кошелек. Протянул:

– Вот, возьмите.

– Что это?

– Кошелек он, что ли, кинул... держите.

– Кошелек? Зачем он мне? Сам посмотри.

Пожав плечами, Шеравкан ослабил неподатливый сыромятный ремень, стягивавший горловину.

– Деньги, – сказал он, не в силах отвести взгляда от яркого золота. – Много.

– Много – это сколько? – брюзгливо переспросил Джафар. – Посчитай.

Стал считать.

– Пятьдесят динаров.

Господи! Целое состояние!

– Записки нет?

– Вот.

Машинально протянул было сложенный клочок бумаги слепому, но вовремя спохватился.

– Прочти.

– Я не умею...

---

* Карабаир – известная в Средней Азии порода лошадей, произошедшая от помеси туркменской лошади (аргамак) с киргизской. (Прим. ВС.)

– Не умеешь? Ну хорошо, – равнодушно кивнул Джафар. – Тогда хотя бы не потеряй. И деньги спрячь, пригодятся.

Он стоял, закинув лицо к солнцу, и, судя по всему, не собирался больше поддерживать разговор.

Шеравкан нахмурился.

Ничего себе! – пятьдесят динаров, а старик и ухом не ведет! Как можно такие деньги доверять незнакомым людям?! А если он возьмет сейчас – и деру даст с этим кошельком? Таких денег на всю жизнь хватит. А слепец – он и есть слепец: так и будет на дороге стоять. Ни догнать, ни даже глянуть, куда это его поводырь побежал... Вот беда-то, господи!..

Вздыхнув, сунул записку обратно, затянул горловину. Потом, озабоченно сопя, тем же ремешком привязал кошелек к поясу.

* * *

...то есть гордился ты даром слагать слова и считал себя лучшим среди людей. Не хотел знать, что дар твой – от Господа. Потерян ты был для веры. Никогда в душе твоей не было восторга перед Господом, и никогда ты не мог сказать прямо: верую! Потому-то и хуже ты последнего, потому-то и кровь твоя бесплодно кипит и мучается, потому-то и ад уготован был тебе на земле, и вся жизнь твоя – хождение по его пределам!.. Не видит тебя Господь, как ты не видел Его. Не верит тебе Господь, как ты Ему не верил. И не спрашивай теперь Господа. Никому не нужно твое жалкое существование... даже тебе самому!..

Поводырь не мог понять, почему слепец так тяжело дышит – как будто жернова катает. А ведь идут они еле-еле... Дурно ему, что ли?

– Ну, все, хватит, пожалуй! – оборачиваясь, произнес Шеравкан наигранно-бодрым тоном.

Успел заметить, как искажено лицо, как сильно, чуть ли не до крови, закушена губа...

– Слышите?

– А? – Джафар вскинулся, невольно стукнул посохом, пошатнулся, замер. – Что? Что ты?

– Я говорю, давайте все-таки отдохнем, учитель, – ласково сказал Шеравкан. – Садитесь, вот хорошее место.

Тот стоял, вскинув голову и как будто не решаясь согласиться. Помедлив, все же подчинился чужой воле... нехотя сделал шаг в сторону. Потыкал палкой, пощупал Камень. Теплый камень. Но в тени. Хорошо.

Сел, перевел дух. Морок отчаяния отступил...

Кармат сел у ног, вывалил язык, поднял морду, ища хозяйского взгляда, потом почти неслышно заскулил.

Джафар положил ладонь на лобастую голову, потрепал загривок.

Господи. Боже ты мой. Великий, Милосердный.

– Почему ты зовешь меня учителем? – хмуро спросил он, пристраивая посох. – Разве я учу тебя чему-нибудь?

– Ну... не знаю...

Шеравкан замялся. Голос Джафара показался ему каким-то едким, что ли... не простил, значит.

– Вы же ученый, – нашелся он.

– Ученый! – слепец хохотнул и покачал головой. Повторил, будто удивляясь этому слову: – Ученый!..

Некоторое время сидели молча. Пес подошел, растянулся у ног, щурясь в ожидании ласки, сунул лобастую голову под ладонь слепого.

Джафар вздохнул.

– Вот ты говоришь, что я ничего не вижу даже у себя под ногами...

– Да не хотел я вас обидеть! У меня вырвалось просто... Это же поговорка такая. Все так говорят! Вот и сказал нечаянно...

– Да ладно тебе, – Джафар махнул рукой. – Ерунда какая. Я уж и думать забыл...

«Как же, забыл!» – хотел укорить его Шеравкан. Сдержался.

– Я не злопамятный, нет... – пробормотал Джафар, как будто отвечая на его мысли. И вдруг сказал совсем другим тоном, как будто посмеиваясь: – Под ногами не вижу, это правда... Что делать!

Помолчал. По лицу блуждала усмешка.

– Сейчас ведь день, да?

– Ну да, день, – подтвердил Шеравкан эту самоочевидную, на его взгляд, истину.

– Солнце?

– Солнце.

– Звезд не видно?

Шеравкан хмыкнул. Какие звезды среди бела дня! Опять он смеется, что ли?

– Не видно, – терпеливо сказал он.

– А вот я вижу, – вздохнул слепец. – Вот они. Вон.

Еще круче задрал голову.

– Вот.

Протянул руку, стал показывать пальцем.

– Вон южная клешня Скорпиона*. Видишь? Кривая такая... А вот северная клешня... Вот Ковш. Эти две, что образуют стенку, – Указатели... во-о-он куда они указывают – на Северную звезду. А последняя в ручке ковша – она по-арабски зовется «аль-Каид банатнаш», а по-нашему – «Предводитель плакальщиц»... Потому что – видишь? – плакальщицы впереди, их ведет предводитель... а уж следом погребальные носилки... Каждая звезда ковша тоже носит собственное имя. «Дубхе» значит «медведь»; «Мерак» – «поясница»; «Фекда» – «бедро»; «Мегрец» – «начало хвоста»; «Мицар» – «кушак» или «набедренная повязка»... Между прочим, совсем рядом с Мицаром, совсем близко – звездочка «Алькор», то есть «незначительная». Видишь ее?

– Как не видеть, – буркнул Шеравкан, озираясь.

Солнечный свет заливал зелень, камни на дороге сверкали, волны травы переливались под ветром в дневном сиянии. Происходило что-то колдовское.

– Молодец! – похвалил слепой. – Значит, хорошее у тебя зрение! Еще Искандар Великий проверял зоркость своих солдат по этой звезде!.. А всего Медведя видишь? Ковш – это верхняя часть его головы и седло. А там, куда упираются его ноги, шесть

---

* Южная клешня Скорпиона ныне относится к созвездию Весов; «падающий орел» – в русской астрономии закрепилось название Вега; созвездие Охотник – Орион; от «Байт ал-джауза» происходит современное название – Бетельгейзе. (Прим. авт.)

звезд попарно лежат на одной прямой. Они называются «три прыжка газели». И впрямь – похоже на отпечатки копытец, да?

Он повернул голову, как будто ища взглядом лицо поводыря.

– Не знаю...

Джафар вздохнул и снова задрал голову к небу.

– Эта яркая звезда – «Ан-наср ал-ваги», то есть «падающий орел». Падающий на добычу, нападающий... А вот созвездие Охотник. Встал на полнеба... Самая яркая его звезда – «Байт ал-джауза», то есть «плечо охотника». Когда смотришь на нее зимней безлунной ночью, она кажется красноватой, как Марс.

Он замолчал, склонился, опершись на посох.

– Понимаешь, иногда проще разглядеть что-то в небе, чем под ногами... Ну да ладно. Нас ждет брат этого, как его...

– Салара, – сказал Шеравкан.

– Салара, да, – кивнул Джафар. – Такой же, должно быть, добрый человек. Тоже небось будет объяснять, что ему наплевать, вижу я что-нибудь или нет...

Шеравкан чувствовал – злость прошла, осталась только насмешка.

– Так что, Шеравкан? Пойдем?

Это предложение прозвучало совсем мягко. Даже почти ласково.

– Пойдемте, – согласился он. – Вы только не спешите. Не надо.

– Да я и не спешу, – пожал плечами слепой. – Куда мне спешить? Пошли, собачище! Кармат послушно встряхнулся, сел, в ожидании начала вывалил на плечо жаркий язык.

Шеравкан протянул Джафару конец поясного платка.

Другой рукой машинально потрогал кошелек – на месте ли.

* * *

Дорога огибала пологий холм. Казалось, что холм подрагивает, зыблется – но это просто высокая трава на его верхушке волновалась и текла под порывами ветра. Справа лежала степь – широко простиралась вдаль струящейся зеленой тканью. Переливчато вытканная пестрыми нитками цветов, островками кустарника, несколькими рощицами дикой оливы, она жила и двигалась. Ветер выворачивал наизнанку узкие листья джиды, и деревца то серебрились, то снова закрывались густой зеленью. По левую руку сколько хватало глаз тянулась цепь холмов, а где-то совсем далеко, в дымчатой дали горизонта, к которому небо сходилось, как сходится к берегам, мелькая, голубая вода хауза, призрачно прозревались коричнево-бурые неровности гор.

Шеравкан с удовольствием вдыхал воздух, несший густые, пряные запахи, с удовольствием поглядывал по сторонам, позволяя взгляду свободно скользить по залитому солнцем пространству окрестного мира.

Беспокойство, так томившее его поначалу, отступило. Просто не нужно было думать, как скоро они придут в Панчруд... днем раньше, днем позже – какая разница? И потом: он ведет не случайного бродягу, а самого Рудаки!..

Вообще, все было хорошо, и если бы не стук посоха за спиной, не рывки, передававшиеся ему от руки слепого, крепко державшего конец поясного платка, он вообще, наверное, был бы счастлив.

Эти рывки его не раздражали, нет.

Но Джафар шагал следом, и Шеравкан то и дело возвращался к мысли о том, что тот ничего не видит. Как много солнца кругом: переливается листва в его лучах, поблескивают камни, синее небо, белые праздничные облака неспешно скользят по его лазури! – а он совершенно слеп и ничего не видит.

Вот несчастье-то!..

Как это – быть слепым? Быть Царем поэтов, а потом попасть в немилость... потерять глаза под ножом палача... как это?

Шагая, Шеравкан пытался размышлять о том, как Джафар жил прежде, – но не мог даже вообразить себе этой жизни.

Вот кошелек с пятью десятками динаров – это оттуда, из той жизни. Честно сказать, он его то и дело трогал. Поначалу эти прикосновения доставляли ему горделивое удовольствие – пусть и не твои, а все же приятно чувствовать тяжесть золота!.. Потом ему стало казаться, что с каждым его шагом кошелек все тяжелеет и тяжелеет. Глупость, конечно: ничего не тяжелеет, висит себе и висит. Но мысль, раз поселившись, уже не покидала головы. А ну как оборвется? Пятьдесят динаров! – подумать страшно. Вообще, почему Джафар велел ему нести этот кошелек?.. нес бы сам... Правда, ему, слепому, должно быть еще страшнее иметь дело с такими деньгами... такие деньги и у зрячего-то попятят, не успеет он глазом моргнуть... за такие деньги и ножом пырнут, не задумаются... нет, хорошо все-таки, что молодой эмир переловил всех воров и разбойников... молодец, вон сколько голов по весне на кольях торчало... правда, это были карматы, а не разбойники... Ладно, хорошо, он будет их беречь... если бы у него были сапоги, можно было бы сунуть кошелек за голенище... нет, пожалуй что и не поместился бы за голенище-то... вот еще забота!..

А Джафару плевать на этот кошелек.

Похоже, у него таких много было. Очень много.

На то он и придворный. На то и Царь поэтов. Кто возле эмира трется – тот богато живет...

Собственно, все его сведения о жизни приближенных к эмиру складывались из того, что время от времени рассказывал дядя Фарух. Дядя Фарух служил при казнохранилище Шатров – правда, в очень незначительном чине, бесконечно далеко от, скажем, звания Мастера с перевязью, заведовавшего там всем хозяйством.

Дядя не скрывал, что занимается почти исключительно тем, что в компании с напарником ворочает, когда требуется, тяжелые тюки с шатрами, точнее – с их деталями.

Большинство их было сделано из разных драгоценных тканей, вытканых узорами, причудливыми орнаментами, а также слонами, львами, лошадьми, павлинами и прочими птицами и хищными зверями. По словам дяди, на самых старых, сильно траченных вековой жизнью, попадались и человеческие изображения. Обитые изнутри златотканой парчой и кимекабом, снабженные необходимыми принадлежностями – столбами с серебряной оковкой, золочеными канатами, медными крюками и кольями, – они представляли собой серьезный груз. Перевозка самых скромных обходилась двадцатью верблюдами, а средние и большие занимали не меньше сотни. К таким относился, например, четырехугольный шатер с четырьмя стенами и крышей на шести столбах, а еще два поддерживали навес над входом. Затем – большой круглый шатер, державшийся на столбе высотой в шестьдесят пять локтей и состоявший из шестидесяти четырех частей, крепившихся друг к другу застежками и шнурами.

Его сконструировали и соорудили по приказу эмира Убиенного – сто пятьдесят мастеров работали в течение девяти лет, и обошелся он в тридцать тысяч динаров. Этот шатер являлся почти точной копией старого шатра «Катуль», изготовленного при Исмаиле Самани, но столб был выше, а сам шатер – шире и просторнее. Что касается самого «Катуля», то название свое – Убивающий – он получил за то, что его расстановка, в которой участвовали двести человек, не обходилась без несчастных случаев и два или три прислужника непременно погибали...

Шеравкан вздохнул.

Тот мир всегда представлялся миром благополучия. Миром неизбывного счастья.

А теперь выходец из этого мира нетвердо бредет за ним, держась за конец поясного платка... разве можно такое себе представить?!

Он оглянулся.

По лицу Джафара струился пот.

* * *

А ведь он испугался. Да еще как испугался – сердце застучало, ноги ослабли. Думал – все... прислали добить!.. и он испугался.

А за что испугался? Выходит, за жизнь.

Вот так. Испугался за жизнь.

А еще несколько дней назад говорил себе, что лучше смерть, чем такая жизнь. Разве нужна ему такая жизнь? Нет, не нужна.

Так он говорил себе. Да и сейчас так же скажет... вот только сердце перестанет колотиться.

Нет, такая жизнь не нужна, нет.

И вот надо же: испугался.

Приблудная собака доверчиво сунулась мордой в колени – и уже жалко оставить эту собаку, уйти от нее. Мальчишка идет рядом – уже и к мальчишке привязался... «Под ногами у себя не видите!..» Что за злой дурачок!

Испугался, да.

А ведь и в самом деле Гурган мог бы кого-нибудь послать. Пораскинул умишком – и послал. Да и впрямь, зачем еще одному слепцу-побирушке (ведь будет, будет побираться, хоть ему и запрещено!) таскаться по дорогам благословенного Мавераннахра? Ни к чему. Поезжай-ка, Садык... или кто там?.. Салих! – сними с него голову.

Вот он и испугался, подумав об этом... кровь прихлынула к сердцу от ужаса... а если рассудить, это могло бы стать избавлением.

Разве нет? Разве лучше во мраке перебирать ногами дорожные камни? Зачем? Что его ждет? Эта темнота не рассеется... рассвет не наступит. Вечная ночь? – лучше уж вечная ночь без чувств, без мыслей...

Да, мог бы послать. Он ведь совершенно безжалостен. Как скорпион. Нет, скорпион жалит защищаясь, а этот!..

Джафару вспомнился кишлак Бистуяк... Когда это было? Года три назад. Эмир Назр уехал в Герат. Да так крепко засел, что в конце концов пришлось за ним ехать... Хаджиб двора умолил: Джафар, дорогой, ради всего святого!.. Теперь эту историю какие-то придурки рассказывают на постоянных дворах от своего имени... Прав Шахбаз Бухари: вот она, настоящая слава! Смешно...

Старшему сыну эмира Назра Нуху было тогда... лет пятнадцать ему тогда было. Или шестнадцать. Назр оставил его сидеть вместо себя на троне. Ну, не эмиром, конечно... но все же человеком значительным: сын эмира все-таки, не пучок моркови. Вроде как заместитель. Гурган всегда крутился возле Нуха. Тоже, в сущности, пацан – года на три старше. Но из ранних: хитрый и, главное, жесток не по годам. Все нашептывал мальчишке, что нужно быть твердым... нужно быть сильным!.. жалость свойственна слабым... сильный человек тверд и безжалостен!.. Джафару доводилось слушать его рассуждения... с трудом сохранял невозмутимость.

И вот случилась эта история с несчастным кишлаком.

Он спешил тогда – хотел догнать, попытаться остановить... На полпути встретил уже возвращавшуюся с дельца сотню. Гурган скакал во главе, конь-о-конь с командиром. Завидев его, сорвал с головы чалму, издевательски весело завертел в воздухе, как будто мчался с праздника и приглашал к продолжению...

Тропа выползла на бугор, ветер погладил лицо прохладной ладонью. Наверное, отсюда далеко видно – степь волнуется, блестит... чаша неба кругла и бездонна.

Как это прекрасно – видеть.

– Давай передохнем, – попросил Джафар. – Вода осталась?

Шеравкан помог ему сесть, дал напиток.

– Слышал о таком кишлаке – Бистуяк? – спросил слепец, проводя тыльной стороной ладони по губам.

– Бистуяк? – Шеравкан покачал головой. – Нет, никогда...

Бистуяк. Гурган

*Не вспоминай о тех,
Кто убивает с наслаждением, –
От рассказов о них
Поседеют наши новорожденные дети!..*
Усама ибн Мункыз

Во владении дихкана* Нурибека было три селения: Яктанан, Дутанан и Бистуяк. Жил Нурибек хорошо, по достоинству и положению, по закону, на который, слава Аллаху, никто не покушался. А если покушался, хотя бы тем, что исполнял от века заведенное без должного усердия, то несколько крепких парней, состоявших у Нурибека нукерами, быстро напоминали неразумному, что к чему в этом мире.

Нукеров Нурибек брал из дальних кишлаков, чтоб ни родни, ни друзей у них в его владениях не было. Знались только друг с другом, получали неплохое содержание и к местной голытьбе относились свысока, даже с презрением. Ну и понятно: человек хорошо одет, крепко подпоясан, на добром коне, со жгучей камчой в умелой руке, с мечом на поясе, а мужик «коси-копай» вечно в грязи возится, – есть разница?

К жалобам и стонам своих крестьян Нурибек относился спокойно. Знал – у них сове-

* Дихкан – землевладелец, помещик. (Прим. ВС.)

сти ни на воробьиный хвост, надобы да жалобы никогда не кончаются. Им, дармоедам, палец протяни – ладонь попросят, дашь ладонь – по локоть отхватят. Хоть бы раз что-нибудь новое придумали, так нет – долдонят как заведенные все одно и то же. Что им ответить? Посевы град побил? – ну, брат, я за Господа не ответчик. Оброк велик, а урожай никакой? – так вези весь! И теперь не хватает расплатиться с дихканом за его милости? – ну показывай тогда, что в доме есть, а нет ничего, так смотри кабы дочь не пришлось отдать, а не то самому брести с ярмом на шее, в дихкановой яме сидеть!..

Почему-то особенно тяжело жизнь складывалась у жителей кишлака Бистуяк. Ну да Аллах сам ведает, что кому на роду написано – кому беком быть, кому под плетью корчиться. Так, должно быть, и жили бы дальше, перемогаясь, крохоборствуя и голодуя, лишнюю миску зерна почитая за великое достояние...

Но однажды пришел в кишлак один старик.

Он появился в самый солнцепек, часа в четыре пополудни. В белесом небе висел коршун, безнадежно выглядывая попрятавшуюся в норы мелкую живность, иссохшая желтая трава пахла горячей пылью, волнами накатывал заунывный звон цикад и кузнечиков.

Старик вошел в кишлак со стороны предгорий – должно быть, спустился по тропе, петлявшей по увалам холмов.

Подойдя к крайнему дому, оглядел пустой двор, затем постучал клюкой по плетню. Когда Фарух выглянул из двери своей кибитки (покойный дед его одно время разводил коз, за то и звали Фаруха «козлятником»), старик завел дребезжащим голосом:

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!..
Вся хвала надлежит Аллаху, Владыке всех миров!..
Милостивому, Милосердному!..
Властителю Судного Дня!..

Фарух покорно дослушал фатиху до конца и в свою очередь пробормотал:

– Во имя Аллаха Милосердного!..

– Хлебушком не богат ли, сынок? – поинтересовался старик, моргая подслеповатыми глазами.

– Хлебушком! – Фарух почесал затылок под засаленной тубетейкой. – Ячмень уж весь подъели, а ты говоришь – хлебушком...

– Ячмень? – удивился старик. – Да-а-а... Ну, спаси тебя Аллах, сынок.

Фарух-козлятник смотрел ему вслед, потом крикнул:

– Отец, ты у нас и фасолой не разживешься! Шагай лучше в Яктанан, там народ побогаче живет! Там тебе подадут!

Но старик то ли не дослышал, то ли не поверил. Правда, и по плетням больше не стучал. Оглядывая кособокие кибитки и голые дворы, лишь кое-где стыдливо прикрытые зеленью, добрел до кишлачной площади.

– Ты смотри, какое дерево! – удивленно пробормотал он, задирая голову. – Храни тебя Господь!..

Чинара, высившаяся на краю площади, и впрямь была немалой – вековая, корявая. Обхватить ее смогли бы, пожалуй, человек восемь, да и то пришлось бы тянуть руки изо всех сил. Земля вокруг была вытоптана. И сейчас в тени, сбившись в кучу, пере-

жидали жару чьи-то бараны. Мощные корни, у ствола выпиравшие из земли, крепко держали в своих тесных объятиях несколько валунов. Прямо над одним из камней, возвышавшимся на четверть человеческого роста, зияло огромное дупло. Видно, когда-то ударила молния, дерево наполовину выгорело, но все-таки устояло и продолжило жизнь.

Старик обошел вокруг, приглядываясь.

В дупле валялась ореховая скорлупа и шелуха семечек – должно быть, дети, играя, считали его пещерой Аладдина или царским дворцом...

Задумчиво потыкав в дупло клюкой, он снял свой ветхий чапан, оставшись в холщовых штанах и рубахе. Встал на валун, постелил чапан, залез сам и лег, свернувшись калачиком и подложив под голову котомку.

Под вечер, когда жара спала, к чинаре сбежалась ребятня. Дети долго стояли, глядя на торчавшие из дупла босые ступни, перешептывались и прыскали. Когда ступни зашевелились, они настороженно замолкли. Из дупла высунулась всклокоченная голова. Старик оглядел их, пригладил волосы и бороду, намотал чалму и сел, свесив ноги.

– Храни вас Господь, – сказал он, озирая детишек. – В Бога верите?

Дети пытались спрятаться друг за друга, теснясь, как бараны в жару, но в конце концов старший смело сказал:

– Верим! А ты кто?

– Я-то? – переспросил старик, почесывая бороду и зевая. – Да вот шел мимо... смотрю – кишлак. Странник я.

– Странник... странник! – залопотали друг другу мальчишки. – Странник он!..

– Странник, да, – задумчиво повторил старик. – А вот кто смелый-то из вас?

Перешептывание и стеснение кончились тем, что вытолкнули самого маленького:

– Он смелый! Вот он!

Тот пятился, глядя на пришлеца полными слез глазами, но его снова выпихивали вперед.

– Вижу, что смелый, – согласился старик. – Ну а ты, – он показал пальцем на старшего, которому было лет десять. – Ты разве не смелый?

– Не знаю, – смутился было тот, но здесь же нашелся: – У меня дядя – охотник!

– Вот видишь, – кивнул старик. – Как же ты можешь не быть смелым, если твой дядя охотник? Неужели опозоришь его?

– Нет! – мальчик замотал головой.

– Ну, а раз ты тоже смелый, принеси-ка воды испить, – попросил старик, протягивая ему тыквенную чашку. – А я за это про тебя Махди слово замолвлю...

Минут через десять они уже крепко подружились. Мальчишки уселись на камни и корни вокруг дупла и, раскрыв рты, слушали, что толковал им старик, назвавший себя хаджи Мулладжаном.

– Э-э-э! – говорил он, качая головой. – Где я только не был! Земля большая – идешь-идешь, а все края нет. До самых морей доходил! Большое чудо! Смотришь – только вода впереди!

– И другого берега не видно? – недоверчиво спросил кто-то.

– Не видно! – подтвердил Мулладжан. – Одна вода!

Мальчишки по-взрослому зацокали языками, демонстрируя свое изумление.

– Бывает, волнуется оно, кидается на берег, камни ворочает, о скалы бьется... А ко-

рабли – ничего, не боятся, плавают! – старик покачал головой, будто сам изумляясь бесстрашию кораблей. – И в пустынях ходил...

– А в Мекке были? – спросил старший.

– Сколько раз! – Мулладжан махнул рукой, будто речь шла о чем-то совсем незначительном. – Когда впервые попал – вот радости-то! А потом уж не так... Да ведь, если подумать, есть люди, которые всегда в Мекке живут! И что? Живут себе и живут, совсем как те, кто в иных местах... женятся, детей воспитывают, скот пасут... ну совсем как простые! Иные как мечтают туда попасть – прямо с ума сходят! Пускаются в дорогу, сколько всяких страданий переживают, многие и погибают в пути! А эти родились себе – и живут! – Мулладжан хихикнул, как будто не в силах осмыслить этот парадокс. – Живут – и все им ничто!

Когда солнце, прячась за холмами, сначала вызолотило листву чинары, а потом залило ее нежным розовым светом заката, пришел подросток и, вежливо поздоровавшись с гостем, погнал домой баранов.

Скоро он вернулся, снова поприветствовал хаджи и поставил на край дупла миску мучной похлебки.

– Отец вас просит принять это угощение, – сказал он. – Помолитесь за его здоровье, пожалуйста!

– Как зовут твоего отца? – спросил старик.

– Фардод, – ответил подросток.

– Господь, храни Фардода за его щедрость! – радостно возгласил Мулладжан. – Прости ему все сразу, если сможешь!..

* * *

Фардод – сухощавый, дочерна загорелый человек в обычном крестьянском тряпье (одна штанина была у него почему-то короче другой – то ли собака рвала, то ли просто холста не хватило) и с неровно постриженной седеющей бородой, был первым, кто пришел вечером к чинаре.

Он поклонился, поприветствовал странника, осведомился о его здоровье, о том, легкой ли была дорога, а в ответ выслушал множество благословений. Пришлось почему-то к слову, и хаджи Мулладжан подробно рассказал ему о земле Арка, где живут огромные скорпионы, а также твари, именуемые алфис: у них человечесьи лица и руки, пасти собак, бычьи ноги, козьи уши и баранья шерсть, они страшны, но питаются собственным жиром, покрывающим их живот и груди, и поэтому совершенно безопасны. Услышав вдобавок, что когда у людей наступает день, на землю Арка опускается ночь, Фардод, не переставая изумленно качать головой, забрал пустую миску и распрощался, пообещав утром прислать сына с полной.

Ночь была тихой – полупрозрачной, вышитой звездным бисером.

День прошел у всех по-разному, у хаджи Мулладжана – в молитвах. По вечернему холодку под чинарой собралось несколько стариков. Фардод привел Фаруха-козлятника – тому хотелось узнать, правда ли, что есть на свете земля, у обитателей которой козлиные уши. Но старики подняли его на смех, указав, что существуют и более интересные предметы для рассуждений и рассказов, поостерегшись, впрочем, произносить вслух его прозвище. Фарух обиделся, но перечить не посмел.

Так и пошло. Каждый вечер сходились к дуплу люди, и странник, по-птичьи вы-

глядывая из него, рассказывал им всякую всячину – толковал о чужих краях, об обычаях и норовах, о чудесах и диковинах. Говорил темно, все больше обиняками да загадками, пересыпая рассказы бесчисленными байками и притчами. Часто вспоминал, что засиделся он, что пора ему дальше по свету шагать, нести добрую весть, от которой поет у него душа и Божий свет кажется веселым и радостным.

– Не спешите, уважаемый хаджи, – уговаривали его и старики, и мужчины. – Разве вам у нас не хорошо?

– Хорошо, хорошо, – кивал хаджи Мулладжан. – Да ведь надо, надо!

И снова бормотал, сбиваясь с одного на другое, с пятого на десятое, часто повторяясь, но все же заставляя слушателей просеивать муку его речей через сито их внимания.

Весть, которую старик нес по миру и не уставал повторять здесь, была о двенадцатом имаме правоверных – Махди.

По словам Мулладжана, Махди должен появиться на земле перед самым концом света. Он придет, и Аллах распространит на него свою милость и благословение. Имам Махди наполнит мир справедливостью и равновесием – вместо прежнего угнетения и неравенства. Он разделит между людьми блага земные с совершенной беспристрастностью, справедливо и честно, во всех спорах отделит ложное от истинного. Никто при нем не останется в нужде или унижении. Он сделает бессчетными и безграничными все богатства. Само слово «богатство» потеряет смысл, потому что ни в чем богатый не будет отличаться от бедного. Ибо набирает он в ладонь грязную воду из лужи, а вынимает полную горсть динаров, а каждый, кто припал к нему душой, будет съедать всего горсточку каши или финик – и того ему хватит, чтобы сполна насытиться.

Обе руки его будут правыми, и такова благодать, что даже Иисус, лицо Аллаха, снизойдет, чтобы молиться за него. Земля озарится пронзительным светом Творца, в котором легко будет людям отделить правду от лжи, а империя Махди распространится до краев Востока и Запада. Люди станут счастливыми, князья – добрыми, все будут жить в мире и согласии, относясь друг к другу истинно по-братски...

Конечно, если бы в кишлаке Бистуяк имелась мечеть, а настоятель ее был человеком более или менее сведущим в толках ислама, он бы, конечно, немедля подверг слова пришельца суровой критике. Он объяснил бы односельчанам, что образ Махди порожден в самых черных недрах шиизма, напоенных ядом сатаны и опаленных жаром близкой геенны. И что все это – ересь, ересь в самом страшном смысле этого слова, пришелец же – злостный, нераскаянный еретик и грешник, и его ждет скорый суд и расправа. Им же, простым труженикам, исповедующим суннизм (то есть следующим путем, заповеданным самим Мухаммедом, а не одним из его родственников, норовившим после смерти Пророка урвать свой кусок власти и влияния, что и вызвало раскол), следует крепко-накрепко закрыть врата своего внимания перед соблазнительными словами этого негодяя.

Но муллы не было, никто не мог объяснить крестьянам, кто сей на самом деле. И, напротив, всякому было понятно, что хаджи Мулладжан – человек благочестивый, пустыми выдумками пробавляться не будет, словам его можно верить. Что же касается конца света, то изнемогающим в нищете и непосильной работе жителям кишлака Бистуяк и так было ясно, что до него рукой подать.

Люди переглядывались. У кого-то по лицу блуждала смущенная улыбка – так хо-

телось, чтобы Махди появился скорее! Кто-то хмурился – с горечью думал о том, как много опасностей подстерегает сошедшего в мир пророка...

– Мы не знаем правды, Аллах еще не открыл нам глаза, – говорил странник, приветливо улыбаясь и кивая. – Где Махди? Где странствует сейчас, где скрывается? Нам неизвестно. Отцом его был одиннадцатый имам, потомок пророка Мухаммада, а мать – румская принцесса по имени Наргис, ведущая род от Симона-Петра, наследника Иисуса. Было ей чудесное явление: рука об руку пришли дочь пророка Фатима и Мария и в один голос сказали, что она должна быть мусульманкой... Мальчик рос красивым, просветленным, умным, милосердным. Ему было пять лет, когда имам Хасан умер. И не успела душа одиннадцатого имама взлететь к райским кущам, как его сын Махди, который должен был стать двенадцатым, исчез!..

Много раз повторял свою повесть хаджи Мулладжан, и всегда люди, услышав это, ахали, прижимая руки к щекам и горестно переговариваясь:

– Исчез! Ты представляешь, он исчез! Как же так? Исчез!..

– Да, исчез, – продолжал странник. – Аллах накинул на него волшебное покрывало. Махди стал невидим нам, чьи глаза залиты ложью и насилием. Махди переселяется из одной местности в другую, кочует по странам и климатам, смотрит на нашу жизнь, ждет того часа, когда сердца наши очистятся и мы будем готовы принять его. Прозвучат слова Аллаха, Махди снимет покрывало и исполнит предназначенное!..

– Господи! – качали головами слушатели. – Скорей бы!..

– Может быть, он принимает иные обличья? – спрашивал старик, задумываясь, бормотал несколько слов молитвы и отвечал сам себе, просветленно улыбаясь: – Конечно! Он всегда с нами, хоть и невидим! Мы можем надеяться на него, он всегда рядом и всегда готов помочь. Вот птица щебечет в ветвях – может быть, это голос Махди? Ветер шуршит в траве – мы не понимаем слов, а ведь это речь Махди! Река гремит на камнях – мы не знаем, что она пытается втолковать нам, а ведь это проповедь Махди!..

– Велик Аллах! – перешептывались собравшиеся, и кое-кто утирал слезы, набежавшие на жадные до счастья глаза.

– Может быть, родится в вашем селе ребенок – и душа и сущность Махди вселятся в него?

– В нашем селе! – перешептывались сельчане, невольно поеживаясь. – Поверить только: в нашем селе!..

– Да, он родится, и все цари земли принесут ему в дар свои богатства! Алмазы, рубины, изумруды, сапфиры – все это будет лежать перед ним, как пыльные камни на дороге! А он не протянет к ним руки! Он только рассмеется, глядя на этот мусор. Он всему знает истинную цену! Потому что он – Махди!..

Все больше волнуясь, хаджи простирал руки из дупла, как будто желая обнять весь мир.

– Как бы я хотел дождаться этого дня и поклониться ему! Как бы я хотел принести в дар Махди лал Джамшеда!

* * *

В большом доме дихкана – массивном, с толстыми глиняными стенами, – царствовала прохлада.

– Лал Джамшеда, говоришь? – повторил дихкан Нурибек, задумчиво отхлебывая из пиалы и щурясь. – Рубин, значит?

– Да, господин, – подтвердил Ишанкул, исполнявший в доме должность управителя. – Садык так и сказал: дескать, хочет старик отдать свой рубин. Прежде, мол, им Джамшед владел. А теперь, стало быть, у него. То и дело об этом толкует. И басни всякие рассказывает. Где был, что видел.

– Ишь ты!..

– Народ слушает его... как муллу прямо, – добавил Ишанкул.

– Как муллу! – дихкан поморщился. – Понятное дело: мечети-то нету. Нет чтоб собраться да построить... да настоящего муллу нанять. Так они все только клянчат: мечеть бы нам!.. Понимаешь? Мечеть бы им, бездельникам!

Нурибек с досадой сплюнул.

– Кормят его, – сообщил Ишанкул. – Кто супу нальет, кто какого-нибудь печева сунет. Хлеба кусок... или там поминки у кого.

– Во! – со злобным удовлетворением отозвался дихкан. – Как оброк нести – у них нет ничего. А как бездомного болтуна кормить – так с нашим удовольствием!

– Соломы ему принесли. Насовал в дупло, лежит, как на перине. И чапан второй откуда-то появился, – Ишанкул покачал головой, недоумевая. – Рваный, правда.

– Придурки, – презрительно процедил Нурибек. – Чапаны дарят со своего плеча. А он вон чего, оказывается. Рубины у него. Нет, ну ты скажи, откуда у него рубины?

Управитель пожал плечами.

– Шайтан его знает, – сказал Ишанкул с сомнением в голосе. – Может, господин, и нет у него никаких рубинов, а? Может, старик болтнул что по глупости – вроде как пошутил, – а мы тут себе голову ломаем.

– Ну конечно! – От слов управителя Нурибека бросило в жар: так не хотелось отказываться от мысли, что старик таскает с собой бесценный рубин. – Что ты несешь?! Опомнись! – хриплым от гнева голосом сказал он. – Не зря же старикашка его лалом Джамшеда называет! Разве станет человек такими вещами попусту бахвалиться?! А если кто-нибудь показать попросит – тогда что?!

– И то правда, – подумав, согласился управитель.

– То-то же... Я тебе больше скажу: эти нищоброды – самые богатые на свете люди, – убежденно заявил дихкан, шевеля усами от обуревающей его страсти. – Самые богатые, точно тебе говорю. Просто они все свое имущество где-то прячут, чтобы ни с кем не делиться. Деньги, камни... золото! Зарывают, должно быть, в неприметных местах. Или в пещерах каких... Вот и выходит: сам шатается по деревням, миску похлебки клянчит, а у самого где-нибудь тысяч сто закопано!..

– Дирхемов? – уточнил Ишанкул.

– Как же, дирхемов! Динаров, конечно!

Нурибек замолчал, сердито супясь.

– Ну хорошо... Позови-ка этого Садыка, – приказал он, но тут же остановил слугу взмахом ладони: – Хотя нет, вонища от них от всех... не продохнешь. И так все ясно. Ну его. Дай что-нибудь, и пусть проваливает.

– Что дать, господин?

– Что дать, что дать... – Нурибек озабоченно побарабанил пальцами по колену. – Меру пшеницы... постой, лучше вот что: полмеры отсыпь.

- Понял, – Ишанкул направился к дверям.
- Погоди-ка, – опять остановил его дихкан. – Что я несу – полмеры! Куда ему полмеры? Четверть дай. Четверть – в самый раз!
- Хорошо, господин, – кивнул Ишанкул, снова склоняясь в поклоне, но теперь уж больше для того, чтобы спрятать невольную усмешку.
- Когда управитель сделал шаг к двери, Нурибек взволнованно вскочил с подушек.
- Стой! Стой! Давай-ка рассудим!
- Ишанкул покорно остановился, ожидая уточнения приказа.
- Ведь я – его хозяин, а он – мой раб. Верно?
- Верно.
- Если верно, почему я должен давать ему зерно?!
- Ишанкул подумал.
- Можете не давать, – в конце концов сказал он, безразлично пожав плечами. – И впрямь, зачем ему зерно? Только ведь тогда он это...
- Управитель почесал левую залысину.
- Что?
- Не придет он в следующий раз...
- Не придет в следующий раз, – повторил Нурибек, осмысляя сказанное. – А ведь и правда... Вот сволочь! Я ему и то, и се, и пятое, и десятое, и зерна вот дать хочу – а он, значит, плевал на меня вместо благодарности: не придет, чтобы дихкану своему какую-никакую новость сообщить! Ну не сволочь?! Да ему за такое не зерна, а плетей надо дать!
- Ну, плетей-то, может, и того... – несмело заговорил управитель. – Все-таки пришел, донес... а? Так сказать, со всем почтением.
- С почтением! Нужно мне его почтение! Сволочи! Рвут, рвут на части! Тому дай, этому дай!..
- Нурибек сел и хмуро уставился в окно.
- Так что, господин? – спросил управитель через минуту. – Как вы решили?
- Ладно, отсыпь четверть, – махнул рукой дихкан. – Пусть подавится! Да Масуда мне позови! Где он там?
- Ишанкул вышел от хозяина, пятясь, но, как только закрылась дверь, выпрямился, выпятил живот и напустил на свою рябую физиономию выражение презрительной важности.
- Пойдем, – важно сказал он дожидавшемуся у крыльца Садыку. – Дихкан оказывает тебе милость.
- Время связкой железных ключей, он повозился у дверей амбара, отпер и, махнув Садыку рукой – дескать, стой здесь! – нырнул в полумрак.
- Через минуту он вышел, легко неся в руке меру – большую долбленую тыкву.
- Хозяин оказал тебе милость, – повторил Ишанкул. – Он велел дать тебе зерна. На мой взгляд, сведения, принесенные тобой, того не стоят. Но хозяин часто совершает благодеяния в ущерб себе. Так и сказал: Ишанкул, дай ему восьмушку. Я не могу послушаться. Держи!
- Садык подставил тюбетейку, и зерно почти наполнило ее.
- Знай щедрость нашего дихкана!
- Садык побрел прочь.

– Да уж, – пробормотал Ишанкул, глядя ему вслед и морщась. – И впрямь вонища от них – не приведи господи...

А потом крикнул:

– Масуд! Эй, Масуд! Иди скорей! Хозяин зовет!

* * *

Как известно всякому ученому человеку, Аллах сначала создал семь небес, а уж потом решил сотворить и семь земель.

Для того Он повелел ветру взволновать воду. Вода вздыбилась, вспенилась и образовала пар. Пар затвердел, и Всевышний, потратив два дня своего Божьего времени, слепил из него на поверхности воды Землю. А чтобы она была прочной, утвердил на ней крепкие горы – как вдоль, так и поперек.

Но, несмотря на это, Земля качалась на волнах, как утлая лодка, то и дело грозя перевернуться и пойти на дно.

Озадачился Господь. Поразмыслив, повелел одному из ангелов взять Землю на плечи, руками же поддерживать западные и восточные пределы.

Ангел послушался. Но поскольку не имел опоры, тут же стал тонуть, едва не захлебнулся, и, чтобы спасти несчастного, Господу пришлось бросить ему под ноги четырехугольную скалу из зеленого рубина.

Однако теперь тонула скала. Серчая и досадуя, Всевышний создал быка, который поддержал скалу величественными рогами.

Каково же было Его изумление, когда оказалось, что и бык вот-вот захлебнется! Рассердился Господь, недобрим словом помянул нечистого и сотворил кита по имени Ал-Бахмут, приказав ему плавать, подставив копытам быка свою широкую спину.

И обозрел Свое творение, и признал его совершенным.

Однако дьявол, никогда не покидающий ни одного из миров, нашептал киту что-то насчет того, как он велик и мощен, как огромен и вместителен; дьявол внушил киту гордыню и неповиновение – и тот возымел желание нырнуть.

К счастью, Господь догадался о дерзком умысле и, нимало не медля, создал мелкого зверька – ласку, – запустив его в левую ноздрю левиафана.

Непослушный гигант все еще раздумывал, как глубоко ему погрузиться в пучины вод, а ласка уже грызла его мозг, причиняя ему тем самым невыносимые страдания. Охваченный ужасом, кит взмолился, прося у Господа пощады и прощения. Господь Милостивый, Милосердный простил его, но пригрозил, что если тот будет своевольничать, ласка снова за него возьмется, – и приказал ей оставаться в ноздре до скончания веков. А для земной жизни создал другую – точно такую же...

Так все наконец успокоилось.

Земля окончательно утвердилась, климаты покрылись буйной растительностью, и всюду расселилась по воле Господа разнообразная живность, включая и людей, – всякая со своими привычками и повадками. Стала бродить по горам, лесам и степям, вознося Ему хвалу и выказывая почитание.

Но однажды Он заметил, что во всех Его землях царит странное уныние. Веселы только жвачные, да еще, пожалуй, обезьяны: первые жадно едят траву, а вторые радостно чавкают, поедая плоды. Прочие же слоняются меланхолично и без цели: хан-

дрят, то за одно примутся, то за другое, и все им не по вкусу, и ропщут они на Господа, Владыку их мелких душ.

Услышав сей ропот и удивившись черной неблагодарности своих созданий, Господь задумался. Мысль насчет того, что хищники жаждут крови, Его не посетила. Вместо того Он решил, что тварям не хватает добра. И тут же послал ангела рассеять его семя во всех пределах.

Ангел-порученец послушно взял лукошко и слетел на землю.

Встав на ноги, он огляделся – и стало ему хорошо. Так славно шумела листва под легким весенним ветром! Так сладко журчала вода в ручье! Так благоухал чабрец под жаркими лучами солнца! Так звенели кузнечики, так звонко жаворонок, невидимый в голубой выси, оглашал мир своей песней! Так мягка оказалась постель душистой травы!..

Он прилег в тенечке, пожевывая стебелек, у которого еще не было названия, и бездумно глядя в яркую лазурь неба, украшенную праздничными белыми бантами крахмальных облаков. Помечтал о том, что скоро он сделает порученную работу и вернется к подножию Господня трона; и как Господь похвалит его, а то еще, глядишь, повысит в должности. Потом ангел задремал, а затем и крепко уснул.

Тогда дьявол подкрался к лукошку и расчетливо плюнул в него черной вязкой слюной.

Солнце перевалило пуп и стало клониться.

Когда оно уж было совсем низко, ангел проснулся. Некоторое время он моргал, не соображая со сна, где оказался. Потом сладко потянулся, встал, ополоснул лик и, не заметив, что семя добра превратилось в семя зла, принялся за работу.

И где сыпал он налево, сильный начинал жрать слабого.

И где сыпал он направо, благословение становилось проклятием.

И где кидал перед собой – там кровь вскипала и пенилась.

И где бросал за спину – слез не хватало, чтобы залить пламя гнева...

День за днем и месяц за месяцем шел он по земле, не теряя времени, старательно исполняя порученное дело.

А когда прошел все пределы, Господь посмотрел вниз – и ужаснулся!..

Такая вот была история.

Но всадник, выехавший с подворья Нурибека в самый глухой час ночи (примолкли сверчки, ветер перестал шуршать сухой травой, и даже вода утихла, сонно перетекая в ручье с камня на камень), не размышлял о столь отвлеченных предметах – да и вообще вряд ли имел о них представление.

Звали его Масуд, только вряд ли кто-нибудь признал бы его сейчас: шерстяной кулях всадник низко надвинул на лоб, нижнюю часть лица завязал белым платком. Лишь платок и маячил во мраке, будто отблеск луны на глыбе кварцита, а все остальное – вороной конь, темная одежда всадника и его черная шапка – нераздельно сливалось с ночью.

Качаясь в седле и позевывая спростонья, он думал о том, согласится ли дихкан Нурибек поговорить с его собственным дихканом – Орашем – насчет его, Масуда, дельца. Дельце заключалось в том, что Масуду было очень желательно перенести между длинной стороны своего поля аршина на четыре восточней. Выгода в этом виделась для него несомненная. Сам он на земле не работал, сдавал исполу, но даже и полови-

на урожай с нового лоскута прибавила бы ему мешков сорок зерна. При этом, конечно, ровно на то же количество уменьшился бы урожай его соседа. Ну да про это особо думать Масуду было некогда: на его службе не до лишних раздумий. И вообще не до пустяков. Короче говоря, если б Нурибек Орашу за него словечко замолвил, так дело бы и сладилось, там уж не поспоришь: как владелец скажет, так и будет.

Конь шел шагом. Копыта едва слышно постукивали о камни.

Расслабленно покачиваясь в седле, Масуд уже подъезжал к околице, когда в шаге от дороги из куста шумно порхнула птица.

Конь шарахнулся, вперебив ударив подковами.

– Я тебе! – шикнул Масуд, заноса камчу. – Тихо!

Он миновал хирман – гладкую глиняную площадку, где по осени крестьяне обмолачивали зерно. Въехал в улицу, с обеих сторон стесненную дувалами.

Кишлак спал. Только откуда-то с другого края послышалось ржание, и Масуд протянул руку, зажал коню храп, чтобы тот не вздумал отозваться.

Скоро он оказался на кишлачной площади. Громадина чинары закрывала полнеба, и ни одна звезда не просвечивала сквозь ее тугие, полные листьев ветви.

Масуд спешил, кинув повод на ближний плетень.

Конь опустил голову, понюхал пыль и разочарованно фыркнул.

– Тихо, тихо! – пробормотал Масуд.

Оглядевшись, он неслышно вошел во тьму, сгустившуюся под кроной. Дупло было темнее самой густой темноты – казалось чернильным пятном.

– Эй! – негромко сказал Масуд. – Слышь, ты!

Никто не отозвался.

Масуд протянул руку внутрь. Нащупал что-то теплое. Потеребил.

– Слышь, как там тебя!

– Что? А? Кого? – должно быть, человек в дупле спросонья ничего не мог понять.

– Кого-кого! – вполголоса передразнил Масуд. – Никого! Вылазь, говорю!

Хаджи Мулладжан заворочался.

– Сынок, тебе что нужно? – спросил он. – Ты чего не спишь?

– Рубин давай, – сказал Масуд.

Старик молчал.

– Слышишь, нет? Добром прошу.

– Я не понял, сынок... чего ты хочешь?

– Рубин, – терпеливо повторил Масуд.

– Какой рубин?

– Ах ты хорек! – зашипел Масуд. – Придуриваться будешь!

Схватил, рванул.

Охнув, старик вывалился из дупла. Голова с костяным стуком ударилась о камень. Масуд вдобавок со всей силы пнул каблуком кованого сапога.

– Придуриваться еще мне! Хорек!..

Обшарил одежду. Порылся в котомке, выкинув из нее по очереди какой-то кривой корешок, комок соли, бечевку, четки из сухих ягод боярышника и тряпичную ладанку с какой-то трухой.

Сопя, сунулся в дупло, перевероршил солому, прощупал все щели.

Постоял в раздумьях, озираясь так, будто ждал подсказки.

– Вот хорек!

Снова пнул тело.

– Где рубин?! Куда заныкал?! Говори, гад!

Но старик молчал.

Масуд в ярости вышвырнул из дупла всю солому, снова раз пять перевероршил и перещупал жалкие пожитки странника.

Выругавшись напоследок, разобрал поводья, сунул ногу в стремя, взмыл в седло, уже заноса камчу.

– Пошел!

Стук копыт стих за поворотом...

* * *

Следующее утро выдалось для дихкана Нурибека суматошным, причем суматоха эта нарастала буквально с каждым часом.

Началось с того, что ко двору явился бистуякец Садык и сообщил о гибели старика-странника. Выслушав эту новость из уст передавшего ее домоправителя, Нурибек потребовал к себе Масуда. Вместо того, чтобы протянуть владельцу бесценный камень, Масуд, запинаясь и не глядя в глаза, доложил, что рубина он не нашел, а что касается хорька-старикашки, то о нем он ничего сказать не может. Нурибек был так расстроен отсутствием лала Джамшеда, что смерть безвестного бродяжки потеряла какое-либо значение. Нурибек долго бесновался, орал, обвиняя Масуда во всех смертных грехах, затем велел обыскать. Обыск не дал результатов. Скорее всего, дело кончилось бы конюшной с плетями, но в это время снова примчался Садык и доложил, что старика уже похоронили, что же касается мужчин села Бистуяк, то они собираются идти в Бухару жаловаться эмиру.

Нурибек сначала не поверил. Жаловаться эмиру?! – да такого и в заводе никогда не было! Как они и думать-то смеют о чем-нибудь подобном?!

Дихкан снова было разорался, однако трепещущий Садык стоял на своем: да, так и есть, он не обманывает: все мужчины кишлака Бистуяк, включая стариков и подростков, собрались на майдане под чинарой. Сначала долго галдели, потом повесили на шеи веревочные петли и накрылись рогожами взамен чапанов в знак совершенного своего смирения. И, должно быть, уже плетутся по Бухарской дороге... во всяком случае, все к тому шло, когда он, Садык, улучил минуту, чтобы незаметно улизнуть.

Осознав происходящее, Нурибек бранчливо потребовал коня и нукеров; со словами, что, дескать, сейчас он покажет всем этим ублюдкам, каково замышлять против дихкана, поскакал, браво возглавив свой небольшой, но решительный отряд. Однако не прошло и часа, как вернулись, причем одного из парней привезли с пробитой головой: непокорные крестьяне обрушили на них такой шквал комьев глины и камней, что поневоле пришлось отступить.

Едва ли не впервые в жизни Нурибек чувствовал настоящее смятение. Идут в Бухару! к эмиру! а он ничего не может сделать!..

Правда, он знал, что эмир Назр сейчас в Герате... ждут его возвращения, а он все не едет... но ведь все равно при дворе полно начальников! Сын эмира есть, царевич Нух... хаджиб есть... а ну как кто-нибудь из них поверит этим мерзавцам?!

Единственное, что оставалось, это опередить их – самому скакать в столицу, па-
дать в ноги, слезно жаловаться!..

Он взял с собой Масуда.

Объехав кружным путем маршрут бистуякцев и оказавшись на Бухарской дороге
далеко впереди них, Нурибек повернул коня в сторону невысокого холма. Копыта
крошили суглинок.

Бугристая выжженная степь плыла знойным маревом. Маревое слоилось, сгущаясь
и трепеща. По правую руку заманчиво блестела поверхность воды, отражавшей плос-
кую пустыню белесого, отвратительно жаркого неба. На самом деле это было не озе-
ро, а солончак.

Нурибек щурился, вглядываясь: мелкие, как вши на кошме, такие же желто-бу-
рые, как степь, неприметные.

Если б не ветер, тянувший легкое облако пыли, поднимаемой их босыми ногами, и
вовсе было бы не разглядеть.

– Скоты! – в сердцах сказал Нурибек.

Лучше всего было бы им одуматься. Остановиться, постоять, потоптаться. Порас-
суждать. И повернуть обратно.

Нет, идут.

– Сволота, – пробормотал Нурибек и, дернув повод, чтобы развернуть лошадь, ряв-
кнул: – Это ты виноват, дурак! Зачем ты его трогал?!

Он занес камчу.

– Да вы же сами сказали, – заныл Масуд, закрываясь локтем. – Не бейте, хозяин! Вы
же сказали: принеси рубин... я пошел, а старик...

– Старик-шмарик! – зло оборвал его Нурибек. – Что – старик?! Разве я тебе велел
его убивать?!

Масуд понуро супился и сопел.

– Что ты молчишь, шакал?! Отвечай: велел?!

– Нет, хозяин, но...

– Что – но?!

– Он первый начал, хозяин! Замахнулся на меня. Я думал – все, сейчас голову рас-
шибет...

– Чем замахнулся?! Булавой?! Мечом?!

– Палкой...

– Палкой! Ну и треснул бы он тебя этой палкой, все лучше было бы! А теперь я
прикажу сто палок тебе дать, дубина ты стоеросовая! Сдохнешь под моими палками!
Шкуру твою вонючую на барабан натяну!.. Замахнулся он!.. А теперь что?! Ты видишь?
Нет, ты мне скажи – ты видишь?! Дурак чертов! Вот уж верно говорят: с дураком свя-
жешься, сам дурак будешь!..

Маревое сгущалось, сгустки двигались. Уже было видно, что это все-таки не вши, а
люди.

Растянувшись чуть ли не на полверсты, они медленно брели по пыльной дороге.

Худые оборванные мужчины, голые по пояс, накрыты от солнца грубыми рого-
жами.

– Прежде не было такого, господин, чтобы сразу к эмиру, – робко заметил Масуд.

– Не было, говоришь?! Глаза разуй, недоносок! Что, глазам своим не веришь, ублю-
док?!

Впереди шагал сухой старик в грязной чалме. У него было непреклонное выражение лица, и посохом своим он всякий раз колол землю так же непреклонно. И петля на его морщинистой шее болталась так, будто означала не покорность, а, напротив, являлась символом бунта. Знаменем.

– Вот я устрою им ишачий праздник, – устало пробормотал Нурибек, трогая лошаадь. – Ладно, погнали!

Они повернули коней.

Отсюда, с холма, уже брезжил зыбкий мираж – приземистый город, растопыривший пальцы минаретов...

* * *

У Молитвенных ворот не было слышно стука копыт, да и колеса повозок хоть и так же натужно скрипели, но не гроыхали: от самого въезда улицу и прилегающую к ней площадь выстлали ковры. Время от времени мальчишки ковровщиков кое-как расправляли их – загаженные конским пометом, пропитанные верблюжьей мочой, сбитые в комья ногами, копытами, колесами; – кое-как сгребали, сметали навоз, и тогда черно-красные, багряные и синие узоры вновь плавилась в дрожащем воздухе полуденного зноя.

У одного из дуканов толстый сириец в алой чалме кричал на продавца, доказывая несуразность запрашиваемой цены, но в окружающем гвалте казалось, что он лишь попусту разевает рот.

Ближе к Арку теснились москательщики, подпираемые с одной стороны гончарными рядами, с другой – текстильными.

– Дай проехать! – во все горло орал Масуд, тесня конем толпу. – Нурибек едет! Нурибек!

Кто такой Нурибек, никому здесь не было известно, и вопли Масуда производили на участников торжища примерно такое же действие, как если бы он просил милостыню.

Но все же, миновав Регистан, пробрались к более или менее благоустроенным подворьям канцелярий и приказов. Тут прохаживались стражники, разгоняя торговцев, было просторно, а волнообразно накатывающее гоготание базара слышалось издали почти приятной музыкой.

– Дихкан Нурибек! – сказал Масуд стражнику, направившему пику в грудь лошади.

– А по мне хоть Харибек*, – добродушно ответил стражник, кривя рябую рожу в ухмылке. – Прочь с коня!

Спешились. Нурибек, то и дело утирая красным платком пот, струившийся из-под бобровой шапки, бросил повод Масуду и, нетвердо после долгой скачки ступая кривыми ногами по глубокой пыли, двинулся к огромному пештаку, являвшемуся воротами внешней стены Арка.

Выйдя на внутреннюю площадь, окруженную несколькими мечетями, Нурибек остановился, растерянно озираясь. То и дело сновали молодые муллы – то с каким-то свитком в руках, то с молитвенным ковриком под мышкой.

– Уважаемый!.. – Первые двое не удостоили его взглядом, третий замедлил шаг. –

* Игра слов: нур – свет, хар – осел. (Прим. авт.)

Во имя Аллаха милосердного! Не подскажите, где мне найти глубокоуважаемого хаджи Гургана?

Мулла равнодушно пожал плечами и ускорил шаг.

Нурибек колебался. Он знал, что царевич сейчас в летнем дворце, – это, получив пару дирхемов, сообщили стражники при въезде. Но идти к нему просто так, без представления, было рискованно. Известно, чем кончаются подчас такие визиты... Вспрешься – а он не в духе. Раз – и башка с плеч. Да и не пустят, пожалуй, – мучительно размышлял дихкан, глядя на двух дюжих сарбазов, скрестивших пики у входа.

Чувствуя, как начинают неметь ноги, он все же двинулся к ним.

– Добрый день, уважаемые. Я...

– Шапку сними, – хмуро посоветовал тот, что стоял слева, – рябой и узкоглазый.

Нурибек сбил с головы шапку и поклонился.

– Чего надо? – сказал стоявший справа.

Он был широколиц, бородат, смотрел весело, даже с любопытством, а вовсе не так тупо и угрюмо, как его напарник.

Именно к нему Нурибек и обратился:

– Простите, уважаемый... во имя Аллаха Милосердного... все в Его руках!.. Как бы мне увидеть глубокоуважаемого хаджи Гургана?

– Хаджи Гургана? – переспросил тот. – Визиря царевича Нуха?

– Да, да! – обрадовался Нурибек, часто кивая и утираясь платком. Честно сказать, он не понимал, какой такой визирь может быть у молодого эмира. Визирь – это у самого эмира... иначе не бывает... ну да что, дурак он – спорить со стражником, злить его?! Визирь так визирь! – Верно говорите, уважаемый! Визирь молодого эмира! Его уже назначили? Да его и так все знают, как же можно не знать глубокоуважаемого хаджи Гургана?! Он с царевичем рука об руку... из одной чаши пьют... Его эмир Назр любит, к себе приближает! И понятно – ведь товарищ родного сына, как не порадеть!..

– Ага, – саркастически буркнул узкоглазый. – Хаджи!.. Из него такой же хаджи, как из моей коровы – муфтий.

– Ну перестань, – урезонил его бородач. – Что ты корову с человеком равняешь? Ведь твоя корова чалму не носит?

– Не носит, – согласился тот. – Но если дело в чалме, так намотаю – глазом не успеешь моргнуть.

– Да ладно тебе, – махнул рукой бородач и снова перевел взгляд на Нурибека.

Покачал головой, явно изумляясь количеству пота, которое струилось по красной от жары и волнения физиономии просильца, и спросил с усмешкой:

– Что, теплый нынче денек выдался?

– Ага, – тупо кивнул Нурибек. – Очень жарко, очень. Тут еще ничего, а в степи! – безнадежно махнул рукой и повторил: – Так где же, уважаемый?..

– Хрен его знает, – по-доброму ответил бородач, пожимая плечами. – Не было сегодня.

– Не было? – растерянно переспросил Нурибек. – Как же так?! Ведь господин Гурган всегда во дворце! Он ведь...

– Двигай отсюда, – сухо сказал узкоглазый и с отчетливой угрозой качнул древком пики. – Двигай, двигай, нечего тебе тут делать!

Глаза его еще больше сузились, превратившись в черные щели.

– Да, да, – пробормотал Нурибек, утирая пот.

Он понимал, что затея проваливается. Да, но... как же тогда? Оставалось одно – заявить стражникам, что он явился не просто так, а по делу государственной важности. Оно не терпит промедления. Эмир должен быть оповещен немедленно! Если нет эмира, тогда хаджиб! Нет хаджиба – царевич! А поскольку речь идет о вещах секретных, то пусть его тотчас же проводят в покои!

Он размышлял, отчаянно потея.

Не дай Бог, попадешься под горячую руку... не вовремя... некстати... махнет хаджиб рукой и – в яму Нурибека... а то и с башни!.. Никто и не вспомнит, что он дихкан, владелец!..

– Я ведь... оно... глубокоуважаемые... во имя Аллаха милосердного... – бормотал дихкан, но слова о государственной важности его дела только бесполезно скребли горло, вызывая натужный хрип, а наружу не лезли.

И – о чудо! – именно в это тусклое, гиблое мгновение он увидел господина Гургана.

Точнее, он увидел невысокого полноватого человека в голубой чалме и длинном светло-зеленом халате – то есть одетого и выглядящего именно так, как одеваются и выглядят молодые муллы. Озабоченно наклонив голову набок и потирая друг о друга ладони, будто они зябли (это при таком-то зное, когда стоило лишь махнуть насквозь мокрым платком, как он высыхал, покрываясь белесыми разводами соли), человек этот шел мелким шагом – но таким быстрым, что полы чапана разлетались на ходу, и время от времени становилось видно, что он препоясан мечом – чего никакой мулла не мог бы себе позволить. А тут и рукоять мелькала, и ножны высывались. Странное сочетание, ничего не скажешь... однако Нурибеку было не до того.

– Хаджи Гурган! – узнав, закричал он голосом, каким взывают погибающие в пустыне. – Ах, господи, хаджи Гурган! А я-то вас ищу!

Гурган удивленно вскинул взгляд.

– Как ваше здоровье? – уже бормотал Нурибек, хватая его ладони в свои и даже пытаясь привлечь в объятия, чему тот ошеломленно воспротивился. – Как вы себя чувствуете? Все ли в порядке? Мы с вами родственники, уважаемый хаджи! Двоюродный брат вашего шурина моему дядьке свояк! Хасан его зовут! Как же вы меня не помните? Я вас еще вот таким!.. – задыхаясь, Нурибек мотал рукой у колена. – Вот таким маленьким еще!..

– А как ваше? – попытавшись было отнять руки, машинально завел было молодой мулла ответное бормотание. – Все ли у вас хорошо, уважаемый Нурибек, все ли спокойно?.. Да что вам нужно-то от меня, уважаемый?!

Не позволяя ему ускользнуть в тень портала, Нурибек поспешно и путано излагал свою тяготу.

– То есть, вы хотите к царевичу? – нетерпеливо оборвал Гурган. – Я правильно понял?

– Да! Да! Жаловаться! Они идут сюда! Не слушаются!

– Сто динаров.

– Сто?! – ахнул Нурибек, будто прямо под вздох вогнали ему лезвие ржавого кинжала. – Мы ведь родственники, хаджи. У меня нет таких денег! Возьмите половину!

– Видите ли, уважаемый Нурибек, – сказал Гурган. – Если налить в кувшин половину того, что он вмещает, там и будет ровно половина, а уж кувшин вы можете называть

как угодно. Хотите, говорите во имя Аллаха «полупустой», а хотите – «полуполный».

Нурибек сморщился.

– Что? – хрипло спросил. – При чем тут?

– Долженствования, или обязательства, бывают трех видов, – складывая руки на животе, напевно и ласково перебил его молодой хаджи. – Обязательства первого рода связаны лишь с исполнением оных, то есть собственно обязательств. Обязательства второго рода связаны с исполнением некоторых других обязательств. И, наконец...

Мучительно напрягающийся в попытках понять, о чем идет речь, Нурибек затряс головой:

– Ну нет у меня ста динаров! Возьми шестьдесят, ради Аллаха! Последнее отдаю! Оброка еще не собирал!

Хаджи задумчиво посмотрел на него сощуренным взглядом темных глаз. Лицо у него было безусое, под нижней губой пушилось что-то вроде бородки.

– Ну ладно, – нехотя кивнул он. – Но тогда к зиме пришлешь мне пятьдесят баранов. Есть бараны? Или ты в своем Бистуяке всех заморил?

– Есть бараны! – облегченно оживился Нурибек. – И люди есть! Работать только не хотят, сволочи! Представляете, господин Гурган, совсем нет совести. На все готовы, лишь бы выцыганить лишние деньги! Притащился невесть откуда какой-то безумный старец... зороастриец, наверное, не иначе... чертов огнепоклонник!.. Заморочил всех, а потом невзначай и помри, а меня виноватят. Только и разговоров про покойника... И все для чего? – чтоб меня по миру пустить!

– Бедный, бедный Нурибек, – покачал головой хаджи, пряча тяжелый мешочек. – Сердце кровью обливается, когда слушаешь о ваших бедах!.. Да, наш эмир, да продлится его царствование на тысячу веков, попустительствует зороастрийцам. По-хорошему, давно пора всех огнепоклонников повесить на тополях. И всех прочих, кто отходит от истинной веры... Между прочим, в этом и ваше упущение, дорогой Нурибек, ваше упущение.

Хаджи махнул, сарбазы расступились.

Они прошли длинным сводчатым коридором, оказались в тенистом и прохладном внутреннем дворе; обложенный тесаным камнем бассейн окружали источающие благоухание розы. Негромко гулила горлица, потренькивал где-то в покоях чанг, гулко отдавались шаги по каменным плитам.

Возле стен тут и там сидели молчаливые люди в расшитых золотом чапанах и белых чалмах. Миновали еще одну галерею.

– Это со мной. К молодому эмиру. Дело государственное, – отрывисто сказал Гурган, проталкивая бледного Нурибека мимо стражников.

Он первым, откинув занавесь, нырнул в дверной проем и, согнувшись, пошел вперед.

Нурибек без раздумий пал на колени и пополз следом мимо стоящих по обе стороны от дверей сановников (один держал что-то вроде алебарды с серебряным топориком).

Царевич сидел на подушках, покрытых красным ковром. Черный бархатный чапан, украшенный драгоценными камнями, подчеркивал белизну и свежесть его лица. Муслиновая чалма была увенчана султаном из перьев, а серебряная петлица пересекала ее по диагонали. Справа от Нуха замерли два мальчика с какой-то драгоценной утварью в руках. Несколько высокопоставленных царедворцев чинно стояли по обе стороны от возвышения.

Сделав три шага, Гурган низко поклонился.

– Мумин! – капризно воскликнул Нух. – Наконец-то! Тебя обыскались! Где ты ходишь?! Меня тут уже совершенно заморочили! Иди сюда! Выпей вина! Дайте ему!

Опустившись на колени, Гурган сел рядом. Мальчик с поклоном протянул чашу, он отхлебнул и почмокал.

Тогда царевич Нух привлек друга к себе и что-то горячо и весело зашептал на ухо. Тот рассмеялся, отстраняясь.

– Согласен! Когда?

– Как когда? Да прямо сейчас! – обрадовался царевич, делая попытку подняться с подушек. – Все, совет окончен!

– Подожди, – ласково попросил Гурган. – Я привел одного человека...

Нух досадливо сморщился.

– погоди, погоди, тут дело важное. Дело касается подданных твоего отца. Это – он указал на припавшего к подстилке Нурибека, – владелец селения Бистуяк. Под его рукой жители так обнищали, что решили идти к эмиру Назру с жалобой...

– Отец в Герате, – заметил Нух.

– Ну да, так кому как не тебе с этим разобраться?

– С чем разобраться?

– Они идут к Бухаре, – раздельно сказал Гурган. – Нужно что-то делать!

– Идут к Бухаре? – обеспокоенно переспросил хаджиб, высокий полный человек в шитой золотом чалме. – Кто им позволил?

– Никто, – развел руками Гурган.

– Что-то делать, – царевич задумался. – А что делать? Ну, пусть он даст им денег... или чего там? Зерна пусть пообещает, хлеба! Что не будет их притеснять! – Нух повернул голову и сердито посмотрел на Нурибека. – Ты почему людей мучишь, мерзавец?! В яму захотел?! Отвечай!

Нурибек онемел и, попытавшись было приподнять голову, снова пал лицом в палас.

– Старик пришел, – забормотал он. – Пришел старик, поселился в дупле... стал мутить!..

– В каком еще дупле? – поморщился царевич. – Что ты несешь? Разве он – птица?

– Нет, не птица... дерево... дупло, – лепетал Нурибек. – Честное слово, ваша милость!..

Кто-то из сановников, стоявших справа от возвышения, хохотнул и громко произнес звучный бейт: дескать, мы склонны прощать птиц, когда они гадят нам на головы, в силу малого количества их дерьма; но что делать, коли мы начнем летать сами?

Все расхохотались.

Гурган скривился, бросив быстрый взгляд в сторону поэта.

– Уважаемый Джафар, вы это сейчас придумали?

Рудаки молча поклонился.

– Замечательные стихи! Не устаете поражать нас своим талантом! Но все же дело серьезное!

– Да уж куда серьезней, – согласился Рудаки. – В дупле старик или не в дупле, но сытые люди не пойдут толпами бродить по дорогам Мавераннахра. Думаю, добрый Нурибек довел своих крестьян до полного отчаяния...

– Нурибек всего лишь стоит на страже собственного имущества.

– Но ради увеличения собственного имущества не стоит отнимать у людей последнее.

Глаза молодого хаджи заледенели. Он огладил бородку и сказал со вздохом:

– Нурибек – простой добрый человек. Знаете, Джафар, поговорку, что бытует в кругу людей, подобных доброму Нурибеку?

– Я знаю множество поговорок. Какую именно вы имеете в виду?

– Что съел, что выпил – то твое. А что глазами увидел – ушло к другому.

Джафар покивал, соглашаясь.

– Верно говорите, господин Гурган, верно... Не буду оспаривать доброту уважаемого Нурибека. Но, согласитесь, судьбу того, что съели и выпили, можно увидеть чуть позже, когда пойдете по нужде... не хотите ли вы сказать, что добрый Нурибек и жизнь своих крестьян перевел на это?

Гурган повернулся к царевичу.

– Что бы кто ни говорил, а Нурибек – человек добропорядочный, я его хорошо знаю, могу поручиться... о людях своих заботится, поборами не угнетает. Сдал оброк – работай на себя! Нет, тут в другом дело. Бунтуют!

– Бунтуют? – озадаченно повторил царевич.

– Бунтуют! Да еще как! Кто их звал в Бухару?! Ну, послали бы одного или двух... с жалобой. А они всем кишлаком идут. И еще неизвестно, как они идут! Может, они с мотыгами своими идут? Если мотыгой по голове, то это, дорогой мой Нух, не хуже алебарды. Они взбунтовались против твоего отца. И против тебя! Этот благородный человек делает все, чтобы им жилось привольно и сытно. Но тупые скоты хотели все большего, а работать не желали вовсе. А теперь и того пуще: вооруженной толпой двинулись в твою столицу!

– Разве вооруженной?

– Ну а разве нет, если с мотыгами?!

Нурибек кивал, не смея поднять глаз.

– Сколько их?

– Человек пятьдесят, ваша милость, – прохрипел Нурибек.

– А по какой дороге?

– К Молитвенным идут..

– Пятьдесят человек, – повторил Нух, растерянно глядя на Гургана.

– Думаю, надо их проучить, – заявил Гурган. – Показать сволочи, что под рукой эмира Назра все должны соблюдать порядок. Согласись, эмир постоянно об этом говорит: давайте соблюдать порядок!

– Подождите, ваша милость, – Рудаки выступил вперед. – Прошу вас, не спешите! Позвольте мне одному поехать им навстречу. Я уговорю их вернуться. Уверен, что уговорю! А потом спокойно разберемся!

– Нет, нет, нет! – взвинченно воскликнул Гурган, глаза которого сияли желтым огнем. – Это опасно! Поймите, господин Рудаки! Эмир не простит, если с вами что-нибудь случится! Со всех присутствующих головы снимет!

От молодого хаджи текла сейчас энергия и сила; казалось, воздух вокруг струится от жара.

– Да, верно, – замороженно сказал царевич. – Надо что-то предпринять!

– Разрешаешь? – Гурган схватился за рукоять меча. – На все готов! Сам сотню поведу!

- Да, но... а как же?.. мы же хотели...
- Через час вернусь! – Гурган, шагнув к дверям, попутно пнул Нурибека мыском сапога. – Через два!.. Вставай, владетель!

* * *

Набирая ход, блестя оружием, трепля по ветру бунчуки на концах пик, сотня звонко и дробно шла по Кок-ташской дороге.

Нурибек и Масуд скакали последними. Нурибек волновался, как бы эта тяжелая лавина злых коней и оседлавших их людей, вооруженных и закованных в броню, не проскочила поворот.

Но Гурган и здесь не оплошал – сбавив аллюр, кони уже впроскачку перебирались через глубокие рытвины, оставленные весной колесами арб, и выходили направо, на нужный отвилочок дороги.

Скоро вдаль показалось облако пыли. Через несколько минут уже можно было различить человеческие фигуры.

Командир сотни вырвал из ножен меч, дико завизжал, равномерно и быстро крутя им, сверкающим, над головой.

* * *

Заметив клубы пыли, сухощавый старик с непреклонным выражением лица упер посох в землю и поднес ладонь к глазам.

Люди переговаривались.

- Смотри-ка!

По изможденным лицам блуждали недоуменные улыбки.

- Войско, что ли?

- Точно, войско!

- Ух ты!

- Войско, войско!

- Да много!

- Разве это много? Вот когда...

- Много, много!

- Наверное, наш эмир пошел Баласагун воевать!

- Точно, точно!

- Какой эмир?! Эмир, говорят, в Герате...

- Да, да! Ахмед сказал – воевать Баласагун!

- Баласагун воевать? Давно пора с неверными разобратся...

- Конечно... мало своих бед, еще чертов Баласагун!..

- Чертов Баласагун, да! Показать им!..

Между тем сотня совершала непростой маневр – строй взял правее, пронесся полукругом, топча посева, и теперь уж, стремительно приближаясь с правой руки к растянувшейся по дороге процессии, рассыпался в лаву.

Топот копыт прибавился к шороху травы, к посвисту ветра, к дребезжанию кузнециков. К ошеломленному молчанию пеших.

- Что вы делаете, люди!..

* * *

Командир-тюрк властно махнул рукой, ординарец выкрикнул команду. Похохатывая и переговариваясь, всадники вытирали клинки. Трубач поднес к губам трубу...

На дороге остался растерянный и понурый Нурибек. Масуд, беспрестанно облизываясь и сглатывая слюну, ошеломленно озирал залитую кровью, заваленную телами дорогу. Лошадь потянулась было к окровавленной траве – он испуганно поддернул повод...

Сотня уже почти скрылась за холмом, когда от нее вдруг отделились два всадника и поскакали назад.

Нурибек обеспокоенно всматривался... просиял, разглядев.

– Дорогой хаджи, – закричал он, привставая на стременах. – Спасибо! Я ваш должник! Баранов через пару месяцев пригоню!

Гурган неспешно подъехал, придержал лошадь, огляделся.

– Да-а-а, – протянул он, качая головой. – Напахали ребята...

– Через пару месяцев, – толковал Нурибек, но улыбка отчего-то сползала с его лица, заменяясь серой бледностью.

– Да какие уж теперь бараны! – сказал Гурган, скалясь в усмешке. – Я вот о чем подумал... зачем нашему эмиру владетели без крестьян?

Командир-тюрк взмахнул мечом.

На мгновение клинок превратился в широкую полосу блестящего воздуха.

Голова Нурибека, медленно упав, откатилась в сторону. Тело, заливая кровью седло, сползло набок.

Лошадь фыркнула и переступила.

– А ты кто? – спросил Гурган, поворачиваясь ко второму.

– Я нукер его, – деревянно сказал Масуд. – Просто нукер я.

Зажмурился.

Тюрк, не вытирая лезвия, выжидающе смотрел на Гургана.

Гурган покусывал тонкий ус.

– Кто наследует покойному? Дети есть у него?

Масуд снова открыл глаза.

– Детей нет...

– А кто есть?

– Брат есть... Рядом живет, – Масуд неловко махнул непослушной рукой.

– Поезжай, скажи брату: так, мол, и так. Думай, брат, о своем благополучии. Эмир Назр не любит, когда кто-нибудь притесняет его подданных. А сын его Нух – тем более!

Гурган хлестнул коня. Командир-тюрк, так и не дождавшись второго кивка, ловко вытер меч о круп лошади, бросил в ножны и поскакал следом.

(Продолжение следует.)

То, что сохраняет

Я смотрю на фотографию из семейного альбома. Поздняя весна. Зеленые ветки. Зеленая, чуть светлее, трава. На траве – папина свернутая куртка, ее не видно, потому что на ней сижу я, твоя мама. Улыбаюсь. Но глаза тревожные. Рука – на животе. Живот обыкновенный, но мы с твоим папой уже знаем, что там живешь ты, моя девочка. Мы только что были у доктора. Срок – недель восемь.

Рядом в траве – алое пятно, это наш семейный термос. Китайский. Его привезли в подарок твоей молоденькой бабушке в те незапамятные времена, когда слова «мне подарили китайский термос» вызывали трепет и зависть. Как, неужели настоящий китайский? Красный, импортный?! С изумительно прорисованной розочкой в овале, окруженном иероглифами?! Чудо какое.

И мы поехали в горы. В термосе – чай, в пакете – бутерброды. В горах прохладно. А термос, хоть и старенький, с крошащейся внутрь пробкой, но отменно сохраняет чай горячим. Этот термос – семейная реликвия. От бабушки – моей маме, от мамы – нам. Его крышка слегка помята, а бока чуть облезли, но он исправно несет службу на пикниках, на Иссык-Куле, в больницах. Нам сказали: все хорошо, но давление высокова-то. Надо бы лечь в больницу. Поэтому я тревожусь.

Завтра я лягу на сохранение. В палате вместе со мной будут две женщины, одна – с мертвым ребенком в утробе (последствия дурацкой краснухи) и три на ранних сроках с осложнениями. Все пьют чай, едят и болтают по мобильным под лопочущий телевизор. Только та, с мертвым ребенком, лежит лицом к стене. Уже не плачет, ждет операции.

Меня посмотрит доктор. А потом она скажет добрым голосом: зачем вам? У вас давление, белок, почки не в порядке и гемоглобин нехороший. И возраст все же. Не то чтобы, но все же. И у вас ведь, кажется, уже есть сын? Подумайте. А срок маленький, вы и не заметите, чепуха какая. А то родится больной, инвалид или урод какой. Или вообще умрет, и вы тоже. А у нас статистика, но дело не в этом. Просто жалко вас, вы еще молодая. Не то чтобы, но все же. А? Подумайте, в общем, посоветуйтесь. А мужья обычно таких бросают, с уродами, имейте в виду. Так что вот.

И я пойду по коридору, держась за стену, выкрашенную в праздничный коричневый цвет. И в голове у меня будут черные холодные мысли. И белок в крови испугается стука моего сердца. И я войду в палату, и на ощупь найду свою кровать и брошусь на нее, головой в подушку. А потом сяду и потянусь за термосом. И уроню.

А потом я позвоню твоему папе и скажу, захлебываясь слезами: «Саша... я термос разбила...».

И больше ничего не смогу сказать.

Он бросит все и примчится в больницу, и будет долго-долго разговаривать со мной, во дворике, под зелено-фиолетовыми ветками сирени. Он привезет мне Книгу и велит читать ее. И велит думать о самом важном. Да, мы поговорим и примем трудное решение.

На несколько месяцев больница станет моим вторым домом. Будут меняться соседки, интерьер палат, цвет стен, названия лекарств, времена года за окном, вес и уровень гемоглобина. На тумбочке – чашка, ложка, минеральная вода. В тумбочке – зубная паста и сухари.

А под подушкой – Книга.

А ты отличная обыкновенная девчонка. Мальчишки таскают твой рюкзак и провозжают тебя домой. Ты любишь теннис, фехтование и мороженое. Тебе уже десять, и я все еще тревожусь, но уже по другим поводам.

Так погиб наш фамильный термос.

Я не смогу передать тебе его как эстафету из прошлого, как подарок от мамы – дочке. Я могу только рассказать тебе эту историю.

Историю про то, что сохраняет.

«Новый эпос» о Духе и Истине

Дискуссии о том, есть ли будущее у бумажной книги, ведутся в последние годы все более оживленно. Поэты и прозаики все чаще доверяют первые публикации своих текстов «Живому Журналу». Литературные журналы рождаются в Сети – или покидают бумагу, чтобы перейти в электронное измерение. Читатель превращается в пользователя, отучающегося шуршать страницами и привыкающего варьировать по своему вкусу шрифт и кегль на мобильном экране.

Реже пока обращают внимание на то, как меняется в ходе этой культурной революции сама бумажная книга.

Проект двух авторов – «Сергей Круглов. Натан. Борис Херсонский. В Духе и Истине» (Ailuros Publishing, New York, 2012) – интерактивен по своей сути и представляет собой плоть от плоти современного бытования художественного слова. Еще лет 15 назад подобное собрание текстов под одной обложкой было бы трудно себе представить. У проекта оказалось шесть родителей, без каждого из которых он бы не состоялся (гендерное равенство в этом составе соблюдено). Сергей Круглов и Борис Херсонский создали по циклу стихотворений о вымышленных героях – православных священниках. (А потом обменялись персонажами: Херсонский написал стихи от имени Натана, придуманного Кругловым; Круглов – от лица Гурия, сочиненного Херсонским.) У Марии Майофис возникла идея объединить их в книгу. Илья Кукулин написал к ней предисловие, Ирина Роднянская – комментарий ко второму циклу, выполнивший роль послесловия. Наконец, живущая в Штатах поэт и издатель Елена Сунцова взяла на себя труд зафиксировать итог общих усилий на бумаге. И если выдернуть из этой конструкции хотя бы один из шести дополняющих друг друга элементов, складывающихся воедино как цепь комментариев и взаимных отсылок, рухнет все здание.

Но новизна проекта состоит не только в столь сложносочиненной его структуре. Каждый из стихотворных циклов – это, во-первых, череда сюжетно связанных историй, объединенных одним героем, а во-вторых – моделирование авторами иного типа личности, проживание событий изнутри чужого лирического «я». В современной русской поэзии художественный опыт такого рода получил определение «нового эпо-

са». Канувший в Лету жанр поэмы берет реванш, но с помощью принципиально нового оружия, не в последнюю очередь опирающегося на бытующие в Сети практики.

Круглов с 1998 года – православный священник. Приняв сан, он перестал публиковать стихи, но спустя несколько лет вернулся в литературу.

В центре поэзии Круглова часто оказываются вера, отношения человека с Богом и церковью. И в то же время мысли, переживания и ассоциации лирического героя временами шокируют своей неканоничностью. В западной литературе приходит на ум аналогия с польским поэтом-священником Яном Твардовским. Но там, где Твардовский упирается в стену сомнения, Круглов преодолевает препятствие насквозь, испытывая боль от содранной кожи. Он часто смотрит на православие словно бы извне, из некоей отдаленной общекультурной точки, как будто проверяя на прочность – то ли вероучение, то ли собственную веру. В одном из его предшествующих стихотворений – «Какой в этом году апрель ранний...» – образ апреля персонифицируется в молодого протестанта, впервые пришедшего в православный храм*.

Герой цикла «Натан» также дистанцирован – от своей паствы. На первый взгляд непонятен сам мотив его перехода в православие. Ни одно из стихотворений не проливает прямого света на превращение молодого еврея в отца Натана. Отраженный свет излучает первое стихотворение «Натан едет в поезде» – своеобразный затакт всего цикла, который может быть воспринят как его предыстория.

Как покинутый оккупант Натан в этой стране!

Тадам-тадам – стук колёс короток, ночь длинна.
Сквозь родину как сквозь песню – километры, поля, поля,
Воронья сажа, дымы, щетина рощ,
Надрыв географии – ветер.

.....
Натан пил вместе с ними,
Тошную водку продавливал в желудок,
Запевал, плакал, неверными руками братался,
Открыл книгу Ктувим: Эйха – зачитывал
Этим людям, о чем плакал Йермиягу –
Об одиноко сидящем городе, некогда многолюдном –
И плакали все.

«Где ваша вера? – ликовал Натан, кашлял,
И слоистый дым, вязок, качался – тадам! – на стыках, –
Ваша вера – рабство, грязь – ваше счастье!
Свиное своё сало зовёте вы смиренъем,
Покаяньем – вот эту вашу хвастливую водку,
О вы, необрезанные сердцем!»

Слушали, ухмыляясь. Потом – били,
Весело, подвесили с гаком: «Ах ты!..
Нна, нна!» Тадам, тадам.

* Круглов С. Из стихотворений 2006–2007 годов // Новое литературное обозрение. 2007. № 87 (magazines.russ.ru/nlo/2007/87/kr38.html)

Натан идет в постсоветский народ-«богоносец» – в гущу «необрезанных сердцем» – и пьет с мужиками в грязном тамбуре. Это не падение – скорее, вочеловечивание. Заново связать Ветхий завет с Новым, наполнить новые мехи словом Божиим возможно только через жертву, – так видится герою. (Это роднит его с героем романа Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» – добровольным посредником, столь же непонятым и оставленным с обеих сторон, своими и чужими.) Евангельские сцены почти не фигурируют в стихах о Натане, но сама идея этого цикла воспринимается как дерзкий намек на Евангелие.

И ласточка мысли, взмывающая под купол церкви в стихотворении «Натан участвует во встрече архиерея», не в родстве ли с голубем над головой Спасителя, принимающего крещение в Иордане?

...Ласточка, о которой забыли все,
Отчаянно цвиркнула, рванулась – лопнула
Тонкая золотая нить –
И устремилась насквозь, прочь,
В солнце, в ласковое и повелительное
Небо, туда,
Где лилии полевые, где летучие возлюбленные сёстры, где
Наша первая любовь жива,
И храм затих...

Если «Натан» изобилует прямыми и скрытыми отсылками к Священному Писанию, которые лишь отчасти проясняются во вступительном слове Ильи Кукулина, то текст Бориса Херсонского щадит непосвященного читателя: примечаниями снабжены даже такие слова и цитаты, которые в объяснении, казалось бы, не нуждаются. (Впрочем, заслуга здесь, вполне возможно, принадлежит редакции «Нового мира», где был впервые опубликован цикл «В Духе и Истине»^{*}.)

Задача Херсонского в каком-то смысле легче – за счет большей дистанции между автором и персонажем. Автор (православный еврей, как и Натан Круглова) пишет о православном архиерее Гурии (по-видимому, русском). Нестрогая хронология разворачивает перед нами Лето Господне – последний год жизни героя, балансирующего между стремлением сохранить чистоту служения и необходимостью соблюдать компромисс с богоборческой властью. Действие происходит в начале 80-х, в сердцевине застоя.

«В Духе и Истине» – настоящий эпос в стихах, не пренебрегающий сугубо прозаическими приемами. В цикле преобладает нарратив, но череда событий показана глазами Гурия. Каждый текст – законченная глава. Экспозиция укладывается, как правило, в первые одну-две строки, затем включается внутренняя речь архиерея, перемежаемая диалогами. В финале почти каждого стихотворения повествование вновь переключается на третье лицо, словно камера отъезжает:

^{*} *Херсонский Б.* В Духе и Истине // Новый мир. 2010. № 4 (magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/4/he7.html).

Пока читали Апостола, Гурий спал наяву,
восседая на горнем месте. Мерещились те года,
когда он в Богородицком, в храме тёмном пустом, как в хлеву,
проповедовал стенам, иконам, лампадам – прихожан и следа
не осталось. До Сибири из храма было рукой подать.
А он попал в Казахстан. Особая благодать.

.....
...Бабка моя говорила, что вы
проповедовали пустоте. Две-три девки слушали вас, в том числе – она.
Прятались, из-за колонн не показывали головы.
Вы их не замечали. Для вас – что девушка, что стена.

Ну, уж это – хватил, думает Гурий, как же, ведь не слепой!
То платочек мелькнёт, то личико высветится, то рука.
Оттого проповедовал много и горячо, для девушек, пой,
соловушка! И улыбка застывает на лице старика.

(«Пока читали Апостола, Гурий спал наяву...»)

Исключение составляет последнее стихотворение цикла – «Пётр заходит к владыке в спальню. Гурий столбом...». Внутренняя речь умирающего архиерея редуцирована до формулы-заклинания – и впервые совпадает с речью «внешней»:

Владыко, белый день на дворе,

а вы не одеты, нехорошо! Служить-то будете – где?
В духе и истине. Где? В духе и истине. И опять повторил:
в духе и истине.

Эти повторяемые Гурием слова, взятые из беседы Христа с самаритянкой у колодца, приподнимают и окрашивают иным светом весь прозаический пласт цикла, помещая бытовые, на первый взгляд, эпизоды в плоскость сакрального.

Сергей Круглов и Борис Херсонский писали (и публиковали) свои очень разные циклы независимо друг от друга, решая каждый свою задачу. Когда возникла идея объединить циклы в книгу, возникла и необходимость связать два блока чем-то большим, чем скобки предшествующего и завершающего комментария. В итоге Херсонский написал стихи Натана, а Круглов – Гурия. Получилось что-то наподобие стихов к роману «Доктор Живаго» – во всяком случае, у Херсонского.

Лучше, если придёшь за час до открытия магазина,
покуда не рассвело, лиц не видно, только фигуры под стенкой
с кошёлками и бидонами. Вот и машина «Хлеб». Запах бензина.
Грузчик в грязно-белом два лотка, подпирая коленкой,

тянет медленно на себя, рядами булки-буханки,
годы, люди, злыдни, неизлечимые мысли, небо лилово,
демоны прячутся, дворняга из консервной жестянки
лакает воду. Если предвечное Слово

и было сказано, тут никто не услышал, чего там,
лучше за час до открытия, с ноги на ногу переминаясь,
думая о своём ни о чем, развлекаясь подсчётом
голов впереди, годов позади, так, не меняясь,

проходит жизнь, если загодя успеваешь всё же,
вернувшись, позавтракать, в школу отправить сына,
даже лучше, если одно и то же, Господи, Боже,
лучше, если Ты придёшь за час до открытия магазина.

(«Лучше, если придёшь за час до открытия магазина...»)

Не знаю, мог ли написать такие самодостаточные стихи Натан. Херсонский – безусловно мог. Не случайно некоторые из этих текстов публиковались ранее, в отрыве от будущей книги*.

Круглов же, сочиняя от имени Гурия, честно выдерживает чистоту эксперимента – и это наименее интересная часть книги.

Впрочем, книги ли? Более подходящим определением для совместного произведения двух больших поэтов все же кажется «проект». Пересекающиеся образы, переплетающиеся мотивы двух циклов наверняка могут послужить материалом не для одного исследования (в частности, мотив слепоты – служения вслепую, и смежный с ним мотив Шехины – непосредственного переживания божественного присутствия), но бумажные книги – те самые, потрепанные, пахнущие сладкой целлюлозой, читавшиеся на ночь, – прежде рождались иначе.

Лично мне не хватило встречи двух героев. Если не духовной, то хотя бы – в пику хронологии – грубо физической.

Например, главы: «Натан приходит на исповедь к владыке Гурию».

---

* См., например, стихотворение «вот сказали умер и мощной рукой вознесен...» в журнале «Интерпоэзия», № 1, 2009 (magazines.russ.ru/interpoezia/2009/1/he12.html)

АВТОРЫ НОМЕРА

БИРЮКОВ Дмитрий – кандидат философских наук, ученый секретарь Института истории христианской мысли при Русской христианской гуманитарной академии (Петербург). Живет в Петербурге.

ВОЛОС Андрей – прозаик, лауреат Государственной премии Российской Федерации, российско-итальянской премии «Москва-Пенне», «Антибукер» и других. Живет в Москве.

ГЕРМАНОВ Валерий – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН Узбекистана. Постоянный автор «Востока Свыше». Живет в Ташкенте.

ДОРОФЕЕВ Роман – историк, религиовед; проректор Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

КАЛАУС Лилия – писатель, книгоиздатель; главный редактор журнала «Книголюб» (Алма-Ата). Участник 3-го Ташкентского фестиваля поэзии (2003 г.). С 2011 года живет в Ростове-на-Дону.

МУРАТХАНОВ Вадим – поэт, прозаик, критик. Член редакционного совета журнала «Восток Свыше». Автор пяти книг стихов. Живет в Подмоскowie.

РТВЕЛАДЗЕ Эдвард – доктор исторических наук, профессор, академик АН Узбекистана. С 1967 г. работает в Институте искусствознания АН Узбекистана. Член Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан. Живет в Ташкенте.

САРАСКИНА Людмила – литературовед, критик. Специалист в области творчества Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына, русской литературы XIX—XXI вв. Доктор филологических наук. Главный научный сотрудник Государственного института искусствознания. Живет в Москве.

СТОЛЯРОВ Виталий – журналист, пресс-секретарь Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

ЧЕРНОМОРЕЦ Юрий – доктор философских наук, профессор кафедры философии и политологии Национального университета государственной налоговой службы Украины. Живет в Киеве.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам:

история Православной церкви (в целом и в Средней Азии – в частности);

Православие в современном мире;

Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге;

история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в редакторе Microsoft Word) по адресу: vostok_svyshe@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

День проверки редакционной почты – каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении присланной рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору направляется второе письмо – о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу на предмет плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые редакцией.

После прохождения журнальной редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск XXVI

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лиля Шахназарова**
Вёрстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать 31.VII.2012 г.
Печать офсетная. Формат 20 x 27,8. Тираж 1000.
Заказ №

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz